ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ
Алексѣя Сергѣевича Суворина.
Шкафъ №

103.5.33

ИЗСЛѢДОВАНІЕ
КНИГИ
О
ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ
И
ИСТИННѢ.

Библиотека Государственной Публичной

Сочинено особливымъ обществомъ одного Губернскаго города.

* * *

Хотъ полкъ противныхъ мнѣ возстань;
Но я не ужасаюсь.
Пускай враги воздвигнутъ брань,
На Бога полагаюсь.

Изъ одъ *Ломоносова.*

ВЪ ТУЛѢ,
1790.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Имѣя пребываніе наше, судьбою намъ опредѣленное, отъ большаго свѣта и отъ столицъ, гремящихъ многоразличными дѣяніями разнаго состоянія жителей, находящихся въ оныхъ, удаленное, мы мало получаемъ увѣдомленія о произшествіяхъ всякаго рода, попремѣнно являющихся и изчезающихъ въ сихъ поприщахъ суетъ и всеобщихъ движеній; потому разглашенія, занимающія многихъ любопытныхъ и праздныхъ о новой сектѣ, уже поздно достигли до свѣдѣнія маленькаго нашего общества. Чудныя о ней сказанія возбудили въ насъ, какъ и въ прочихъ, любопытство узнать сіе нравственное и политическое явленіе; но недостатокъ средствъ и случая къ тому оставляли желаніе

нïе наше тщетнымъ. Наконецъ одинъ собратъ нашъ, имѣя нужду отправиться въ столицу, обязался употребить всевозможное стараніе пріобрѣсть къ удовлетворенію нашему свѣдѣніе о предмѣтѣ, учинившемся главнѣйшимъ нашимъ вожделѣнïемъ. Во все время отсутствïя сочлена нашего, мы пребывали въ крайней нетерпѣливости о возвращеніи его, и восхищались предгрядущимъ удовольствïемъ получить желаемое просвѣщеніе. Мы изчисляли дни отъ отбытïя его, и назначали топъ, который долженъ былъ, по мнѣнію нашему, прекратить ожиданіе наше. Наконецъ Депутатъ возвратился, и мы уже чаяли, что онъ при перьвомъ отверстïи устъ своихъ объяснитъ существенность науки Мартинистовъ;

стовъ; однако упованїе наше не соотвѣтствовало воображенїю нашему, и всѣ утѣшенїя, представляющїяся намъ къ уменьшенїю нетерпѣливости нашей, имѣли токмо дѣйствїе усугубить оную: ибо возвратившїйся извѣстилъ насъ что не смотря на усильное, его стараніе, онъ не могъ доступить до святилища мнимой тайны, хранимой новыми Гїерофантами.

Однако нашъ посланникъ, дабы удостовѣрить насъ о своемъ попеченїи снискать познанїе о порученномъ ему, привезъ къ намъ книгу, которая служитъ основанїемъ сей новой секты, сочиненную мнимымъ пророкомъ оныя, и по имени котораго послѣдователи его именуются. Мы съ превеликою жадностїю приступили къ чтенїю, ласкаясь найти хотя нѣко-

торую часть объясненїя на недоумѣнїя наши, еще больше умножившїяся послѣ привезеннаго собратомъ нашимъ увѣдомленїя. Но удивленїе наше возрастало по мѣрѣ углубленїя нашего въ оное: ибо мы повсюду находили вмѣсто ясныхъ положенїй непостижимую Метафизику, безобразныя разсужденїя, юродивыя мнѣнїя и тѣ самыя предложенїя, которыя по важности своей долженствовали быть больше явственны и вразумительны, представлены съ притворною мрачностїю и Каббалистическимъ изображенїемъ. Все пространное проповѣдываніе, содержащееся въ сей книгѣ, произшедшее отъ воображенїя мечтанїями возпаленнаго, знаменуется тщеславїемъ, гордостїю и шарлатанствомъ; ибо онъ не иначе говоритъ читателямъ своимъ, какъ

что

что онъ пришелъ возвѣстить истинну, просвѣтить ему подобныхъ, доспавить благо роду человѣческому, и что до него всѣ были въ заблужденіи. А изъ такого безподобнаго самохвальства заключить надобно, что проповѣдникъ такого надмѣннаго ученія, будучи одушевляемъ безпредѣльнымъ самолюбіемъ и гордостію, старается токмо увѣрить о своемъ сверьхъестественномъ знаніи тѣхъ, которые чтеніе книги его предпринять отважатся, дабы основать и утвердить новую секту или частное собраніе, послѣдующее мнѣніямъ особливымъ.

Хотя продажа оной книги и была пресѣчена; но до того великое число вышедшее екземпляровъ, могло разсѣять мысли преклон-

ныя ко лжизымъ предложенїямъ, содержашимся въ семъ соборищѣ химеръ безобразныхъ; ибо случается, что отмѣнное съумасбродство, представляющее бредни о предмѣтахъ однимъ воображенїемъ произведенныхъ, и требующее болѣе врачеванїя, нежели вѣроятїя, отъ нѣкоего рода умовъ почитается сверьхъестественною премудростїю. Къ тому же иногда бываетъ, что возпященіе меньше дѣйствуетъ надъ мнѣнїями, нежели гласъ здраваго разсудка, показующаго, что предлогъ вниманїя на себя обращающїи, есть ничтожный и болѣе осмѣянїя, нежели уваженїя достойный. Потому мы за долгъ почитаемъ издать наши замѣчанїя на собраніе странныхъ нелѣпостей, произшедшихъ отъ безпредѣльнаго припяженїя личной пользы и безумнаго тщеславїя,

вїя, дабы предубѣжденные сокровенною премудростїю Каббалистико-Метафизическаго учителя могли видѣть, что подъ покровомъ мнимыхъ таинствъ ничего, кромѣ надмѣнности, особенныхъ выгодъ, лжесловїя и уклоненїя отъ здраваго разсудка не заключается, и что всякой удобно усмотрѣть можетъ, на какихъ благоразумныхъ догматахъ она утверждается.

Главное содержанїе оныхъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Человѣкъ въ первобытномъ состоянїи не находился на землѣ, и не имѣлъ тѣлеснаго сего покрова, какимъ онъ нынѣ одѣтъ

Надлежитъ стараться ему возвратить первыя его права, которыя дѣлали его Царемъ вселенныя.

Приближенїемъ къ первобытному свѣту онъ пріобрѣтаетъ владычество и право рабства надъ подобными себѣ.

Квадратъ есть изображенїе Божества.

Музыкальное согласїе совершеннаго строя такъ же показуетъ намъ образъ онаго.

Во времени есть причина, Богомъ сотворенная, дѣйствующая и разумная, которая всѣмъ вещественнымъ существомъ управляетъ; человѣку надлежитъ достичь до понятїя ея, дабы приближиться къ первобытному состоянїю.

Всѣ вещи тѣлесныя имѣютъ начала безтѣлесныя, на примѣръ: дерево, камень, минералъ существуютъ началами безтѣлесными.

Доброе и злое начала въ свѣтѣ царствуютъ и другъ другу про-

противодѣйствуютъ; и еще другїе пункты столько же разногласны со здравымъ смысломъ, сколько и политическимъ установленїемъ, что легко всякой увидѣть можетъ въ умствованїи его, проницаемомъ разсудку, о произхожденїи начальственной власти.

Никогда благоразумной и чтущїй справедливость примѣчатель не будетъ вмѣсто дѣянїй Натуры, многократными испытанїями утвержденныхъ, предлагать свои увѣренїя, не получившїя, такъ сказать, клейма истинны, неопровергаемыми доказательствами на нихъ наложеннаго. Дерзость сїя, можетъ быть, только сопряжена со лживымъ знанїемъ или съ предубѣжденїемъ снизходительнаго собственныхъ своихъ произведенїй одобренїя заставляющаго почитать ихъ со-

вершенными. Обладающій справедливымъ ученіемъ ничего безъ вѣрнѣйшихъ объясненій, учинившихся долговременными наблюденіями несомнѣнными и ощутительными, не предлагаетъ; но мечтающій умствователь, гордясь вымышленными своими мудрополоэеніями, повелѣваетъ читателямъ принимать ихъ за истинныя пружины всего естества, не смотря на то, что существо онаго и текущее обращеніе его не воображеніемъ познаемо быть можетъ, но вопрошеніемъ рачительнѣйшаго испытанія Натуры, которая отрицаетъ всякое откровеніе въ себѣ пустомысленности, изображающейся суесловіемъ; но обнаруживаетъ себя только тѣмъ, кои прилѣжаніемъ и трудолюбіемъ тщатся проникнуть въ твореніа ея.

Мы

Мы старались сокращать наше изслѣдованіе, поелику предмѣты онаго намъ дозволяли: ибо если-ли бы мы хотѣли не оставлять безъ замѣчанія всѣ предложенія, требующія оныхъ; то бы намъ должно было сочинить книгу, прогоняющую огромностію своею и самыхъ неустрашимыхъ читателей, которые покусились бы приступить къ чтенію оной.

Мрачный нашъ проповѣдникъ извиняется въ непостижимости его ученія, обязательствомъ долгомъ и скромностію своею; однако сія послѣдняя не возпрепятствовала ему употреблять частыхъ самохвальствъ, кои приличны токмо однимъ лжепророкамъ: ибо онъ предварительно увѣдомляетъ своихъ читателей, что *хотя онъ и пренебрегалъ красоты изрѣченія; но добросовѣстной*

стной читатель признается, что онъ излишне былъ въ ономъ тщателенъ, то есть, что онъ по скромности своей даетъ знать, естьли бы не дѣлалъ сего пренебреженїя; то бы сверьхъестественное показалъ краснорѣчїе. Но мы замѣтимъ, что не можно согласно съ правымъ разсужденїемъ въ одномъ какомъ либо дѣлѣ или вещи быть и тщателнымъ и пренебрегательнымъ; а потому надлежитъ думать, что частныя повторенїя и противорѣчїя учителя мнимыхъ таинствъ, произходятъ отъ сего несовмѣстнаго совокупленїя тщанїя и пренебреженїя; понеже вся вымышленная его система о существахъ тѣлесныхъ и безтѣлесныхъ основана на противодѣйствїяхъ тайныхъ началъ, такъ какъ красоты изрѣченїя его на противныхъ дѣйствїяхъ тщанїя и пренебреженїя.

По правиламъ сего же противодѣйствія онъ послѣ всѣхъ, самимъ собою приписуемыхъ себѣ, или надмѣнными израженіями, или безмолвнымъ образомъ тщеславныхъ одобреній, на концѣ книги своей говоритъ, что читатели могли примѣтить изъ скромности его, что онъ могъ бы сказать имъ болѣе, нежели они видѣли. Особливая скромность, сама себя похваляющая! Но всего удивительнѣе то, что онъ послѣ утвердительнаго своего ученія и торжественнаго объявленія, что онъ въ истинахъ онаго *такъ увѣренъ, какъ бы самъ присутствовалъ при сотвореніи существъ*, паки торжественно объявляетъ, что онъ ничего не знаетъ. Нѣкогда въ Парижѣ былъ шутъ, или, по простолюдимому сказать, гаиръ, называемый *Janot*, которой въ игрищахъ

щахъ своихъ на открытомъ мѣстѣ предъ собранїемъ народа говаривалъ: c'en est; ce n'en est pas; оно есть; оно не есть. Сїи слова были въ такой модѣ, что они употреблялись между лучшими людьми во всевозможныхъ смыслахъ. Кажется, и нашъ проповѣдникъ, подражая сему славному *Jmot*, хочетъ сказать, что онъ знаетъ и не знаетъ, что ученїе его справедливо и несправедливо. Всякой благоразумный читатель легко увидѣть можетъ, что онъ употребляетъ сїю противодѣйствующую политику для того, дабы обратнымъ средствомъ и противнымъ, господствующимъ во всемъ его сочиненїи, къ утвержденїю мнимыя откровенныя ему премудрости вѣрнѣе ударить въ цѣль, которую онъ себѣ предпоставилъ.

Не

Не имѣя предъ глазами подлиннаго сочиненія на Французскомъ языкѣ, мы не можемъ судить о точности переложенія нѣкоторыхъ словъ; но токмо замѣтимъ, что слово *resulter* поставлено въ переводѣ по Французски и названо содѣйствіемъ не справедливо: ибо *resulter* не значитъ на Французскомъ языкѣ содѣйствія; но сумму, произведеніе или слѣдствіе содѣйствія разныхъ дѣяній. Относительно до перевода всей книги вообще, мы съ радостію отдаемъ справедливость, что оной чистъ, внятенъ и текущъ; сожалѣтельно только, что господинъ Переводчикъ употребилъ свое дарованіе на переводъ такого съумасброднаго сочинителя, которой конечно не можетъ требовать лучшаго изложенія непостижимаго своего ученія.

Мы на концѣ нашего изслѣдованія прилагаемъ таблицу, по которой любопытные читатели могутъ найти страницы текста,

изъ

изъ коего взяты предложенія, нами опровергаемыя.

Сіе сочиненіе наше было написано въ 1788 году; но какъ многія запрудненія совокупясь возпрепятствовали изданію онаго: то протеченіе съ того года времени по нынѣшнее, по необходимому премѣненію всего, что есть во времени, нанесло перемѣну и въ обстоятельствахъ, относящихся до опроверженія нашего и предполагаемой нами цѣли въ предвзятіи пируда сего; а потому можетъ быть, уменьшило любопытство къ предлогу, которой потерявъ новости своей, долженъ потерять большую часть и вниманія, съ начала къ себѣ привлекавшаго. Но не смотря на сіе, мы осмѣливаемся сказать, что изслѣдованіе наше мечтательной книги не совсемъ будетъ безполезно для читателей, желающихъ находить пищу разсужденію своему въ произведеніяхъ имъ представляемыхъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

КНИГИ

О

ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ И ИСТИННѢ

ВЪ рѣдкомъ писаніи высокомѣріе и гордость сочинителя являются съ такою надмѣнностію, съ какою въ книгѣ, служащей предлогомъ нашему изслѣдованію; ибо Авторъ въ предисловіи своемъ говоритъ, что онъ *за долгъ почелъ, ради пользы себѣ подобныхъ, свергнуть страшный покровъ, коимъ въ телерещнемъ состояніи одѣта*

наука, то есть, что весь родъ человѣческой, кромѣ его, пребываетъ въ глубокомъ невѣжествѣ, и что одному ему вся премудрость и познаніе истинны открыты. Но по нещастію подобныхъ ему, ученіе его такъ темно, что онъ и самъ признается, что немногіе разумѣть оное будутъ, прибавляя еще къ тому, что онъ иногда предлагать будетъ совсемъ иное, нежели о чемъ говоритъ. Въ такомъ случаѣ на что было дѣлать ложное обѣщаніе, когда онъ самъ знаетъ, что пишетъ непонятно; а *страшный покровъ* ни чѣмъ инымъ сверпуть не можно, какъ яснымъ истолкованіемъ предлагаемыхъ доказательствъ.

Онъ объявляетъ читателямъ своимъ, что онъ *за не нужно почелъ ссылаться на какія нибудь свидѣтельства, для того, что истины на единыхъ токмо свидѣтельствахъ основанныя, не были бы уже истинами.* И по-

то-

тому онъ повелѣваетъ, почитать истинами токмо тѣ, о которыхъ онъ будетъ самъ свидѣтельствовать не явнымъ и сокровеннымъ образомъ. Но сіе предложеніе свидѣтельствуетъ неправильность разсужденій его: ибо есть много истинъ, о которыхъ вѣрныя свидѣтельства всякое сомнѣніе отъемлютъ, и безъ коихъ онѣ и не были бы истинны. Свидѣтельствъ, непребующія истинны суть токмо тѣ, которыя мы или физически познаемъ, или дѣйствіемъ здраваго разсудка имѣемъ о нихъ понятіе, столько же насъ о существованіи оныхъ увѣряющее, сколько и чувственное ощущеніе.

Естьли вещь полезна и составляетъ благо человѣческое, на что писать о ней невразумительно и съ притворною темнотою? Не есть ли долгъ любящаго себѣ подобныхъ изъяснить оную, чтобъ всякой могъ понять и возчувствовать пользу отъ нея проистекающую?

Онъ говоритъ, что не отъ него *произошло ученіе проповѣдуемое имъ, но отъ природы.* Никакое ученіе, откуда бы оно ни произошло, а наипаче такое, которое близко блаженства человѣческаго касается, не долженствуетъ проповѣдываться непостижимо и сокровенно; таковой образъ обманчиваго наставленія употребляемъ почти одними пищеславными и лживыми учителями, дабы мнимую свою премудрость покрыть нѣкоимъ мрачнымъ изрѣченіемъ, подъ которымъ бы ничтожность знанія ихъ удобно сокрыться могла.

Воистинну, говоритъ гордый Авторъ предубѣжденный самолюбіемъ своимъ, *ежели читатель дастъ себѣ время возчувствовать важность и взаимный союзъ началъ, которыя ему предлагаю; то признается ... что они служитъ основаніемъ всему, что существуетъ...* И что читатель

тель увидитъ невѣжество всѣхъ Философовъ, Политиковъ и Законоположителей, которые, по увѣренію его, преподаютъ ученія, или учреждаютъ законы безъ правилъ и безъ доказательствъ. Но воистину надмѣнный и мрачный сочинитель не могъ, далѣе распространить наглость свою, порицаніемъ всѣхъ великихъ мужей въ учености и всѣхъ премудрыхъ законодателей,

Явно изобличается незнаніе и высокомѣріе его, когда онъ говоритъ, *что онъ одѣваетъ себя покровомъ, дабы не всегда его проникнуть было можно, и что онъ показалъ еще только первыя черты* обширнаго *своего знанія*. Обыкновенно лживое ученіе и незнаніе ищутъ убѣжища въ недоумительныхъ изреченіяхъ и темныхъ предложеніяхъ, дабы приняв видъ важности, показаться сокровенною премудростію; а высо-

комѣрное самолюбіе всегда болѣе хочетъ сказать о себѣ, нежели можетъ, не смотря на то, что уже съ излишествомъ въ пользу тщеславія своего изъясняется.

Потомъ онъ прибавляетъ, что *цѣль его есть благо человѣка вообще.* Но кто не видитъ сколь несогласное противурѣчіе? Можно ли предпоставить себѣ цѣлью благо человѣческаго рода вообще и надѣть на себя покровъ, чтобъ роду человѣческому не быть вразумительнымъ, *предлагая ему совсѣмъ иное, нежели о чемъ онъ самъ говоритъ?* Впрочемъ онъ запрещаетъ думать, что онъ и самъ не имѣетъ ясныхъ понятій о проповѣдуемомъ имъ, и что онъ для того облекся въ покровъ невразумительнаго истолкованія своего мнимаго ученія, дабы естественныя свои заблужденія оградить непроницательностію, и не обнаружить мелкаго своего понятія о существ-

ществахъ, о коихъ онъ писать предпринимаетъ.

Онъ съ отмѣнною важностію обѣщаетъ, открыть ошибки въ твореніяхъ людскихъ, равно какъ во всѣхъ установленіяхъ гражданскихъ и священныхъ, такъ какъ бы онъ былъ свыше существа человѣческаго, и не подверженъ никакой ошибкѣ: но всѣмъ шарлатанамъ свойственно приписывать себѣ надъ другими преимущество.

При началѣ перьваго своего отдѣленія, онъ сожалѣетъ о всѣхъ трудящихся въ изысканіи истины, утверждая, *что всѣ оные находятся въ заблужденіи и собственною рукою налагаютъ покрывало на очи свои. И тогда,* прибавляетъ онъ, *не видя ни малѣйшей свѣтлости владаютъ въ отчаяніе или боязнь, и устремляются на стези погубныя, которыя удаляютъ ихъ навсегда отъ истин-*

мого пути. Всѣ его покрывала, ни къ чему иному не служатъ, какъ усугубить темноту книги его и увеличить страшное покрывало, которое онъ свергнуть обѣщаетъ. Сіе огромное обѣщаніе, творитъ его подобнымъ народному продавцу вымышленныхъ лѣкарствъ, предлагающему и надежное отъ недуговъ исцѣленіе и жизнь долговѣчную; но обманутые простаки скоро, познавъ легковѣріе свое, находятъ себя щастливыми, естьли оно не бываетъ причиною ихъ разкаянія.

Противно ежедневнымъ испытаніямъ, что бы люди упражняющіеся въ снисканіи истины, впадали въ отчаяніе и устремлялись на пагубныя стези; ибо мы видимъ любящихъ ученіе и углубленныхъ въ познаніе премудрости, сколько она по свойству человѣческому познаваема быть можетъ, что они не впадаютъ въ отчаяніе и ни по какимъ пагубнымъ стезямъ не ступа-

паютъ. Они не истощеваютъ дни свои такъ, какъ онъ говоритъ, въ тщетныхъ и безплодныхъ усилiяхъ; и онъ напрасно думаетъ, что бы труды ихъ были совсѣмъ безплодны, или оставляли по себѣ одну горесть; повеже пріобрѣтеніе во всякомъ родѣ познаній есть не безплодно, и не только горести по себѣ не оставляетъ; но еще и причиняетъ совершенное удовольствіе.

Онъ говоритъ, *что человѣкъ, какъ скоро захочетъ обратить взоръ свой на самаго себя, при первомъ взглядѣ легко почувствуетъ и признается, что есть для него опредѣленная наука, или очевидный законъ...* Но не уже ли мрачный проповѣдникъ одинъ токмо въ родѣ человѣческомъ, который можетъ обращать взоръ свой самъ на себя! И не уже ли одному ему только предоставлено было узнать совершенно сiю истинну,

о которой онъ такъ невразумительно пишетъ! Прошлыхъ и нынѣшняго столѣтія люди глубокаго разума, обширнаго ученія и сильнаго размышленія, не безуспѣшнѣе его обращали взоръ свой на существо вообще, и особенно на человѣка: они находили внѣшно скрытныхъ дѣйствій, опредѣленной науки и очевиднаго закона, никому себя однако же не объявляющаго, въ первомъ, премудрость Божію; а въ познаніи человѣка, необходимость для него быть добродѣтельнымъ, что конечно не безполезнѣе двойственнаго и тройственнаго его законовъ.

Онъ присовокупляетъ, *что и всякому существу оный* (законъ) *данъ, но не во всѣхъ вообще существахъ находится* . . . Предложеніе, противорѣчіе означающее! Ибо, когда, отъ Всевышняго Создателя и Творителя міровъ, законъ данъ всякому существу; то оный законъ

не

не можетъ во всѣхъ вообще существахъ не находиться, напримѣръ: когда солнцу законъ данъ освѣщать и согрѣвать, планетамъ вокругъ его шествовать, тѣламъ находящимся на земномъ шарѣ имѣть къ центру онаго стремленіе, магниту притяженіе желѣза, человѣку думать и проч.; то уже всѣ оные законы не могутъ не находиться въ сихъ существахъ деполѣ, пока онѣ бытіе свое имѣютъ не прекращаютъ.

Однако, не смотря на непонятное и мрачностію покрытое его писаніе, онъ думаетъ, что великое благодѣяніе людямъ сдѣлаетъ, *когда покажетъ источникъ и происхожденіе того безпорядка, который ихъ изумляетъ*... но есть, источникъ добра и зла владычествующихъ въ свѣтѣ. Онъ ничего, ни яснѣйшаго, ни удовлетворительнѣйшаго прежнихъ любомудрыхъ писателей о семъ предлогѣ

не предетавляетъ, въ коихъ мы находимъ, что Персіяне въ глубочайшей древности признавали два противуположительныя существа, подъ названіемъ Ормазда, доброе, и Аримана злое; что Индѣйцы еще прежде ихъ, такъ же имѣли свое особливое мнѣніе о происхожденіи зла. Они думали, что Брама, божество могущества и славы; Вишну, любви и добродѣтели; Сивъ, жестокости и разрушенія, совершали съ общаго согласія другихъ боговъ имъ подчиненныхъ, называемыхъ Девтовъ. Сіи полубоги учинились возмутителями превысприяняго обиталища; и богъ, перьвенствующій изъ трехъ боговъ, сверзилъ ихъ въ бездну преисподнюю. По истеченіи многихъ вѣковъ ихъ наказанія, они исходатайствовали быть человѣками, и принесли зло на землю, коего сѣмя въ нихъ уже существовало и на небеси, почему Брама и принужденъ былъ дать имъ свой новой завѣтъ, называемый Вейдамъ.

Егип-

Египтяне такъ же признавали два начала, доброе и злое, подъ именами Озирида и Тифона.

Въ первыхъ столѣтіяхъ Кердонъ, Маркіонъ и Манентъ ереси начальники, утверждали ересь свою на добромъ и зломъ началахъ, и которую святый Августинъ столь торжественно изпровергнулъ.

Но всѣ мнѣнія о двухъ началахъ, столько же противны разсудку и правильному понятію, сколько и нашего мрачнаго проповѣдника объ оныхъ истолкованіе.

Онъ говоритъ: *зло есть ложное; понеже оно не можетъ существовать одно; ибо противъ воли его законъ существъ въ одно время съ нимъ существуетъ, и оно не можетъ его никогда уничтожить, хотя и угнѣтаетъ его и разстроиваетъ исполненіе его.* Когда зло угнѣ-

угнѣтаетъ и разстроиваетъ исполненіе закона существъ; то оно есть вещественно, не ложно и существуетъ, такъ же противъ воли существующаго закона, какъ сей по мнѣнію его существуетъ противу воли зла.

Потомъ на другой страницѣ говоритъ: *зло не имѣетъ само по себѣ никакой силы*... Но на что же онъ сказалъ, что оно угнетаетъ и разстроиваетъ законъ существа? Слѣдственно оно не только не безсильно, но имѣетъ въ высшемъ степени силу, когда можетъ угнѣтать и разстроивать законъ существа.

Далѣе еще онъ разсуждаетъ: *ежели бы добро сначала и всегда было современно злу; то ни которое не могло бы прiобрѣсти другъ надъ другомъ никакого превосходства; ибо, по сему предположенiю, злое начало*

не зависѣло бы отъ добраго и имѣло бы равное ему могущество; и такъ оба они или не имѣли бы другъ надъ другомъ никакого дѣйствія, или бы содержали себя въ равновѣсіи; а изъ сего равенства сихъ произошла бы недѣйствительность и совершенное безплодіе въ дѣлахъ сихъ обоихъ существъ; ибо взаимнодѣйствующія силы ихъ непрестанно бы препятствовали другъ другу произвести что либо. Изъ сего разсужденія, что можно заключить иное, какъ добро и зло, хотя неравнаго могущества и старшинства, однако находятся не только между собою въ союзѣ; но и въ необходимомъ содѣйствіи; ибо отъ недѣйствительности ихъ произошло бы безплодіе въ дѣлахъ ихъ?

Но онъ не долго при семъ заключеніи оставляетъ читателя своего, ибо нѣсколькихъ строкъ ниже

утверждаетъ, что *между добромъ и зломъ не было и не будетъ ни малѣйшаго союза... что добро не можетъ содѣйствовать рожденію зла, ни происходящимъ отъ него дѣйствіямъ...* Онъ прежде утверждалъ, что *взаимнодѣйствующія силы добра и зла непрестанно бы препятствовали къ произведенію дѣлъ* ихъ; но слѣдственно, по его надѣ[illegible], безъ всего препятствія они [illegible]лы имѣютъ дѣйствительность и произведутъ свои дѣла, одно передъ другаго; потому что отъ недѣйствительности ихъ произошло бы безплодіе въ дѣлахъ ихъ; а по сему, послѣ такого утвердительнаго предложенія, уже не можно паки утверждать противное оному.

Не льзя не удивляться, какъ такія упорныя одно другому противурѣчія и непонятныя разсужденія, коими безпрерывно наполняется кни-

книга мечтающаго писателя, содержащая въ себѣ не всеобщія заблужденія, но собственныя его, могла пріобрѣсть славу, хотя кратковременную, и читателей имѣющихъ терпѣніе читать ее. И что еще страннѣе, что нѣкоторые изъ оныхъ тщеславятся, будто они заключающуюся мнимую потаенную въ ней науку понимать могутъ! Но какъ мода во многихъ случаяхъ болѣе людьми управляетъ, нежели здравой разсудокъ; то были и такіе, которые не читавши ее, увѣряли, что она содержитъ въ себѣ премудрость нужную для блага человѣческаго; дабы причислить себя къ послѣдователямъ ученія Мартинистовъ, коего проповѣдники, имѣя больше разсудка, нежели сіи легкодумцы вѣрующіе чужимъ разсужденіямъ, находили въ сооруженіи новой секты, на паденіи такъ же славящагося въ свое время Масонства, не одну выгоду, что бы говорить о себѣ заставить; но другія

больше имъ полезныя, не въ химерическихъ мнѣніяхъ устроенныя, но въ вещественныхъ предѣлахъ обрѣтающіяся.

Послѣ столь ясныхъ его истолкованій о добрѣ и злѣ, онъ вопрошаетъ: *естьли зло не произошло отъ добраго начала, какимъ же образомъ могло оно родиться?* Поистиннѣ сказать, прибавляетъ онъ, *сіе предложеніе весьма важно, и такое, въ которомъ я бы желалъ удостовѣрить всѣхъ моихъ читателей; но я не льщу себя успѣхомъ.* Весьма благоразумно; *и сколь ни твердо я увѣренъ въ несокрушимости преплагаемыхъ мною истинъ, однако не удивляюсь, что многіе оныя отвергнутъ, или не поймутъ.* Конечно не чему дивиться; ибо все то, что противно разсудку, долженствуетъ быть отвергнуто, и все, что писано не внятно и съ тщеславною непроницательностію,

всѣми понято быть не можетъ; а особливо когда сіи мнимыя таинства, кромѣ пусторѣчія, въ себѣ ничего не содержатъ.

Мнѣніе его, что зло произошло, отъ развращенной воли возмутителей тишины небесной, почерпнуто, такъ какъ мы выше упомянули, изъ науки браминовъ, которая заключается въ ихъ первомъ законѣ, называемомъ Шаста, данномъ имъ за тысячу пять сотъ лѣтъ предъ ихъ вторымъ закономъ, извѣстнымъ подъ именемъ Вейдама. По свидѣтельству одного Англичанина Господина Гольвиля, жившаго тридцать лѣтъ въ Бенаресѣ между браминами, и который, выучивъ ихъ древній священный языкъ именуемый Ганскритъ, читалъ божественныя ихъ книги: во второй главѣ закона Шасты описано сотвореніе Ангеловъ; въ третей возмущеніе ихъ; въ четвертой низверженіе; въ пятой

превращеніе ихъ въ разныя животныя; напослѣдокъ въ коровъ, которыя отъ того почитаются священными въ Индіи, и наконецъ претвореніе ихъ въ человѣковъ. Но ученіе нашего проповѣдника ту разницу имѣетъ съ наукою Индѣйцевъ, что, по мнѣнію его, начало по волѣ своей учинившися злымъ родило древлѣ зло, въ которомъ и по нынѣ пребываетъ; а человѣкъ сниспалъ съ высоты своего состоянія, для того, что по сей же самой волѣ отлучился отъ добраго начала и пріобрѣлъ пагубное знаніе зла. И хотя его и злаго начала преступленія суть равно плоды злой ихъ воли; однако оба преступленія различнаго свойства и не могутъ подвержены быть равному наказанію, ниже имѣть одинакія слѣдствія: злое начало будетъ пребывать въ своей продерекой волѣ, доколѣ не будетъ ему возвращено сообщеніе съ добромъ; а человѣкъ, не взирая на свое осужденіе, можетъ примириться съ истинною;

ною; но способы, данные ему для возстановленія его въ прежнее состояніе, сопряжены съ весьма строгими условіями.

Когда начало зла, говоритъ онъ, *сдѣлалось злымъ по единому дѣянію его воли; разумѣется уже, что оно было добрымъ прежде произведенія сего дѣянія. Но было ли оно равно тому высшему началу, о коемъ мы прежде говорили? Конечно нѣтъ; оно было доброе, не будучи оному равнымъ; было нижайшее того, не будучи злымъ; оно произошло отъ сего высшаго начала, и потому не могло ему равняться ни въ силѣ, ни въ могуществѣ; оно было доброе, понеже существо произведшее его, было сама благость и совершенство; оно было нижайшее онаго, понеже имѣя законъ свой не отъ себя, имѣло оно способность дѣлать*

то, что возложено ему было по его происхожденію; и по сему имѣло способность удалиться отъ сего закона и учиниться злымъ.

Немного выше, онъ сказалъ, что *добро не можетъ содѣйствовать рожденію зла*: но теперешнимъ своимъ разсужденіемъ, утверждая, что существо произведшее его было сама благость и совершенство, онъ поставляетъ, что добро, не только содѣйствовало злу, но и было причиною происхожденія его; слѣдственно столь разногласныя предложенія взаимно одно другое изправергаютъ и уничтожаютъ.

Человѣкъ же нынѣ, по мнѣнію его, чувствуетъ вліяніе зла по мѣрѣ удаленія своего отъ добраго начала; а потому говоритъ онъ: *когда мы видимъ человѣка покоренна дѣйствію зла, то можемъ справедливо вѣрить себя, что онъ самоизволь-*

вольно злу подвергнулся, и что въ его было волѣ защищать и удалять себя отъ онаго. И такъ естьли человѣкъ испытываетъ напасти, на примѣръ: отъ огня, отъ яростнаго стремленія водъ, отъ свирѣпости бурь; будетъ умирать язвою, изнуряться гладомъ, страдать подъ тягостію другихъ какихъ бѣдствій, не отъ самаго себя происходящихъ; претерпѣвать лишеніе отъ природы, или отъ скорбныхъ недуговъ какого либо члена или чувственнаго органа, то онъ самовольно злу подвергнулся; потому что имѣетъ свободную волю. Признаться должно, что Логика мрачнаго нашего писателя, не есть логика Бейля или Лока.

Сіпраннѣе всего, что онъ утверждаетъ что, *естьли бы человѣкъ устремилъ волю свою къ доброму началу, престалъ бы злымъ быть и зло не существовалобъ болѣе.* Предложеніе означаю-

чающее незнаніе свойствъ душевныхъ человѣка; ибо естьли бы человѣкъ безпрестанно устремлялъ волю свою къ добру; тогда бы онъ не имѣлъ ни слабости, ни страстей, ни склонностей противныхъ добру, и былъ бы твореніе доброты безконечныя, и совершенное; но какъ одинъ Создатель всего, что существуетъ, Совершенъ и благость имѣетъ безконечную; то безразсудно требовать сего отъ существа по естеству своему вмѣщающаго въ себѣ и добро и худо. И какъ воля человѣческая не есть безконечно добрая, и не есть безконечно злая; то и не можетъ всегда стремиться къ добру, такъ какъ не можетъ всегда стремиться ко злу. Намъ кажется, что онъ больше всѣхъ имѣетъ нужду устремлять свою волю къ доброму началу, дабы предохранить себя отъ противныхъ здравому разсудку писаній.

Далѣе онъ такъ философически о волѣ и свободѣ разсуждаетъ: *когда человѣкъ можетъ ежеминутно унижать и обезсиливать свободу свою; то весь человѣческій родъ нынѣ менѣе свободенъ, нежели былъ въ первыя времена, кольми паче прежде его рожденія*, то есть, когда онъ еще не былъ на землѣ, но обиталъ въ высшихъ предѣлахъ; ибо мнѣніе его есть, что человѣкъ прежде паденія своего былъ изъ тѣхъ существъ небесныхъ, которыя непосредственное съ Божествомъ имѣютъ сношеніе.

Онъ признается, *что изтолкованіе, какимъ образомъ воля можетъ на что нибудь рѣшиться безъ побужденій и причинъ посторонних, есть бездна непроницаемая человѣку и всякому существу.* Сими словами *всякому существу* онъ старается внушить, что ему знакомы,

кромѣ человѣка, и другїя разумныя существа; но когда всякому существу бездна сїя не проницаема; какъ же онъ могъ проникнуть, что природная воля человѣка есть изъ числа тѣхъ вещей, которыя причинъ не имѣютъ? Ибо онъ такъ разумно разсуждаетъ: *мудрецъ ищетъ причины тѣхъ вещей, которыя оную имѣютъ; но благоразумїе и просвѣщенїе его не позволяетъ ему искать причины тѣхъ, которыя не имѣютъ, изъ числа коихъ есть природная воля человѣка; ибо она есть сама причина.* Одинъ Создатель всего, что есть, причины не имѣетъ; но все сотворенное не можетъ имѣть бытїя безъ причины. Сїя премудрость можетъ быть только пропевѣдуема такимъ учителемъ, которому всѣ безтѣлесныя существа извѣстны; а не тѣми, которые утверждаютъ познанїя свои на безпрестанныхъ примѣчанїяхъ и неутомимыхъ испытанїяхъ.

По-

Потомъ онъ возглашаетъ, что онъ предлагаетъ свои разсужденія не для ослѣпленнаго и легкомысленнаго человѣка, *который судитъ о вещахъ такъ какъ онѣ теперь, а не какъ были*, то есть, какъ онѣ были прежде бытія рода человѣческаго, что ему чрезъ откровеніе извѣстно. *И такъ безполезно*, продолжаетъ онъ, *представлять ему таковыя истины; понеже онъ будетъ судить о нихъ по чувствамъ*. Какъ же человѣкъ судитъ, что не по чувствамъ? ибо когда бы онъ не имѣлъ чувствъ; тогда бы онъ ни судить, ни разсуждать ни о чемъ не могъ.

Онъ вручаетъ свою книгу, говоритъ онъ, *тому, кто старается свергнуть съ себя темный покровъ*. Сказать сперьва, что сія книга предлагается для блага всего рода человѣческаго вообще, и потомъ вручать ее только тому, который старается свергнуть съ себя

темный покровъ, есть видимое противорѣчіе; но премудрый сочинитель мало помышляетъ, такъ какъ мы увидимъ далѣе, предостерегать себя отъ противорѣчій изобильно обрѣтающихся въ книгѣ его.

Послѣ сего онъ разсуждаетъ о паденіи человѣка; но переображая священное писаніе дѣлаетъ по обыкновенію своему истолкованіе не вразумительное, безъ сомнѣнія для того, чтобъ показать, что онъ имѣетъ болѣе о семъ познанія, нежели священный писатель, который по откровенію божественному извѣстилъ родъ человѣческой о сотвореніи его всевышнею десницею, о блаженствѣ перьваго человѣка и о его прегрѣшеніи. *Могъ бы я*, говоритъ онъ, *укротить непрестанныя роптанія на то, что мы осуждены участвовать въ казни праотца нашего, хотя и не участвовали въ преступленіи его; но сіи истинны былибъ отъ мно-*

многихъ презрѣнны, а признаны отъ столь не многихъ, что я бы погрѣшилъ, показавъ ихъ всему свѣту. Изъ сего должно заключить, что мрачный нашъ проповѣдникъ есть или обманщикъ достойный презрѣнія, или человѣкъ не доброжелательствующій себѣ подобнымъ. Ибо естьли онъ не знаетъ тѣхъ истинъ, о которыхъ увѣряетъ, что онъ ихъ знаетъ; то онъ обманщикъ: естьли же онъ ихъ знаетъ, да открыть не хочетъ; то онъ не только недоброжелатель подобнымъ себѣ, но еще и желаетъ погубленія ихъ; понеже многіе селѣпленные въ невѣріи своемъ главнѣйшимъ доказательствомъ имѣютъ невинное страданіе за преступленіе праотца своего; потому открывъ столь важную тайну спасъ бы грядущихъ въ вѣчную гибель.

Очень страннымъ покажется нелѣпой романъ, которой онъ къ сему при-

прилагаетъ, называя оной аллегорическимъ описанїемъ человѣка въ своей славѣ; и который слѣдующаго содержанїя.

Ни чье происхожденїе не превышаетъ его происхожденїя; ибо онъ древнѣе всякаго существа въ натурѣ: онъ существовалъ прежде рожденїя всякаго сѣмени, однако явился въ мїръ послѣ всѣхъ ихъ. Но тѣмъ онъ былъ выше всѣхъ сихъ существъ, что имъ надлежало раждаться отъ отца и матери, а человѣкъ не имѣлъ матери. Сверхъ сего ихъ должность была ниже человѣческой; человѣкъ долженъ былъ всегда сражаться, дабы прекратить безпорядокъ и привести все къ единицѣ; а ихъ дѣло повиноваться человѣку. Но какъ сраженїя, въ которымъ обязанъ онъ былъ, могли быть ему опасны, для сего былъ онъ покрытъ бронею непроницаемою,

мою, которую могъ обращать на разныя употребленїя по своей волѣ, и съ которой долженъ былъ дѣлать слиски во всемъ равные и подобные подлиннику.

Сверьхъ того вооруженъ онъ былъ колїемъ, составленнымъ изъ четырехъ металловъ, толь хорошо смѣшанныхъ, что съ начала бытїя мїра никто не могъ ихъ раздѣлить. Сїе колїе имѣло свойство жечь, какъ огонь; кромѣ сего оно было столь остро, что ничего не было для него непроницаемаго, и столь дѣйствительно, что однимъ разомъ уларяло въ два мѣста. Сїи преимущества соединенныя съ неизчислимыми другими дарованїями, которыя человѣкъ получилъ во едино время, дѣлали его истинно ужѣлкимъ и страшнымъ.

Страна, въ коей человѣкъ дол-

долженствовалъ сражаться, была усажена лѣсомъ, составленнымъ изъ семи деревъ, изъ коихъ каждое имѣло шестьнатцать корней и четыре ста девяносто вѣтвей. Плоды ихъ непрестанно возобновлялись, и доставляли человѣку наилучшую пищу; оныя же деревья служили ему убѣжищемъ, и дѣлали жилище его какъ бы неприступнымъ.

Въ семъ жилищѣ утѣхъ, въ сей обители блаженства своего и на престолѣ славы своея, человѣкъ былъ бы навсегда блаженъ и нелобѣдимъ; ибо, получивъ повелѣніе занимать средоточіе онаго, могъ оттуда безъ труда смотрѣть на все происходящее вокругъ его, и удобно примѣчать всѣ хитрости и движенія противниковъ его, не будучи отъ нихъ никогда видимъ. И такъ доколѣ пребылъ

былъ онъ въ своемъ мѣстѣ, дотолѣ соблюдалъ свое естественное превосходство, наслаждался миромъ и вкушалъ блаженство, коихъ не можно изъяснить нынѣшнимъ человѣкамъ; но какъ скоро удалился изъ сего мѣста, то пересталъ быть господиномъ онаго, и на его мѣсто посланъ иной дѣйствователь. Когда упомянуто выше, что человѣкъ долженъ былъ всегда сражаться; то кажется, не льзя, чрезъ одну страницу, забыть сей должности человѣка: *сражаться*, и сказать, что онъ наслаждался миромъ; ибо всякой знаетъ, что пребывающій въ сраженіи не можетъ наслаждаться миромъ. Тогда, продолжаетъ онъ, *человѣкъ, лишася позорно всѣхъ своихъ правъ, низверженъ былъ въ страну отцовъ и матерей, гдѣ съ того времени и находится, сѣтуя и сокрушаяся о томъ, что видитъ себя смѣ-*

шанна съ прочими существами Натуры.

Не возможно вообразить печальнѣе и жалостнѣе того состоянія, въ которомъ находился сей нещастный человѣкъ въ минуту его паденія; ибо не только потерялъ онъ тотъ часъ страшное копіе, которому ничто не могло противиться; но и самая броня, коею былъ облеченъ, и чезла отъ него, и на мѣсто ея дана ему на время иная, которая не будучи непроницаема, какъ прежняя, сдѣлалась для него источникомъ непрерывныхъ опасностей; но при всемъ томъ обязанъ онъ былъ выдержать то же сраженіе, и потому гораздо больше сталъ открыть непріятелямъ.

Однако отецъ его, наказуя такимъ образомъ, не хотѣлъ лишить его всей надежды и со-

совершенно прекратить ярости враговъ; тронутъ будучи раскаяніемъ и стыдомъ его, обѣщалъ возвратить ему прежнее состояніе, естьли только употребитъ къ тому тщаніе; но не прежде однако, какъ заслужитъ право владѣть коліемъ потяннымъ, и которое вверено было преемнику его, вступившему на мѣсто его въ средоточіе, которое онъ оставилъ.

Сего то несравненнаго оружія исканіемъ человѣки должны были съ того времени заниматься, и заниматься всякой день; ибо полученіемъ онаго только могутъ они возвратить свои права, и снискать всѣ тѣ милости, которыя были имъ назначены. Не удивительно, что человѣку послѣ его паденія оставленъ былъ словесъ; ибо отеческая рука наказывала его, и родительская любовь имѣла о

немъ полеченіе и тогда, когда прогоссуліе того же отца удалило его отъ своего присудствія. Что мѣсто, оставленное человѣкомъ, столь премудро устроено, что возвращаясь по тому же пути, по которому заблудился, человѣкъ можетъ несомнѣнно войти въ средоточіе лѣса, въ которомъ единственно можетъ пользоваться нѣкоторою силою и успокоеніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ онъ заблудился, идучи отъ четырехъ къ десяти, и не иначе можетъ возвратиться, какъ шествуя отъ девяти къ четыремъ, то есть, что онъ пошелъ отъ прямой къ кривой дорогѣ; а надлежало бы ему итти отъ сей къ первой; ибо у сего притворнаго Пророка число четыре означаетъ Божество, такъ какъ увидимъ ниже; а девять круговую или кривую линѣю, означающую вещество и чувственныя дѣя-

нія;

нія; и потому онъ съ таинственнымъ видомъ употребляетъ изрѣченія, четыре и девять. *Впрочемъ*, продолжаетъ онъ, *не льзя ему жаловаться на сіе опредѣленіе; ибо таковъ есть законъ, возложенный на всѣ существа, обитающія въ странѣ отцовъ и матерей; и понеже человѣкъ сошелъ въ оную страну по своему хотѣнію; то долженъ сочувствовать онаго закона и наказанія. Сей законъ ужасенъ, я то знаю, но не можетъ никакъ сравненъ быть съ закономъ числа пятидесяти шести. Сей законъ страшенъ всѣмъ, которые ему подвергнутся; ибо они никогда не возмогутъ притти въ шестидесяти четыремъ, не сочувствовавъ всей его строгости.* Мы хотя и отгадали значеніе чиселъ его 64; однако же не превознесимся симъ достоинствомъ; потому, что какимъ бы кабалистическимъ порядкомъ онъ не сплеталъ

числа свои; но онѣ никогда другое ничто не будутъ, какъ числа немогущія имѣть ни союза съ Божествомъ, ни изліянія надъ благомъ человѣка; 64 сказанныя имъ съ шарлатанствомъ означаютъ герьвую причину; ибо въ странномысленной его премудрости, такъ какъ мы далѣе увидимъ, число десять, которое онъ здѣсь изъясняетъ шестьюдесять четырьмя, представляетъ центръ божества.

Въ древнее время существовало чудовище, называемое Сфинксомъ, обитавшее подлѣ города Ѳивы на горѣ Киферона, которое предлагало свою загадку и пожирало всѣхъ тѣхъ, кои представляясь къ разрѣшенію оной, не могли исполнить предпріятія своего. По щастію нашему, сей новый Сфинксъ предлагающій загадки свои, не имѣетъ могущества поглощать не отгадывающихъ; въ противномъ случаѣ, всѣ читатели были бы подвержены ярости

его; впрочемъ если онъ любитъ загадки, такъ какъ видно по сочиненію его; то бы онъ благоразумно поступилъ, когда бы отсылалъ ихъ къ Издателямъ періодическаго сочиненія, издаваемаго въ Парижѣ, подъ названіемъ Меркурій Французскій, въ каждомъ нумерѣ коего помѣщаются загадки; и которымъ многіе пустомыслящіе и обремяненные праздностію стараются, такъ или нетакъ, найши отгадку, и въ слѣдующемъ нумерѣ помѣстить оную. Въ такомъ сочиненіи древнія бредни, возобновленныя нашимъ Пророкомъ, приличнѣе бы могли находиться, нежели въ такомъ, въ коемъ благо всего человѣческаго рода и открытіе таинствъ къ оному ведущихъ обѣщается.

Надлежитъ признаться, что мнимыя его тайны и смѣлость увѣрять противурѣчивыми разсужденіями, что онъ свыше всѣхъ другихъ понятіемъ своимъ, долженствуетъ

произвесть во всякомъ здравомыслящемъ читателѣ отвращеніе, отъ столь наглаго его тщеславія и самохвальства.

Говоря о человѣческомъ тѣлѣ, онъ такъ изъясняется: *сіе вещественное тѣло, которое мы носимъ, есть орудіе всѣхъ нашихъ страданій..... оно содержитъ насъ въ мученіи.... ибо мы видимъ, сколь ужасныя производитъ оно дѣйствія*, потомъ чрезъ нѣсколько строкъ утверждаетъ, что оно служитъ защитою и предохраненіемъ противу опасностей, насъ окружающихъ. Трудно согласить, какъ тѣло наше въ одно время творитъ мученія наши, производитъ ужасныя дѣйствія, и служитъ намъ предохраненіемъ. *Сіе есть мнѣніе*, продолжаетъ онъ, *мудрецовъ всѣхъ временъ; первое ихъ упражненіе состояло въ непрестанномъ соблюденіи себя отъ представляемыхъ*

симъ

симъ тѣломъ мечтній. Мы можемъ ему длинной реестръ представить всѣхъ временъ мудрецамъ, которые такого темнаго понятія о тѣлѣ человѣческомъ не имѣли: слѣдственно сіе есть мнѣніе не всѣхъ мудрецовъ.

Въ описаніи его трехъ царствъ Натуры, такая же темнота и мнимой важности скромность блаженствуетъ. *Животныя*, говоритъ онъ, *не имѣютъ нужды быть не отдѣлимы отъ земли; но получаютъ плотское свое бытіе отъ теплоты материнной.* Какое глубокое открытіе, что нѣтъ нужды животнымъ быть въ землѣ укорененнымъ! Однако же онъ запомнилъ, что безъ содѣйствія отцовскаго, теплота материнская не въ силахъ дать плотское бытіе произведеніямъ своимъ. *Растенія суть плодотворимы двумя силами*, но какими? Онъ умалчиваетъ. *Минералы происходятъ отъ*

трехъ дѣйствующихъ силъ, сокроенныхъ, ему только извѣстныхъ, *и три дѣйствующія силы, ихъ составляющія, имъ не принадлежатъ*. Вотъ странное ученіе! Силы составляющія вещь къ ней не принадлежатъ! Когда силы оную составляютъ, то онѣ суть части ея. Какъ же могутъ составляющія части вещь къ ней не принадлежать? Все то же сказать: вещь существуетъ и не существуетъ.

Затрудненіе, различать минераллы отъ растѣнія, происходитъ, по мнѣнію его, отъ того, *что разность родовъ существъ тѣлесныхъ всегда содержится въ пропорціи Геометрической четверной*. Такимъ образомъ между камнемъ и дубомъ, между журавлемъ и быкомъ, находится четверная Геометрическая пропорція. Читая таковыя нелѣпости, мнѣ кажется, видѣть Молліерова Скангарелу, которой въ увѣреніи, что его никто

кто не разумѣетъ, съ гѣшностію произнесетъ: субстантивусъ, дативусъ и проч. Всегода Бюфонъ и Бонетъ совсемъ другимъ образомъ въ Натуральной Исторіи дѣлаютъ свои разсужденія.

Прогрессія числа, продолжаетъ онѣ, *есть непрерывна, не имѣетъ границы, ниже какого либо отдѣленія. Для совершеннаго уразумѣнія степени какого члена въ сей прогрессіи, потребно знать хотя одинъ радиксъ (корень); но сіе знаніе человѣкъ потерялъ лишась первобытнаго своего состоянія. Онъ незнаетъ нынѣ радикса никакого числа, потому что онъ незнаетъ перваго изъ всѣхъ радиксовъ.* Какимъ же образомъ онъ имѣетъ познаніе о сихъ радиксахъ? Онъ хочетъ заставить думать о себѣ, такъ какъ будетъ явственно далѣе, что онъ имѣетъ сношеніе съ Божествомъ, которое удостоило его

откро-

откровенiемъ своимъ. Между тѣмъ онъ въ предосторожность упрекъ, которые читатели имѣютъ право за противорѣчiя и невразумительность ему дѣлать, сказываетъ, что намѣренiе и долгъ его препятствуютъ ему говорить открытно, хотя онъ при началѣ своей книги и сказалъ, такъ какъ мы выше упоминали, что онъ предпринимаетъ писать ради блага рода человѣческаго. Не льзя не удивляться сему странному долгу, которой препятствуетъ ему говорить открыто; кажется, что быть полезнымъ подобнымъ себѣ, есть священнѣйшiй всѣхъ долговъ, и потому никакой другой долгъ не могъ бы ему запретить исполнить свое обѣщанiе, и принудить умолчать о тайнахъ заключающихъ въ себѣ благо человѣческое.

Естьли бы человѣкъ имѣлъ такую Химiю, продолжаетъ онъ, *помощiю коея могъ бы*

онъ.

онъ, не разсѣкая тѣлъ, познать истинныя ихъ начала, то увидѣлъ бы, что огнь есть собственность животныхъ, вода собственность растѣнія, а земля минерала; тогда нашелъ бы онъ вѣрнѣйшіе знаки для разпознанія истиннаго естества существъ. Когда человѣкъ не имѣетъ сей Химіи, о которой онъ говоритъ, какимъ же средствомъ онъ узналъ принадлежность каждой стихіи къ особливому царству? Но понятія его въ Химіи такое же имѣютъ свойство мрачности, какъ и все, о чемъ онъ пишетъ; ибо искуснѣйшіе Химики, какъ на примѣръ: Глауберъ, Бехеръ, Шталь и проч. нашли въ испытаніяхъ своихъ, что всѣ стихіи имѣютъ во всѣхъ тѣлахъ смѣшеніе, и ни одна изъ нихъ особенно ни надъ какимъ царствомъ не владычествуетъ, и къ нему не присвоена.

Удивительно покажется, что онъ

онъ послѣ объявленія своего, что его намѣреніе и долгъ препятствуютъ ему говорить откровенно, такъ себѣ противурѣчитъ . . . *естьли я со всякой вещи направляю къ истинному началу мысль человѣческую; то безъ сомнѣнія мои изъисканія будутъ не столь темны какъ сихъ изслѣдователей* .... тѣхъ, кои основываютъ свое ученіе не на воображеніяхъ, но на доказательствахъ ощутительныхъ, *ежели примѣчатели дѣйствительно имѣютъ омерзѣніе къ потаеннымъ качествамъ; то прежде всего надлежитъ имъ перемѣнить свой путь*, подражая ему взять путь мечты, *ибо воистинну нѣтъ мрачнѣе и сокровеннѣе той дороги, на которую они желаютъ насъ привлечь.* Воистинну нѣтъ ничего мрачнѣе и сокровеннѣе тѣхъ потаенныхъ качествъ, о коихъ химерикотаинственный Проповѣдникъ непонятны-

ми иѣченіями разсуждаетъ. И какимъ образомъ онъ можетъ направить мысль человѣческую къ истинному началу и учинить его изысканія не темными, когда намѣреніе и долгъ его препятствуютъ ему говорить откровенно? А для направленія мысли человѣческой къ истинному началу, и представить изысканія свѣтлыя, надобно говорить открыто и разумительно; безъ того всѣ тайныя его слова, всѣ числа, мнимую науку въ себѣ содержащія, и все его самохвальное внушеніе о своемъ сверхъ естественномъ познаніи, не направятъ на путь истиннаго начала мысль человѣческую, и не подадутъ хорошаго разумѣнія о понятіи его.

Въ началѣ втораго своего отдѣленія, онъ разсуждая о страданіи скота, и за что оной столь часто бываетъ лишенъ чувственнаго блага, которое учинило бы его столько щастливымъ, сколько скоту прилично,

всо-

говоритъ: *могъ бы я объяснить сїе затрудненїе, ежелибъ позволено мнѣ было распространиться о союзѣ вещей и показать, до чего дошло зло ради заблужденїя человѣка....* Изрядной способъ избралъ нашъ глубокой писатель въ отрицанїи своемъ истолковать вещи, о коихъ разсуждаетъ! объявя только, что ему не позволено, или долгъ его препятствуетъ быть вразумительнымъ, онъ думаетъ, что достаточно оправдалъ себя въ нелѣпомъ своемъ писанїи. Но когда ему позволено было составить книгу, въ 540 страницъ, изъ негонотныхъ и странныхъ предложенїй; то, кажется, не много преступилъ бы онъ сїе позволенїе, прибавя еще нѣсколько строкъ къ объясненїю сего затрудненїя. Однако онъ не оставилъ отъ части изъяснить оное, дабы не усомнились въ чудоявляемомъ познанїи его, сказавъ: *что земля не есть болѣе дѣва, и сїе то подвергаетъ ее и*

ило-

люты ея всему множеству золъ, воспослѣдовавшему отъ потеряния дѣвства ея.

Сіе означеніе причины зла противурѣчитъ прежнимъ его утвержденіямъ, и происходитъ изъ того же источника химеръ, изъ коего произошли и всѣ заблужденія его; ибо несогласно есть съ справедливымъ состояніемъ земнаго вещества, что земля, по мнѣнію его, не есть болѣе дѣва, то есть, что будто во всемъ обитаемомъ нами шарѣ, не находится больше чистой, первобытной и несмѣшанной съ другимъ веществомъ земли. Но сеньли на поверхности или на коркѣ ея мало, или и совсемъ нѣтъ такой земли; то сіе не можетъ служить доказательствомъ, что бы въ глубинѣ земной, человѣками не досязаемой, чистой и стихійной земли не находилось. Алхимики, которые такую землю называютъ дѣвою, невѣроятные труды употребляли, да можетъ быть и нынѣ нѣкото-

рые изъ нихъ, имѣющіе разумъ свой еще поврежденной болѣзнею философскаго камня, употребляютъ для обрѣтенія оной: они зная, что золото есть чистѣйшее изъ металловъ, заключаютъ, что для того и самая чистѣйшая земля должна входить въ составъ сего. Однако со всѣми неусыпными ихъ трудами очень сомнительно, чтобъ они имѣли желаемой успѣхъ въ работахъ своихъ; по той причинѣ, что сія поверхность земли, которую мы только познавать можемъ, была во все время, съ самаго начала существованія своего, подвержена безпрестанному дѣйствію надъ нею другихъ стихій, которыя мало помалу раздѣляли и раздробили первообразныя и чистѣйшія частички стихійной земли; и совокупясь съ оными, потомъ въ неизчислелныхъ соразмѣрахъ и образахъ, составили безконечное множество сложныхъ тѣлъ разныхъ родовъ и видовъ, находящихся

щихся на коркѣ земли до нѣкоторой глубины, весьма малой въ отношеніи къ діаметру земли, но чрезмѣрно великой, въ отношеніи къ намъ; потому что мы не могли еще проникнуть во внутренность оной далѣе, какъ на нѣсколько сотъ футовъ.

Послѣ сего онъ опровергаетъ всѣ нынѣшнія физическія познанія, имѣющія на вѣрнѣйшихъ испытаніяхъ основанія свои, и предлагаетъ новое ученіе о существѣ вещей; но по нещастію противурѣчія его, невразумительность и ушверженія, никакими опытными доказательствами не подкрѣпленныя, не только не предупреждаютъ въ пользу онаго; но противоборствуютъ каждаго согласію на новые предлагаемые имъ естества законы, на одной мысленной Теоріи основанные, коихъ умноженіе распространяетъ густѣйшую мрачность и замѣшательство въ

Физикѣ мечтающаго писателя; и заставляетъ думать, что онъ новой образъ творенія вещей почерпнулъ въ собственномъ своемъ воображеніи, разпаленномъ сильнымъ напряженіемъ къ познанію Метафизическихъ и не находящихся въ естественныхъ предѣлахъ существъ.

Однако двойное содержаніе, говоритъ онъ далѣе, правящее тѣлами и всемъ вещественнымъ, не есть то же двойное содержаніе, которое происходитъ отъ противоположности двухъ началъ. Сіе есть совершенно умное, и основаніе свое имѣетъ въ противныхъ между собою волѣхъ сихъ двухъ существъ; ибо всегда въ намѣреніи только умномъ то, или другое изъ нихъ дѣйствуетъ надъ чувственнымъ или тѣлеснымъ, то есть, когда разрушить умное дѣйствіе противное. Но не такого двойное дѣйствіе то, которому противна

щена Натура; оно принадлежитъ только существамъ тѣлеснымъ, чтобъ способствовать ихъ возпроизведенію и ихъ содержанію; оно есть чистое, которому управляется тѣлеснымъ дѣйствіемъ, приводящимъ его въ порядокъ; оно есть необходимое средство, установленное отъ источника всѣхъ стѣпеней къ строенію всѣхъ вещественныхъ его твореній.

Здѣсь надлежитъ для вразумленія, колику оно возможно, въ спорѣ мрачныхъ и недоумышленныхъ разсужденіяхъ, замѣтить, что не одно злое начало именуетъ онъ вторымъ началомъ; но сице такъ же называетъ другое начало, которое произвело вещество и управленіе имъ; сіе служитъ къ произхожденію и содержанію существъ тѣленыхъ; начало же злое имѣетъ противную волю первому началу, и дѣйствуетъ

надъ чувственнымъ или тѣлеснымъ, дабы разрушить дѣйствіе перваго начала, ему противнаго; двойственное же дѣйствіе числа, о которомъ онъ здѣсь разсуждаетъ, значитъ, такъ какъ мы потомъ ниже увидимъ, растущее начало и отецъ, принуждѣйствующій сему началу; а третіе дѣйствіе есть второе начало, или причина дѣйствующая разумная, опредѣленная отъ первой причины къ строенію вещества. Должно признаться, что сочинитель новой Метафизики и Физики щедро обогатилъ сію послѣднюю двойственными дѣйствіями, двойственными законами и началами; но совсѣмъ тѣмъ естественные его законы не суть законы Ньютоновы.

Разлѣлять образы вещества, говоритъ онъ, *не есть разлѣлять сущность его*. Никто о семъ не сомнѣвался; но раздробленіе тѣлъ посредствомъ Химіи обнаруживаетъ начала оныхъ, и руководствуетъ къ поз-

къ познанію существа сихъ началъ. Онъ увѣряетъ, *что рука человѣческая не можетъ разрушить составъ вещества*. Ни одинъ испытатель Натуры не утверждалъ, что бы можно было вещественное бытіе превратить въ небытіе. Сіе ученіе свойственно только новому строителю естественныхъ законовъ. Чрезъ нѣсколько строкъ ниже онъ прибавляетъ, *что человѣкъ не можетъ произвести въ веществѣ ни малѣйшаго раздѣленія; чѣмъ паки доказывается*, говоритъ онъ, *что сіе тѣлесное начало есть едино и просто, и слѣдовательно не есть вещество*. Начало невещественное не можетъ входить въ составъ вещей тѣлесныхъ и бездушныхъ и быть ихъ существенію; то же скажешь: ничто составляетъ что нибудь; таковое утвержденіе будетъ не совсемъ благоразумно. Что начала вещественныя должны быть просты и нераздѣлимы, въ томъ примѣчатели

естества никогда не сомнѣвались. Хотя и не всѣ одинакаго мнѣнія о сихъ существенныхъ началахъ естественныхъ тѣлъ; однако всѣ соглашаются, что онымъ должно имѣть единство и нераздѣлимость. Нѣкоторые прудолюбивые и искуснѣйшіе изъ нихъ полагаютъ быть началамъ вещества, такъ какъ и всѣ Физичные Химики признаютъ за таковыя, четыре стихіи, которыя входятъ въ составъ всѣхъ сложныхъ вещественныхъ тѣлъ; ибо оныя никакое искусство по сіе время раздѣлить въ совершенности еще не могло: можетъ быть, что онѣ и сами суть сложныя; но какъ никакія испытанія въ томъ не увѣряютъ, то онѣ и ослаются началами всѣхъ тѣлъ сложныхъ; ибо по раздробленіи каждаго изъ сихъ послѣднихъ, всегда всѣ стихіи, или нѣкоторыя, выходятъ и ослаются уже нераздѣлимы.

Онъ увѣряетъ, что примѣчатели

шели ошибаются, когда думаютъ, что на мѣсто разрушающихся тѣлъ и исчезающихъ въ глазахъ ихъ, вступаютъ другія тѣла; однако потомъ тотчасъ соглашается и говоритъ: *я согласенъ съ ними въ разсужденіи всегднешняго теченія натуры; вижу, что съ образы тѣлъ родятся и погибаютъ; вижу, что на ихъ мѣста вступаютъ другія . . .* Сперва спрашалъ, а потомъ согласился! Такія маленькія несообразности не рѣдко съ высокопарящимъ мудрецомъ случаются; однако онъ исправляетъ сіе, прибавя, *что сіе измѣненіе совершается только въ тѣлахъ, которыя суть преходящія; а не въ началахъ, которыя отъ того не малѣйшей перемѣны въ себѣ не терпятъ . . .* Ни одинъ примѣчатель естественныхъ дѣйствій, не будетъ съ нимъ спорить о его безтелѣсныхъ началахъ, которыя онъ взялъ изъ славнаго мечтовидца Шведенбурга;

ибо спорящійся объ оныхъ подобенъ былъ бы человѣку уязвленному въ разсудкѣ, который принимая мечту за вещество, сталъ бы дѣйствительно съ нею сражаться... *Кто ясственно понялъ бытіе и независимую и отдѣленную отъ тѣлъ непреложность сихъ началъ, тому должно согласиться, что могли они и могутъ существовать прежде и послѣ сихъ тѣлъ.* И тѣлъ если бы можно было какое нѣлесное истребить, или въ ничто превратить, по ученію проповѣдника новой Метафизики; то сначала насѣкомыхъ, растѣній, минераловъ и самыхъ отвратныхъ матерій, послѣ уничтоженія сихъ тѣлъ не престали бы существовать: но безтѣлесное существо принадлежитъ Божеству; а потому изъ сего выходитъ весьма странное заключеніе, что Божество сопрягается съ такими ничтожными и недостойными его тѣлами. Однако видно, что онъ почувствовалъ сколь неистовое и

необходимое разсужденїемъ его послѣдствіе, такъ изъясняется: *не присовокупляю я къ сему разсужденїю тѣхъ доводовъ, которымъ не повѣрятъ, хотя они такого свойства, что такъ не возможно мнѣ въ нихъ самомъ сомнѣваться, какъ бы я самъ присутствовалъ при сотвореніи вещей.*

Но мы уже видѣли, что когда онъ своихъ разсужденій развязать не можетъ, тогда онъ извиняется или неповеленїемъ, или предписанїемъ происходящимъ отъ его долга и намѣренія; въ шестерешнемъ же случаѣ, онъ нашелъ другое средство къ защищенію себя отъ упрекъ, въ нелестнижмести преповѣдываня своего то, чтобъ признаться, что ему не повѣрятъ; въ чемъ онъ и не ошибается, и думаетъ благоразумно. Но сею притворною оговоркою онъ хочетъ показать, что онъ удостоенъ откро-

кове-

кровенѣмъ и ни въ чемъ обманываться не можетъ; а шѣмъ самымъ и подаетъ причину подозрѣвать, что для утвержденія своихъ началъ, и дабы не допустить до вышепоказаннаго необходимаго заключенія, онъ хочетъ сказать, что сіи начала слушающія шѣлесное вещество не суть Божество, но существа бѣшѣлесныя, приверженіе Божіе, снисходящія обитать въ земное вещество; ибо на другой страницѣ онъ уже точно сими словами подозрѣніе наше утверждаетъ... *малѣйшія частицы вещества не могутъ существовать, ниже понимаемы быть, не будучи содержимы и одушевляемы своимъ началомъ*... А еще не много далѣе уже ясніе говоритъ и подтверждаетъ, *что изъ сихъ началъ каждое по окончаніи своего дѣйствія долженствуетъ возвратиться къ первому своему источнику*....

Сія наука о истеченіи отъ Боже-

Божества началъ, проницающихъ во все вещество, издревѣ преподаваема была Индѣйскими философами; послѣ владычествовала между Аравлянами, которые думали, что Богъ сотворилъ великое множество духовъ, дабы всякой изъ нихъ имѣлъ управленіе надъ естественными тѣлами, въ вѣдомство каждому назначенными; отъ того и произошло обожаніе звѣздъ и симулакровъ, или вещественнаго представленія сихъ мнимыхъ правителей Вещуры. Потомъ въ Персіи послѣдователи Зороастра вѣрили, что отъ источника свѣта, называемаго Мифра, боги непосредственно произшедшіе участвовали во всей полнотѣ свѣта и божественности его. Но послѣдующія постепенно за сими истеченія произвели наконецъ боговъ, которые были уже совсѣмъ отдалены отъ перваго совершенства и полноты. Божественная сущность въ нихъ ослабѣвала, по мѣрѣ ихъ удаленія отъ общаго источника, и

они

они тѣмъ болѣе были несовершенны, чѣмъ болѣе приближались и заимствовали темнеты. Такимъ образомъ произшедшіе духи наподіяли разстояніе между Богомъ и веществомъ, и управляли въ небесахъ, въ воздухѣ и на землѣ; будучи могущественнѣе душъ, которыя суть такъ же испеченія, но только въ дальнѣйшемъ разстояніи, отъ перваго источника, они принудили ихъ соединиться съ тѣлами и претерпѣвать бѣдствія тѣлесной жизни. Въ первомъ вѣкѣ, нѣкто называемый Менандръ, возобновилъ заблужденія Зороастра и утверждалъ, что неизчисленное множество духовъ, истекшихъ отъ перваго существа, сотворили свѣтъ и человѣковъ; что нѣкоторые изъ сихъ духовъ заключили по злости, или по безсилію своему, душу человѣка въ тѣлесные органы, въ коихъ она попеременно испытываетъ и удовольствія и страданія, которыя прекра-

тятся смертію.

Сверхъ сего, хотя онъ и отдѣляетъ отъ вещества безтѣлесныя его начала, дабы сокрыть подобіе ученія своего со мнѣніемъ славнаго Атеиста Спинозы; но не смотря на его въ томъ стараніе весьма ощутительно, что присоединеніе безтѣлесныхъ началъ ко всякому веществу, какое бы сіе вещество ни было, весьма сходствуетъ съ безбожною системою Спинозы, которой увѣряетъ, что во всей натурѣ есть только одно существо, имѣющее въ себѣ безчисленное множество разныхъ свойствъ и способностей, между коими находятся пропяженіе и способность мыслить; а отъ того, и мечтаетъ онъ, что всѣ тѣла суть образы и измѣненіе онаго пропяженія, а другія безтѣлесныя существа, такъ какъ напримѣръ души человѣческія, суть измѣненіе мысли сопряженной со всеобщимъ существомъ, представляющимъ себя раз-

разными видами, кои дѣйствуютъ и
сами свое имѣютъ по необходимо-
сти. Сie пагубное заблуждение оп-
ровергнуто Евреями многими учен-
ѣйшими людьми совершенно и
удовлетворительно было истребле-
но, коимъ побѣдительствовалъ и
Израилевъ Египетской Самарейской,
мужъ извѣстный честностию своею и
чистотою нравовъ. Но какое бы су-
ществие, содержащееся въ земномъ
веществѣ, по мнѣнию нашего испыта-
теля, ни было; однако то вѣр-
но, что бы непріятно ему было
заключаться нѣкоторое время въ
насѣкомомъ, или въ какой нечистой
матеріи, которую называть здѣсь
не благопристойно.

Онъ придаетъ къ вещественнымъ своимъ началамъ еще другое начало, Творителя всему веществу, называя его вторымъ началомъ, и такъ благоразумно разсуждаетъ: *вещество, будучи произведеніе втораго начала нижай-*

жейшаго и полчиненнаго иному началу, всегда находится въ зависимости и того и другаго, такъ что для продолженія бытія его необходимо требуется взаимное обоихъ стеченіе; ибо извѣстно, что какъ скоро которое нибудь перестаетъ дѣйствовать, тѣла разрушаются и изчезаютъ.

Но мы скажемъ, что не извѣстно, и ни одинъ читатель о томъ не свѣдущъ, такъ какъ онъ и самъ. Можно сказать извѣстно тогда, когда предлагаемое въ самомъ дѣлѣ всѣмъ извѣстно, а не о томъ, чего никто не знаетъ; ибо когда кто разсуждаетъ о вещи ему извѣстной, то оной говоритъ ясно и не противурѣчитъ самъ себѣ, такъ какъ нашъ странный проповѣдникъ. Онъ разумѣетъ подъ нимъ началомъ первое начало, коему второе подчинено, то не уменьшая власти и дѣйствіе перьваго не можно пре-

бовать стеченія втораго начала, чтобъ тѣла не разрушались. Но въ вышепредложенныхъ послѣднихъ его строкахъ находится еще другое противурѣчіе: когда вещество есть произведеніе втораго начала, то безполезно было бы требовать къ существованію онаго возпособленія перьваго начала, потому что оно есть произведеніе втораго начала, и не умія перьвое не можно призывать его къ сохраненію творенія другаго начала нижайшаго и подчиненнаго ему. Не можно вѣрить, чтобъ нашъ темный писатель искренно говорилъ; а естьли подлинно воображеніе его такъ сильно въ немъ дѣйствуетъ, что онъ мечтанія свои почитаетъ за существенныя истины; въ такомъ случаѣ не можно не сожалѣть о его заблужденіяхъ, и потому должно признаться, что надпись названія книги его совершенно справедливо.

Послѣ сего онъ огрокергаетъ пространныя, но темныя и странного противурѣчія доводами естественное дѣяніе, кое изъ вещества производитъ попеременно разные образы. Но чѣмъ онъ ежедневно видимыя вещественныя дѣянія отрицаетъ? Онъ сорудилъ новое начало, которое во множествѣ его началъ еще не являлось: начало растущее, которымъ онъ снабдилъ землю особенно, сказавъ, что сіе начало ей свойственно, *и въ которому необходимо нужна*, прибавляетъ онъ, *внѣшняя причина, которая есть не иное что, какъ огнь небесный или планетный, которая бы пригодила въ движеніе сіе начало, дабы сила его оказалась.*

Тоже сказать должно и о тѣлахъ частныхъ...

Сколько въ сихъ строкахъ упорнаго разсудку сказано! Когда о

частныхъ тѣлахъ должно сказать то же; стало ихъ растущее начало не зависимо отъ растущаго начала земнаго; стало земля имѣетъ растущее начало только для себя; на что же ей его для самой себя, естьли не для того, чтобъ ей расть? И такъ, по мнѣнію его, земля растетъ, какъ и частныя тѣла; и что такое растущее начало? сказываетъ ли оно, какимъ образомъ дѣйствіе растѣнія происходитъ? Физика должна имѣть свои основанія на испытаніяхъ и доказательствахъ; но сказать начало растущее, то же, что сказать земля плодотворящая, солнце сіяющее, луна по своему кругу обращающаяся, что не есть истолкованіе, но токмо одно объявленіе. Когда тѣла частныя имѣютъ такое же особенное растущее начало, какъ и земля, и въ помощь себѣ огнь небесный, то къ какой же должности онъ опредѣляетъ безтѣлесныя свои начала? Ежели онъ отъ вышняго источ-

ника

ника сходятъ въ тѣла, только что бы находились въ нихъ безъ дѣйствія, а по разрушеніи ихъ опять къ оному возвратились, то прибытіе ихъ и присудствіе въ тѣлахъ совсѣмъ безполезно.

Внѣшняя огненная причина, продолжаетъ онъ, *производя отражательное дѣйствіе скоро бы преодолѣла дѣйствіе началъ нераздѣлимыхъ и разрушила бы ихъ сойства, естьлибъ помощію существъ питательныхъ не возобновлялись силы ихъ.*

Какое странное противурѣчіе! Не онъ ли утверждалъ, что начала его нераздѣлимы и неразрушимы; а отражательное дѣйствіе могло бы ихъ разрушить; однако чему огнь небесный дѣлаетъ отраженіе, того онъ не сказываетъ; можетъ быть долгъ его или намѣреніе препятствуютъ.

Для сего то, продолжаетъ онъ, *зародыши лишенные питанія, ежели выставить ихъ на жаръ, погибаютъ при самомъ своемъ зачатіи*... Но безъ пищи не надобно ихъ на жаръ выставлять; они и безъ того погибнутъ, *для сей же причины зародыши, которые уже въ состояніи начать теченіе растенія своего, скоро погибаютъ и разрушаются, ежели не достаетъ имъ пищи нужной для защищенія отъ непрерывнаго противительнаго дѣйствія огня; ибо тогда сіе противудѣйствіе проникся въ самой зародышъ тѣмъ удобнѣе распространяетъ разрушающую силу свою.* Хотя онъ потеряетъ нитку своего сего открытіе, что зародыши безъ пищи умираютъ; но онъ не имѣлъ въ томъ никакой нужды, понеже довольно всѣмъ извѣстно, что не только всякой зародышъ погибаетъ безъ пищи, но и всякое тѣло жизнь имѣю-

щее

щее. Что принадлежитъ до разрушающей силы огня; то не онъ ли прежде говорилъ, *что огнь небесный присолитъ къ движенїе растущее начало, дабы силы его оказались*; какимъ же образомъ сей самой огнь есть въ одно время и средство къ споспѣшествованїю творенїя тѣлъ, и орудїе разрушенїя оныхъ?

Потомъ онъ подтверждаетъ отверженїе свое, что тѣла не превращаются въ другїя и не вмѣшиваются въ сущность одно другаго, и говоритъ, *что думать, что бы они вмѣшивались взаимно въ сущность свою, есть противурѣчить законамъ натуры и не знать сущности начала вообще.*

Не есть противурѣчить законамъ натуры, утверждать то, о чемъ ежедневныя дѣянїя оной, и испытанїя Физическїя и Хими-

ческія насъ увѣряютъ. Мы бы очень несправедливое имѣли понятіе о своемъ тѣлѣ, когда бы думали, такъ какъ онѣ проповѣдуетъ, что кровь или твердыя части тѣла нашего, получающія посредствомъ пищи возобновленіе и замѣненіе утраты претерпѣваемой ими ежедневно отъ движенія, или обращенія въ нихъ жидкостей, не суть части самихъ насъ, но части существъ посторонних, служащихъ намъ пищею и съ тѣломъ нашимъ не смѣшены; всякой имѣющій такое разсужденіе заслуживалъ бы себѣ мѣсто въ жилищѣ безумныхъ. Естьли бы писатель нашъ покрывшійся покрываломъ, обратилъ ученіе свое къ разсмотрѣнію и испытанію вещей естественныхъ и сущительныхъ, а не къ мысленнымъ предметамъ испытаній убѣгающимъ, и кои у всякаго въ воображеніи, по расположенію организаціи, могутъ разными образами представляться; тогда бы онъ исправилъ о естествѣ понятно и не имѣлъ

бы

бы нужды для избѣжанія нарѣканій, заслуживаемыхъ мрачнымъ сихъ проповѣданіемъ, облачатися въ покровъ непонятнаго разсужденія. А потому и не усомнился бы, что пища человѣческая точно претвращается въ плотское существо его; войдя въ желудокъ она съ помощію сока, называемаго гастрическаго, исходящаго изъ железъ или гландулосъ желудочныхъ, претворяется въ бѣлую, подобную молоку, жидкость; послѣ чего проходитъ сквозь нижнее устье желудка въ кишки, гдѣ сокъ другихъ гландулосъ, называемыхъ всѣхъ вмѣстѣ панкреасомъ, смѣшавшись съ нѣкоторою частію желчи, изъ печенки протоками своими въ очыя кишки исходящею, перемѣняетъ и приготовляетъ ее въ новую матерію въ несовершенствѣ еще передѣланную въ желудкѣ. Сія матерія, вышедшая изъ желудка и смѣшенная съ означенными сками, называется хилусъ, части которой тончайшія и полезнѣйшія, проходя

чрезъ млечные сосуды, коими всѣ кишки, обвернутыя оболочкою (мезентерїею) испещрены, вливаются въ общее хранилище, называемое хранилище Пекетово, откуда выходятъ въ грудной протокъ впадающей въ сердцовую кровеобращенную жилу. Достигнувъ до сей жилы превращаются въ кровь и входятъ съ нею вмѣстѣ въ общее ея теченїе, которая посредствомъ своего обращенїя разноситъ для жизни и составленїя существа нашего нужныя соки по всему тѣлу; а оставшїяся, за втеченїемъ хилуса въ млечные сосуды, грубыя части пищи способомъ перистальтической склонности, которою во внутренности своей всѣ кишки сложенны, и способмоъ движенїя перистальтическаго, змѣйнообразно дѣлающагося, выходятъ вонъ изъ тѣла. Но кромѣ смѣшенїя разныхъ существъ вседнно, которое мы видимъ въ животныхъ и растѣнїяхъ, въ Химїи есть смѣшенїя составляющїя одно существо, на примѣръ:

сѣра; никто не скажетъ, что бы составляющія ее части не была сѣра, хотя сіи прежде смѣшенія другое вещество имѣли и свойства совсѣмъ другія; ибо многократными испытаніями доказано, что всѣ существа жирныя, маслены, уголь, металлы и прочія горючія, изобилующія флогистикомъ тѣла, всегда неотремѣнно съ кислотою купоросною, которая не есть горючая сѣра, составляютъ горючую сѣру.

Онъ увѣряетъ, что тѣла нечувствительно умираютъ, исчезаютъ и уничтожаются. Однако онъ не почелъ за нужное объяснить, какъ дѣлается исчезаніе сіе, всѣмъ физикамъ не понятное, а требуетъ, такъ какъ и во всемъ его ученіи, чтобъ вѣрили ему на слово его. Но естьли бы сія невразумительная Система подлинно и дѣйствительно быть могла; тобъ ежедневное исчезаніе тѣлъ уже давно земной шаръ разрушило, какъ симъ без-

безпрестаннымъ исчезаніемъ, такъ и тѣмъ, что естественное взаимное притяженіе тѣлъ въ разсужденіи великости и тягости ихъ, при первомъ уменьшеніи глобуса, нами сбиваемаго, прервавъ бы онаго по пути своему, привлекло бы его къ тѣлу превосходящему его силою притяженія, и Господинъ премудрый писатель не имѣлъ бы удовольствія сплетать темныя и мечтательныя свои разсужденія, ни покрываться покрываломъ для блага себѣ подобныхъ. Естьли же онъ хочетъ сказать, что первое начало, или истинна, или законъ существенной, коими выраженіями онъ съ умышленною тонкостію называетъ Божество, присылаетъ на мѣсто исчезающихъ вещестьъ другія: то не удивительно, что въ воображеніи его возродилось такое мнѣніе; ибо и отражательныя дѣйствія могли найти мѣсто въ головѣ его; но никакой разсудительной читатель не приметъ дерзкаго мнѣ-

ніе,

нія, чтобъ божество всякое мгновеніе для насъ ограждалось въ твореніяхъ его недостойныхъ. Довольно и того, что оно своею щедротою дало бытіе всему веществу и тварямъ въ оное включеннымъ.

Въ подкрѣпленіе Системы своей ничтожаго исчезанія, онъ присовокупляетъ, что тѣлесное разрушеніе не иначе совершается, какъ отлученіемъ вторыхъ истеченій оставшихся въ трупѣ послѣ невещественныхъ началъ. Надобно думать, что сіи вторыя истеченія суть повѣренныя безтѣлесныхъ существъ, возвращающихся къ источнику своему, и по себѣ ихъ оставляющихъ докончить разрушеніе тѣлъ ими оживотворявшихъ. Сіи истеченія онъ почитаетъ средоточіемъ той части, въ которой онѣ пребывали. Не можемъ *не признаться*, говоритъ онъ, *что тѣла, части тѣлъ, что вся вселенная есть сборище средоточій; понеже видимъ, что тѣла*

ло-

постепенно исчезаютъ. Естьли же все есть средоточіе, и ежели всѣ средоточія изчезаютъ въ разрушеніи, то что же такое отъ тѣла разрушеннаго останется, которое бы могло составить части бытія и жизни новыхъ тѣлъ? Не можемъ и мы не признаться, что бы онъ не былъ самъ средоточіе развращенныхъ поврежденнаго разума разсужденій.

Хотя мы, предпринимая сіе изслѣдованіе, намѣрялись рѣчь мечтающаго проповѣдника темныя, противурѣчущія познаніямъ естественнымъ на вѣрнѣйшихъ испытаніяхъ основаннымъ, и здравому разсудку противуборствующія предложенія не оспаривать безъ замѣчанія; но чѣмъ далѣе углублялись мы въ сочиненіе мечтаніями, ложнымъ ученіемъ и гордостію произведенное, тѣмъ больше намъ представлялось оныхъ, требующихъ преспранныхъ опроверженій. Не только тѣ разсужденія, коп-

рыя

рыя онъ нарочно дѣлалъ непразумительными, но и самыя тѣ, въ коихъ онъ желалъ быть понимаемъ, не позволили бы намъ прогустить ихъ, ежели бы мы не опасались причинить столько же скуки читателямъ, сколько онъ наноситъ имъ обширнымъ писаніемъ о заблужденіяхъ своихъ. При семъ мы замѣтимъ еще и то, что книга нашего пророка, мнимую премудрость предлагающая, заключающая въ себѣ больше тайные виды честолюбія, такъ какъ мы въ теченіи сего нашего сочиненія въ своемъ мѣстѣ означимъ, нежели желанія просвѣтить себѣ подобныхъ, не заслуживала бы не только сего терпѣнія; но и никакого съ нашей стороны вниманія, естьли бы она новостію своею, къ которой люди обыкновенно склонны, не служила орудіемъ ухищренныхъ умамъ вместь многихъ въ заблужденія, разстроивающія общественной ихъ образъ жизни, а можетъ быть, и состоянія ихъ.

По

По такому уваженію мы уже не могли, не почесть себя обязанными предпринять изслѣдованіе о заблужденіяхъ проповѣдника мнимаго блаженства; заблужденія тѣмъ сильнѣйшія вліянія на большую часть жителей въ обществѣ имѣть могутъ, что таинственной образъ ученія, всегда преклоняетъ легковѣрныхъ въ пользу сокровенностей ими непонимаемыхъ, и о коихъ предубѣжденіе часто заставляетъ думать, что не всѣмъ людямъ вообще, но токмо однимъ избраннымъ подобаетъ познаніе оныхъ. Симъ средствомъ хитрые и чуждые искренности, всегда пріобрѣтали пользу и уваженіе отъ людей непросвѣщенныхъ.

И такъ мы для сокращенія нашего изслѣдованія будемъ только останавливаться на тѣхъ разсужденіяхъ, въ которыхъ онъ больше заблуждался и прославился сверхъ существенныхъ своихъ познаній, на

На примѣръ, такъ какъ онъ говоритъ: *что въ землѣ дѣйствительно надлежитъ тѣлу мущины разрушиться; но тѣло мущины восприяло образъ свой въ тѣлѣ женщины; когда же оно разрушается, тогда возвращаетъ землѣ только то, что получило отъ тѣла жены. И такъ земля есть истинное начало тѣла жены, понеже вещи всегда возвращаются къ своему источнику. А какъ сіи два существа толь сходны между собою, то безъ сомнѣнія тѣло жены имѣетъ земное происхожденіе . . .* Но когда все возвращается къ своему источнику, то спало не одному мущинѣ надлежитъ разрушиться въ землѣ, но и женщинѣ, такъ какъ происхожденію отъ земли, возвращающемуся къ своему источнику. Изъ сего скрытнаго преповѣдыванія, которое кромѣ мечтательнаго уничтоженія женскаго пола; ничего не скрываетъ, и

изъ котораго ничего заключить не можно, какъ то, что онъ старается заставить думать о себѣ, что имѣетъ знаніе тѣхъ таинствъ, которыя будто бы дають ему преимущество надъ всѣми ему подобными; но здравомыслящій читатель не находитъ другой тайны во всѣхъ его нелѣпостяхъ, какъ ту, что честолюбіе вывело его изъ предѣловъ благоразумія и заставило играть роль мнимаго пророка новаго откровенія.

Немного ниже онъ такъ еще говоритъ... *Впрочемъ мухъ не есть столь разумного существа произведеній своихъ, какъ то сочинители ученія ложныя и тѣмъ паче лагусныя, что основаны были на сравненіяхъ взятыхъ отъ вещества, какъ на примѣръ: на неизчерпаемыхъ истеченіяхъ слиз. Но о всемъ семъ находится таинство, котораго не почитаю никогда достойно сыскать.*

Ни-

Никогда никакое таинство извѣстное одному или нѣкоторымъ, вообще для всѣхъ полезно быть не можетъ; напротивъ же вещь полезная и могущая составить благо человѣческое никогда скоро сокрыта быть не можетъ, и потому нельзя именовать ее таинствомъ; понеже она по свойству благаго изліянія своего долженствуетъ быть сокрытою и явною, подобно свѣтильнику небесному изливающему благодѣтельные лучи свои на вещество земное, дабы всѣ могли участвовать въ пользѣ отъ нее происходящей, и того, кто бы совершенно зная оную, старался сокрыть свѣдѣніе о ней, надлежитъ почитать врагомъ рода человѣческаго, такъ какъ и того, который для своихъ собственныхъ видовъ разглашалъ бы о познаніи какого либо таинства, и потомъ по причинѣ всего невѣдѣнія умолчалъ бы объявить оное. Сіе разсужденіе тѣмъ паче имѣетъ отношеніе къ нашему

проповѣднику, которой таинство свое довольно не почитаетъ сокрытымъ, что онъ при началѣ своей книги обязавшись писать для блага человѣческаго, полезную ученїе свое, дѣлающее сїе благо, скрываетъ подъ покрываломъ темныхъ своихъ истолкованїй.

Потомъ онъ въ помощь утвержденїя своего мнѣнїя, что вещества не могутъ смѣшатися одно съ другимъ и составлять одну сущность, говоритъ: *когда бы лица и начала содержащїяся въ ней могли смѣшаться съ сущностїю и началами существъ, на которыхъ изливаютъ отправительныя свои дѣйствїя, то разномѣрно могли бы и заступить мѣста ихъ; тогда легко было бы произвести совершенно естество неразличныхъ и голосъ: и перемѣня голъ и естество одного существа, можно тоже учинить и со всѣхъ голахъ* су-

существъ; отъ чего бы произошло всеобщее смѣшеніе, и мы бы никогда не знали отличій и мѣстъ принадлежащихъ существамъ въ порядкѣ вещей.

Конечно вещество не можетъ мѣшаться съ бестѣлесностію, и вѣрно никто ему спорящать не будетъ, что пища не мѣшается съ сіе бестѣлесными началами; но сіе не препятствуетъ, чтобъ пища не составляла единую сущность съ тѣми тѣлами, въ которыя она входитъ. Естьли же бы она, по мнѣнію его, не мѣшалась съ тѣлами, а сохраняла бы свое существо, на примѣръ: хлѣбъ оставался бы хлѣбомъ, мясо мясомъ и прочее снѣдное или питіе тѣмъ, чѣмъ оно есть; въ такомъ случаѣ онъ не имѣлъ бы причины опасаться перемѣненія во всѣхъ родахъ естества; ибо тогда пища входящая въ тѣла не мѣшаясь съ ними и сохраняя свое существо, не только бы могла

произвесть такое перерождение, но и возпрепятствовала бы жизни тѣлъ, а потому не была бы пищею, или средствомъ питанія жизни тѣлесной, по прекращеніемъ оной и разрушеніемъ всѣхъ существъ, которыя чрезъ она сохраняетъ и возобновляетъ. Надобно думать, что ему неизвѣстно, сколько пищи выходитъ чрезъ нечувствительную испарину и прочіе каналы очистительные, и какимъ образомъ она должна претворяться сама во внутреннихъ органахъ, и смѣшиваться съ тѣлами, въ которыя она входитъ для составленія съ ними одного существа. Что касается до сего капельнаго его дѣйствія, мы считаемъ ему оное въ неразрушимости, такъ какъ и безтѣлесныя его начала всего вещества.

Но сильное его доказательство, что пища въ тѣлахъ сохраняетъ свое существо, состоитъ въ томъ, *что въ тѣлесной натурѣ нѣтъ самосводѣнія; ниже сынъ*

пріи-

прїемышей, потому что нѣтъ въ ней ничего особолнаго. Сїе прелюбодѣянїе тоже значитъ, что смѣшенїе вещественной сущности, которое, не смотря однако же на его отражательное дѣйствїе, не меньше въ естествѣ совершается; а сыры прїемыши значатъ, что мысленныя его начала не могутъ быть приняты другими началами. Мы не будемъ съ нимъ спорить о его прїемышахъ, сиротахъ, безаконнорожденныхся въ воображенїи его; но что принадлежитъ до глубокофилософическаго слова, *прелюбодѣянїе натуры*, то изъ вышесказаннаго нами можно усмотрѣть, что естественное прелюбодѣянїе во всей точности сего слова совершается.

Вотъ какимъ орудїемъ онъ селѣзаетъ чинителей своихъ, стараясь подать изрѣченїемъ своимъ нѣкоторую дикость и отъ того возбуждать удивленїе, дабы они увѣрились, что оныя скрываютъ пре-

мудрость обѣщающую блаженство.

И такъ, присовокуплятъ онъ, лишта не иное что, какъ средства отражстельного дѣйствія, нужныя для охраненія живыхъ тѣлъ отъ чрезмѣрности огненного дѣйствія, которое не престанно пожираетъ и разоряетъ сіи литстельныя существа, такъ какъ сель нихъ разорило бы и самое живое тѣло ....

Теперь говоритъ онъ, что огнь чрезмѣрнымъ своимъ дѣйствіемъ разоряетъ и пожираетъ тѣла; а прежде увѣрялъ, что тотъ же самый огнь, по есть внѣшняя причина, необходимо нуженъ растущему началу для произведенія и оживленія зародышей. Какъ можно вѣрить такому писателю, который вмѣсто опытныхъ доказателствъ предлагаетъ столь несогласныя противорѣчія, не смотря на которыя то правдою всегда пребудетъ, такъ

какъ

какъ мы выше упомянали, что пищу не огнь пожираетъ, но она претворяется внутренними органами тѣлъ, въ жидкія и твердыя части оныхъ, и служитъ къ расширенію и жизни существъ животныхъ и отъ земли рождающихъ.

Я не престану повторять, говоритъ онъ, *какъ они (примѣчатели) думаютъ, что всѣ образы суть произведенія врожденныхъ имъ началъ, которыя не могутъ ни коимъ образомъ дѣйствія, какъ долъ всеобщимъ закономъ трехъ стихій....*

Мы не престанемъ повторять, что не льзя человѣку болѣе надменнымъ образомъ и несправедливо приписывать себѣ всеобщее знаніе, не только естественныхъ существъ, но и за предѣлами оныхъ находящихся. Ни одинъ испытатель не утверждалъ, что въ естествѣ су-

ничтожна одна; но что всѣ тѣла составлены изъ четырехъ стихій, то всѣ упражняющіеся въ познаніи естества какъ Физики, такъ и Химики достаточно и непремѣнно въ испытаніяхъ своихъ сію истину находятъ. Мы увидимъ после, для какихъ причинъ сіи изгнали воздухъ изъ числа стихій, составляющихъ все естество, которыя силою непремѣннаго движенія, даннаго всевышнею десницею всему веществу, всѣ образы онаго составляли и составляютъ? Врожденныя же начала имъ вымышленныя, суть начала безтѣлесныя; но мы вопрошаемъ, есть-ли кто столь безумно разсматривающій дѣйствія натуры, который бы могъ утверждать, что вещь нетѣлесная можетъ составить вещь тѣлесную? Онъ напрягаетъ всѣ силы воображенія своего стараясь гладкими хрупкими мечтаніями, дабы / сооружить зданіе системы вещественной, на основаніяхъ невещественныхъ, сплетаемое разныхъ чиселъ существа-

тва-

тьми Сестьлесными, и скружа его густейшею темнотою, дабы слабость посторонія была не примѣтна, спѣшетъ влечь въ свое рессорокныхъ читателей, кои прельщаясь достигнуть блаженства познакомиться съ невидимыми обитателями онаго, и наслаждаться собесѣдованіемъ ихъ, мнятъ проникнуть мрачность скружающую сей храмъ мечтательности.

Онъ въ предпріемъ своемъ отдаленіи говоритъ: *человѣкъ ежеминутно склоненъ къ заблужденію; а особливо когда онъ осмѣливается устремлять взоръ на такія вещи, которыя удаляютъ мрачность его темницы* ... Сіе предложеніе вѣрояно; ибо онъ сочиня книгу безпрерывныхъ заблужденій, опытительно доказалъ о справедливости онаго. Чтобъ сказать нѣкое о томъ сочиненіе, онъ упоминая о добрѣ и злѣ началахъ такъ разсуждаетъ

ет: ... *Но ежели сіи начала разумны, то надлежитъ имъ быть свѣтущимъ и имѣть понятіе о всемъ, что ниже ихъ: ибо безъ сего не пользовалися бы они ни малѣйшею способностію разумѣнія; естьли же они свѣтущи и имѣютъ понятіе о всѣхъ вещехъ, которыя ниже ихъ, то не возможно, чтобъ нужное изъ своихъ, и о существѣ дѣйствующе, не занималось сными и не старалось или разрушить ихъ, ежели оно злое начало, или соблюсти когда оно доброе существо.* Прежде говорилъ, что добро имѣетъ власть и силу независимыя, которыя простираются и на самое зло; но симъ разсужденіемъ онъ дѣлаетъ ихъ равными; ибо старанїе добраго начала соблюсти, а злаго разрушить, значитъ, что онѣ другъ другу не покорены; гораздо, хотя доброе начало и старается о соблюденїи, но не имѣетъ ни силы, ни

вла-

власти удержать разрушеніе.

Естьли бы они, то есть, примѣчатели, *тщательнѣе разсмотрѣли сныя два разныя начала, которыхъ не могли не признать; усмѣлибы разность и пустисложность ихъ способностей и дѣйствій; усмѣли бы, что зло есть чуждо началу добра, дѣйствуетъ своею собственною силою надъ временными произведеніями сего начала, съ которымъ оно въ единое мѣсто заключено; но не имѣетъ дѣйствительной силы надъ самымъ добромъ, которое носится надъ всѣми существами, поддерживаетъ не могущихъ стоять о себѣ, и отсляетъ по волѣ дѣйствовать и защищаться тѣхъ, которымъ даровано отъ него сознаніе....* Тутъ кажется, что онъ не только равняетъ доброе начало со злымъ,

злымъ, но еще творитъ сіе послѣднее могущественнѣйшимъ первыаго: ибо не смотря на то, что добрее начало всегда надъ всѣми существами ни которыя изъ оныхъ, какъ свободныя, такъ и несвободныя не избавляются отъ зла и претерпѣваютъ его дѣйствія.

Здѣсь надлежитъ еще замѣтить важнѣйшія его приписуреченія о добромъ и зломъ началахъ; ибо на страницѣ 13, онъ говоритъ: *добро само отъ себя получаетъ могущество и силу*; а на 14, *принуждены мы признать съ добромъ началомъ не измѣнимое превосходство предъ другимъ, единство, неразлучимость, съ которыми оно необходимо существовало прежде всего.* Когда добрее начало само отъ себя получаетъ могущество и силу свою, и когда оно необходимо существовало прежде всего, то какъ же послѣ столь утвердительнаго предложенія ска-

сказать можно, что доброе начало заключено въ единое мѣсто съ злымъ началомъ? Ибо оно не получаетъ могущества и силы само отъ себя, когда оно могло быть заключено въ одно мѣсто съ злымъ началомъ; и какъ можно подлащіе сіе согласить съ тѣмъ, что оно необходимо существовало прежде всего? Ибо существованіе прежде всего принадлежитъ Единому Создателю всего: и потому безразсудно сказать о вещи подластной и могущей быть заключенной въ одно мѣсто съ злымъ началомъ, что оно существовало прежде всего. Прежде надлежало бы ему согласиться самому съ собою и не прибавлять противурѣчивыми разсужденіями непонятности ученія сего, кое уже и безъ оныхъ, такъ искусно ограждено отъ проницанія чинителей, что разумъ, упомяненый работою проникнуть оное, наконецъ вмѣсто мнимыхъ таинствъ, кромѣ одного пустословія, и вмѣсто полезнаго

откры-

открытія, кромѣ одного недуговарія въ разсужкѣ сочинителя, ничего не находитъ.

Мы утверждали уже, продолжаетъ онъ, что начала вещества, какъ составныя, такъ и частныя заключаютъ въ себѣ жизнь, и долженствуютъ отъ оной произойти способности тѣлесныя. Къ сему приобщили и то, что не смотря на нерушимое и природное ихъ свойство, сіи начала не могли бы ни когда ничего произвести, естьли бы не были подвижны и сотрѣсаемы отъ дѣйствующей силы начала, долженствующихъ приводить въ движеніе способности ихъ.....

Не только можно спорить, какъ что нибудь безтѣлесное можетъ быть подвижно и сотрѣсаемо отъ противудѣйствія тѣлесныхъ силъ-

ныхъ

ныхъ началъ долженствующихъ приводить ьъ движеніе способности началъ, вещества не имѣющихъ; ибо не можно уму представить движенія безъ тѣла или протяженія. Притомъ же когда, такъ какъ онъ увѣряетъ на 88 страницѣ своей книги, что безтѣлесныя начала въ себѣ имѣютъ все, что *нужно къ совершенному исполненію ихъ закона*, то есть, къ произведенію тѣлъ; то на что же имъ дѣйствіе вѣшнихъ огненныхъ началъ? Когда же безъ сихъ онѣ ничего произвесть не могутъ, то онѣ не содержатъ въ себѣ всего того, что нужно къ произведенію и одушевленію тѣлъ; а потому увѣреніе его было ложно.

Теперь мы прейдемъ къ разсмотрѣнію, для какихъ причинъ онъ изключаетъ воздухъ изъ числа стихій; онѣ покажутся не очень согласны съ здравымъ разсудкомъ: однако новый пророкъ увѣряетъ,

что онѣ достаточны для утвержденія трехъ стихій ; ибо говоритъ онъ: *натура показываетъ, что въ тѣлахъ находится три только измѣренія ; три только возможныя находятся разлѣленія во всякомъ существѣ, имѣющемъ протяженіе ; три только находится фигуры въ Геометріи ; три способности врожденныя во всякомъ существѣ ; три только міра временные ; три только степени очищенія человѣческаго, или три степени въ истинномъ В. К. словомъ, въ какомъ ни разсматривай сидѣ сотворенныя вещи, нигдѣ не можно ничего найти сверьхъ трехъ.*

Что три находится только измѣренія въ тѣлахъ и три фигуры Геометрическія ; то должно быть тремъ стихіямъ. Вотъ изрядныя физическія основанія ! три только міра временные ; три человѣчес-

вѣческія очищенія, или степени В. К. вѣрныя тому доказательства, и нельзя не увѣриться, чтобъ не было трехъ мировъ временныхъ! Онъ разумѣетъ тутъ три мира временные тѣ, которые по ученію гредъ нимъ возвѣщавшаго ижесказанія Шведенбурга суть: первый, міръ Ангеловъ; вторый, духовъ; а третій сей естественный. Хотя сіе и противно могуществу Божію, которое можетъ быть, неограниченное число міровъ создало; но для системы его и для изгнанія воздуха изъ спинкій, ему столько оныхъ потребно. Три очищенія человѣческаго! Мало! Человѣкъ чѣмъ больше можетъ очиститься, тѣмъ спасительнѣе. Потомъ еще присовокупляетъ.... *И такъ надлежитъ здѣсь сказать, что самая тѣнность тѣлъ показываетъ тѣнность и основанія ихъ, и противурѣчитъ тому, что сущность ихъ поставляютъ въ четырехъ стихіяхъ; ибо естьли бы состояли они изъ четырехъ*

стихїй, то были бы нетлѣнны, и мїръ былъ бы вѣченъ; но какъ они составлены токмо изъ трехъ, то для того и не имѣютъ бытїя постояннаго; понеже не имѣютъ въ себѣ единицы.... Въ сихъ словахъ глубоко мечтательное его таинство есть то, что естьли бы тѣла имѣли четыре стихїи, то бы имѣли и единицу, числа, которыя въ сокровенной его наукѣ означаютъ божество, и потому мїръ будучи божественный, былъ бы вѣченъ. Не доказывается ли сею нелѣпостїю и пустою важностїю, кромѣ химеръ ничего въ себѣ не замыкающею, что Гїерофантъ новыхъ таинствъ для тщеславїя и гордаго самолюбїя своего говоритъ противу всеобщихъ понятій, естественными испытаніями утвержденныхъ? Онъ дополняетъ благоразумныя разсужденїя свои, сказавъ: *сїе весьма ясно для тѣхъ, которымъ извѣстны истинные законы чиселъ.* Аракинъ въ Италїянской

ской комедіи разказывая непонятной вздоръ, наконецъ прибавляетъ: *это очень ясно.*

Я уже сказалъ, говоритъ онъ, *что воздухъ не въ числѣ стихій.* Сказалъ, однако несправедливо и противъ новѣйшихъ испытаній, которыя не дозволяютъ сомнѣваться, чтобъ воздухъ не находился во всѣхъ тѣлахъ, и не имѣлъ бы въ составленіи ихъ такого же участія, какъ и другія стихіи. Въ древности, по свидѣтельству Секста Емпирика, одинъ философъ, современникъ Пифагоровъ, называемый Оиомакритъ, преподавалъ въ ученіи своемъ, что земля, огнь и вода однѣ только входятъ въ твореніе существа всѣхъ тѣлъ; но Химія тогда была, такъ сказать, въ своемъ младенчествѣ и не могла разсматривать исправнѣйшими испытаніями вещества тѣлъ. Она почти въ равномъ состояніи пребывала до XIII вѣка, въ которомъ

Альбертъ, называемый великій и Роджеръ Баконъ, были искуснѣйшіе примѣчатели въ раздробленіи тѣлъ: потомъ множество другихъ славныхъ, а наипаче нынѣшняго вѣка Химиковъ, внесли свѣтильникъ въ сокровеннѣйшія храмины, въ коихъ натура хранила таинства свои, и которые признаютъ четыре стихіи составляющія всѣ тѣла.

Понеже въ самомъ дѣлѣ, прибавляетъ онъ, *нельзя почесть особливою стихіею грубую сію жидкость, которою мы лышемъ, которая разширяетъ или сжимаетъ тѣла, чѣмъ больше или меньше бываетъ наполнена водою или огнемъ.* Казалось бы, что тому, которой такъ тщеславно превозносится мнимымъ своимъ преимуществомъ, имѣть познаніе о всей вещественности и невещественности, надлежало бы знать, что воздухъ не одною водою или огнемъ напоенъ, но еще имѣетъ безпре-

стан-

станное смѣшеніе съ другими матеріями, извѣстными подъ именемъ газовъ, имѣющими такую жѣ жидкость, проврачность, свѣтлость и упругость, какую и самъ воздухъ имѣетъ, и которые будучи отъ него отдѣлены, суть смертельны. Напримѣръ: газы земель известковыхъ, алкалическихъ; газы происходящіе отъ загоранія тѣлъ и прочіе мефитическіе, то есть, вредные и смертоносные, въ коихъ ни животное дыхать, ни огнь горѣть не могутъ. Естьли бы чистый воздухъ, а не мнимое невещественное начало, присутственнъ въ Атмосферѣ не былъ, и втеченіемъ своимъ во всѣ существа жизнь имѣющія, ихъ не оживлялъ; то бы сіи газы превратили глобусъ нашъ, столь многообразными и различными животными обитаемый, въ печальную и мертвую пустыню.

Но безъ сомнѣнія, продолжаетъ онъ, *въ сей жидкости есть начало*,

которое мы должны назвать воздухомъ. Но оно несравненно дѣйствительнѣе и сильнѣе, нежели стихіи грубыя и земныя, изъ которыхъ тѣла составлены, что подтверждаютъ безчисленныя опыты... Когда тѣла составлены точно изъ трехъ грубыхъ земныхъ стихій, а воздухъ сего мудреца, такъ какъ онъ немного ниже говоритъ, хотя невещественъ, однако по безчисленнымъ его опытамъ сильнѣе сихъ грубыхъ стихій; то мы спрашиваемъ, какимъ образомъ онъ дѣлалъ сіи опыты, и надъ чемъ употребляемыя имъ къ тому орудія дѣйствовали? ибо испытаніямъ подлежитъ только то, что вещественно. Естьлибъ онъ имѣлъ свѣденіе о испытаніяхъ, дѣланныхъ искуснѣйшими и славнѣйшими Физиками и Химиками надъ вещественнымъ воздухомъ, а не надъ мысленнымъ; то бы онъ узналъ, что воздухъ входитъ въ неограниченное число тѣлъ, даже и въ самыя плотнѣйшія и твердѣйшія,

шія, такъ какъ часть ихъ состава; узналъ бы, что воздухъ дѣлаетъ, пока пребываетъ купно съ другими сими ѣми началомъ оныхъ, не оказываетъ ни разширенія, ни упругости, ни другихъ свойствъ, кои въ немъ являются, только тогда, когда онъ находится въ соединеніи частицъ своихъ и волнымъ эѳиръ, содержащихъ его въ сложеніи тѣлъ. Наконецъ узналъ бы, что мнимое его начало невещественнѣйшее, которое онъ принуждаетъ себя называть воздухомъ, есть въ самомъ дѣлѣ тѣло, имѣющее въ совершеннѣйшемъ степени всѣ свойства чистѣйшаго воздуха, и въ коемъ по испытаніямъ господъ Приестлея и Лавуазіе, животныя вишеро или вшестеро могутъ больше жить безъ возобновленія онаго, нежели въ такомъ же количествѣ лучшаго воздуха Атмосферы, что пламя свѣчи погруженной въ оной, спановившея тотчасъ больше, жарчѣе и свѣтлѣе и что сожженіе матеріи ея дѣ-

лается въ пять или шесть разъ скорѣе, нежели въ простомъ воздухѣ.

Сей воздухъ есть произведеніе огня, не сего вещественнаго, намъ извѣстнаго, но огня, который произвелъ огнь и всѣ вещи чувственныя. Когда сей огнь произведенъ отъ огня неизвѣстнаго; почему же неизвѣстной огнь ему извѣщенъ? Сего онъ не объявляетъ, а только говоритъ: *однимъ словомъ, воздухъ необходимо нуженъ къ содержанію и жизни всѣхъ стихійныхъ тѣлъ . . .* Какъ будто кто о томъ сомнѣвается! *Онъ не можетъ пребывать долѣе ихъ; но не будучи, какъ онѣ, вещество, не можетъ быть стихіею . . .* Воздухъ не вещество, не можетъ пребывать долѣе стихій, и самъ не можетъ быть стихіею! Не есть ли въ сихъ несогласныхъ и противоположительныхъ словахъ совершенное отступленіе отъ здраваго разсудка?

И

И слѣдовательно сказано справедливо, что не можетъ онъ (воздухъ) *входить въ составленіе сихъ самыхъ тѣлъ.* И слѣдовательно сказано несправедливо, но для того только, чтобъ ложными предложеніями и мнимою сокровенностію, читателей, имѣющихъ терпѣніе читать невразумительную книгу о заблужденіяхъ и неистинѣ, далѣе заводить въ Лабиринтъ непостижимаго своего ученія.

Какое же онъ (воздухъ) *имѣетъ дѣло въ натурѣ?* вопрошаетъ изыскатель воздуха и противоположникъ естественной науки. *Не устоимся сказать, что ему поручено сообщать существомъ тѣлеснымъ силы и качества его огня, который ихъ произвелъ.....* Съ такою смѣлостію, какая во всей книгѣ его является, конечно не страшно, какую бъ то ни было, несодѣянность или сумозбродство сказать. *Онъ есть* (воздухъ)

духъ) *возница жизни стихій, и его только помощію поддерживается ихъ бытіе; ибо безъ него всѣ круги возвратились бы съ центры, изъ которыхъ они произшекли.* Сіе увѣреніе, что воздухъ есть возница другихъ стихій, больше забавно, нежели удивительно; не безъ смѣха подумать можно, какъ земля, вода, и огнь на воздухъ ѣздятъ! Замѣтить надобно, что онъ воздуху не надолго сіе услужливое дѣйствіе оставляетъ; ибо онъ на той же страницѣ говоритъ: *но надлежитъ примѣчать, что въ то же время, какъ онъ содѣйствуетъ содержанію тѣлъ, сыскетъ такъ же благимъ оружіемъ ихъ разрушенія...* И потомъ прибавляетъ, что сіе противурѣчіе не должно насъ удивлять; потому что воздухъ такъ поступаетъ въ силу дѣйственнаго закона. Что воздухъ служитъ къ содержанію тѣлъ жизнь имѣющихъ и къ разрушенію онѣй лишенныхъ,

ныхъ, въ томъ всѣ физики не сомнѣвались; но токмо до гробытія мрачнаго гостеля не знали, *что воздухъ есть сосница жизни стихій.*

Чтобъ утвердить превосходство воздуха надъ другими стихіями, онъ говоритъ: *когда воздухъ, сколько можно рачительно отдѣленъ отъ тѣлъ, то сохраняетъ всегда свою силу и свою упругость....* Безпрестанныя противурѣчія! Когда совсѣмъ его воздухъ негещественъ; какимъ же образомъ тотъ самой воздухъ имѣетъ упругость, и какъ возможно рачительно отдѣлить его отъ тѣлъ?.... *Для сего должно признать его невреждаемъ; а сіе не приличествуетъ ни одной изъ стихій, которыя разрушаются тотчасъ, какъ только разлучились другъ отъ друга.* Надобно сказать сему искусному физику, что никакая сти-

стихія не разрушается, когда одна отъ другой отлучается? и никакія испытанія еще по сей часъ какъ Физическія, такъ и Химическія, а наипаче воду не могли разрушить. Сію послѣднюю Боиль и Маргграфъ, славные Физики, великое множество разъ перегоняли, и хотя находили при всякой перегонкѣ по малой части земли; однако вода перегнанная всегда оставалась невредима, и такъ какъ была; оставшаяся же малая часть въ сосудахъ земли, должна быть почитаема посторонимъ тѣломъ воды. Господинъ Лавуазіе важное доказательство неразрушимости воды исправнѣйшими испытаніями утвердилъ: въ его перегонкахъ оставалась такъ же малая часть земли; но онъ нашелъ, что сія земля происходила отъ сосудовъ; ибо онъ въ немъ усмотрѣлся, вѣся прежде и послѣ сосуды къ испытанію служившіе. Почему и видно, что стихіи, не только почтаясь по разлученіи ихъ, но и никогда

не

не разрушаются.

Онъ систему свою тройственнаго числа распространяетъ даже и на человѣка. Раздѣленіе Анатомистами тѣла человѣческаго на три части, для удобнаго изученія онаго, и называемыя ими впадины или дупла (cavitas) служили ему основаніемъ къ построенію изъ тройнаго числа человѣка, и опредѣля симъ раздѣленіемъ отношеніе къ тремъ стихіямъ соли, сѣрѣ и меркурію, введеннымъ въ Химію въ XV вѣкѣ Валентиномъ, но потомъ искуснѣйшими Химиками недостаточными признаны, онъ увѣряетъ, *что его ученіе весьма сходно съ ученіемъ физіологовъ о мѣстѣ и источникѣ нервозной жидкости.*

Какого существа жидкость сія или самой тончайшій сокъ, люди глубокаго ученія суть разнаго о томъ мнѣнія. Бургавъ мыслилъ, что оная жидкость есть самая сестрѣй-

трѣйшая и проницательнѣйшая, отдѣляющаяся отъ крови мозговыми органами; Степонъ, что она есть самая матерія свѣта. Виделевъ утверждаетъ, что неисчетное множество мозговыхъ маленькимъ сосудцовъ, на подобіе клубочковъ или кисточекъ, отдѣляютъ отъ крови, приносимой въ оные безпрестанно многочисленными отраслями бьющихся жилъ, жидкость отмѣнной тонкости, которая распространяется по всѣмъ нервамъ, имѣющимъ исхожденіе свое изъ мозга. Послѣ сего отдѣленія сталь-ная кровь возвращается по отраслямъ крововозвратныхъ жилъ, въ рукава твердой мозговой обвалочки; а сіи наконецъ изливаютъ ее въ шейную и позвоночную крововозвратныя жилы. Невтонъ, въ концѣ своей Оптики и въ приложенныхъ къ ней вопросахъ, называетъ оную жидкость ефиромъ; Гарлей въ преподаваемой имъ теоріи о чувствіяхъ и мысляхъ, говоритъ, что

оныя происходятъ отъ поколебанїя частицъ сего ефира, находящагося по мнѣнїю перьваго въ нервахъ; Шейнъ, Аглинской учитель съ другими учеными отрицаетъ совсѣмъ бытїе сей жидкости. Потому ученїе Физїологовъ никакъ не сходствуетъ съ его химерическимъ ученїемъ о мѣстѣ нервозной жидкости; ибо по доказательству Бургава и Винслога оная не имѣетъ одного опредѣленнаго ей мѣста, но наполняетъ всѣ нервы, которыя распространяются по всему человѣческому тѣлу. Притомъ наука Физїологїи, не полагается на метафизическїя вымышленїя, но основывается на изслѣдованїяхъ анатомическихъ и испытанїяхъ химическихъ; слѣдственно и нельзя того утверждать, чего въ разсматриванїи внутреннихъ частей тѣла человѣческаго не находится. Ибо въ раздробленїи оныхъ, ни сѣры, ни меркурїя не оказывается; но токмо спиртъ алкалической, или вкуса среднихъ солей, а ино-

гда и то и другое свойство имѣющій; уголь сихъ частей остающійся въ сосудѣ и сокрушенной въ пепелъ, даетъ маленькую часть алкалической соли, подобной той, которая добывается изъ растѣній, а иногда и желѣза.

Кровь человѣческая приведенная, подымающимися изъ ней парами, въ густоетъ студеня, по испытаніямъ Господина Шпильмана, теряетъ шестую часть вѣса своего; потомъ въ перегонкѣ даетъ около половины своего вѣса спирту алкалическаго; принадлежащую часть масла прижженнаго запаха, каковой обыкновенно въ раздробленіи химическомъ огнемъ въ тѣлахъ остается, и столько же соли лѣтучей. Уголь, остающійся отъ крови, содержитъ въ себѣ довольное множество частицъ магнитомъ притягательныхъ, и сто двадцатую часть соли постоянной или нелѣтучей.

По

По его же испытаніямъ изъ мозгу человѣческаго, вѣсомъ въ 3 фунта или 96 лотовъ, выходитъ 72 лота спирту алкалическаго, 10 лотовъ вышеупоминаемаго свойства масла; три золотника лѣтучей соли: уголь его, зженой на огнѣ открытомъ, не перемѣняетъ черноту свою, коего нѣкоторыя частички магнитомъ притягиваемы, и способомъ щелоченія даетъ два золотника соли, которая сохраняетъ въ себѣ много клейкости.

Кости животныхъ, по новѣйшимъ испытаніямъ, Господъ Макера, Пулетья и Руеля, содержатъ въ себѣ землю известковую и соль фосфорическую; и потому доказательно, что ни сѣра, ни меркурій не имѣютъ въ тѣлѣ человѣческомъ опредѣленныхъ обиталищъ; но вмѣсто сѣры огнь, называемый флогистикомъ, входитъ въ составъ всѣхъ тѣлъ, такъ какъ и другія стихіи; однако онъ не пребываетъ въ од-

номъ мѣстѣ, а находится и проникаетъ всѣ части сныхъ. Странное и безобразное опредѣленіе тройнаго, раздѣленнаго царствованія трехъ разныхъ существъ въ тѣлѣ человѣческомъ, можетъ только помѣститься въ головѣ у того, которой хочетъ увѣрить, что онъ имѣетъ сообщеніе съ нѣкоторымъ существомъ, поставленнымъ отъ Бога для управленія веществъ, и которое онъ называетъ причиною дѣйствующею и разумною. Ибо естьлибъ и подлинно сѣра и меркурій находились въ тѣлѣ человѣка; то бы они не оставались; въ назначенныхъ имъ, отъ сего новаго рода размежевателя, владѣніяхъ, но чрезъ обращеніе крови носились бы по всему тѣлу.

Онъ съ нѣкоторымъ видомъ самохвальства присовокупляетъ: *сколь ни правильны сіи раздѣленія, и сколь ни справедливы ихъ отношенія къ тремъ стихіямъ...*

хїямъ... такъ какъ бы онъ вмѣсто сей нелѣпости ощутительную и укрѣпленную испытаніями истину сказалъ! *Не усматривается ли такъ же и съ грудію, что кромѣ средоточїя крови, находится еще вмѣстилище воды, или сїи воздреватыя части внутренности, которыя собираютъ воздушную влагу и ее сообщаютъ огню, или крови, дабы умѣрять ея жаръ?* Всѣмъ извѣстно, что грудь не есть средоточїе крови, которая обращается по всѣмъ частямъ тѣла. Естьли же онъ хочетъ назвать ее средоточїемъ крови, потому что сердце, источникъ оной, имѣетъ въ ней обиталище свое; то мы небудемъ съ нимъ спорить, можетъ ли источникъ чему нибудь назватьея средоточїемъ, понеже источнику свойственно истекать прямою или кривою линѣею, а не обращатьея вокругъ себя; но только замѣтимъ, что онъ столько же знаюшь и въ Физїологїи, сколько

въ Физикѣ. Ибо грудь не есть вмѣстилище воды, но органъ, служащихъ ко вдохновенїю и изыхновенїю воздуха, такъ какъ и для приведенїя крови въ должное совершенство, дабы содержать всѣ жидкости тѣла въ равновѣсїи, и для оживотворенїя столь премудрымъ и многосложнымъ образомъ сотворенной махины. Сїе важное дѣйстїе произходитъ такимъ образомъ:

Бьющїяся и простыя жилы легкаго, сотовариществующїя духодвижнымъ жиламъ, приносятъ кровь во всѣ тончайшїе канальцы и сосудцы, отъ нихъ распространяющїеся по всему легкому, и тѣмъ средствомъ служатъ къ тоякому переѣлыванїю крови. Первое есть то, что она протекая по всѣмъ вышеупоминаемымъ канальцамъ, или рукавкамъ перетирается, разробляется, и такъ какъ бы переламывалась; другое, что она чрезъ дыханїя, очи-

очищается отъ излишества пасочной сырости, и наконецъ третіе сестоитъ въ томъ, чтобъ ей оживляться проходящимъ, по пузыреватымъ норкамъ легкаго, воздухомъ, которой или цѣлымъ своимъ вѣтчаніемъ, или весными своими частичками одѣваетъ ее цвѣтомъ краснымъ, приводитъ въ полное совершенство, и дѣлаетъ ее способною къ одушевленію тѣла человѣческаго. По сему ясно видимо есть, что въ груди нѣтъ вмѣстилища воды, и пузыреватыя части легкаго, такъ какъ мы изъяснили, совсемъ къ другому дѣйствію опредѣлены, нежели къ собиранію воздушной влаги и заливанію внутренняго въ человѣкѣ пожара.

Усилили бы они (примѣчатели) говорить онъ, *что происходящее въ груди ихъ противоборствіе сѣры, соли, огня или воды поддерживаетъ жизнь тѣла, и что ежели которого ни-*

буль изъ сихъ дѣйствователей не станетъ, то и тѣло престаетъ жить. Примѣчатели довольно видятъ, что происходящее въ немъ противубурствіе сѣумазбродства въ разсудкѣ, заставляетъ его писать прпиъ сего послѣдняю; понеже, когда одинъ разъ необузданное воображеніе возметъ поверхность надъ здравомыслїемъ, то уже нѣтъ никакой страннести, или лумъ развращенныхъ, которыхъ бы оное возрадить не могло; ибо онъ еще на той же страницѣ прибавляетъ:

Но надлежитъ такъ же примѣтить, что симъ двумъ силамъ, толь враждебнымъ между собою необходимо нуженъ посредникъ, которой былъ бы преградою ихъ дѣйствїямъ, и препятствовалъ бы взаимному ихъ одолѣнїю; ибо иначе все бы уничтожилось. Сей посредникъ есть начало меркурїальное, сложеніе всякаго тѣлеснаго соста-

стаса, съ которымъ сокупясь оба прочія начала стремятся къ единой цѣли. Онъ вездѣ съ ними не отступно пребывая принуждаетъ ихъ дѣйствовать по предписанному порядку, то есть, производить и содержать образы тѣлъ....

Наука, включающая меркурій въ начала, и преподоваемая въ сие время Парацельсомъ, давно уже искуснѣйшими Химиками испровергнута. Онъ полагалъ началами тѣлъ, называемыми имъ дѣйствительными, меркурій, масла и соль; а воду и землю опредѣлялъ въ страдательныя; но первыя не могутъ быть началами тѣлъ, потому что онѣ сами не суть простыя, но составныя изъ другихъ существъ гораздо проспѣйшихъ ихъ. Бехеръ почувствовавъ неправильность сего ученія, призналъ только два начала составляющія всѣ тѣла, именно: воду и землю; но что бы удобнѣе истолковать

свойства сложныхъ тѣлъ, онъ раздѣлилъ землю на три рода, содержащія простыя и стихійныя земли: первую назвалъ, стекловатою; вторую, возгаляющеюся; третію, меркуріяльною. Стекловатая, по мнѣнію его, есть начало твердости и взаимной вязкости частицъ, составляющихъ совокупленіемъ своимъ тѣла; чрезъ возгаляющую онъ разумѣлъ ту, которая наполняется огненными частичками, то есть, началами возгоранія; чрезъ меркуріяльную, начало металловъ; ибо онъ думалъ, что сіе начало, соединеніемъ своимъ съ двумя первыми, составляетъ металлы. Шталь, которой превосходилъ химическими своими познаніями Бехера, неоспоримымъ образомъ доказалъ существованіе двухъ первыхъ земель; но не могъ никакими испытаніями утвердить бытіе послѣдней, и потому не призналъ ее за существующую. Однако не смотря на сіе, не только Алхимики, но и нѣкоторые Химики думали,

ли, что меркурій, не во всѣ тѣла, такъ какъ увѣряетъ нашъ учитель, но въ одни металлы началомъ входитъ, и для извлеченія коего Юнкаръ, Валлерій и Гроссъ, преподаютъ особливыя наставленія. Но Макеръ и Боме по предписанію сего послѣдняго вынимать меркурій изъ свинца, не могли имѣть въ томъ успѣха; почему сіи искуснѣйшіе нынѣшнихъ временъ Химики, съ сожалѣніемъ заключаютъ, что оказавшійся меркурій въ испытаніяхъ Гросса, былъ естественнымъ образомъ присообщенъ къ свинцу, а не былъ самъ началомъ онаго. Естьли бы философической меркурій, о которомъ Алхимики мнятъ имѣть свѣденіе, находился во всѣхъ тѣлахъ, то и тогда нельзя было бы представить себѣ, какимъ образомъ меркурій можетъ принуждать огонь и воду дѣйствовать по предписанному порядку, и заставлять ихъ производить и содержать образы тѣлъ.

Здѣсь

Здѣсь надлежитъ такъ же примѣтить его противурѣчїя; прежде вещественныя его начала были: начало растущее присвоенное къ землѣ, а огонь былъ противудѣйствователь сему началу, безтѣлесныя же начала должны одушевлять всякое вещество по предписанному имъ закону; но теперь сихъ началъ заступили мѣста: сѣра, соль, вода меркурїй.

Онъ видно почерпнулъ премудрое свое знанїе о сѣрѣ, въ писанїи старыхъ Химиковъ, которые по объявленїю Господина Макера называли, всѣ воспаляющїяся и горючїя вещи, сѣрою; и думали, что сѣра была одно изъ началъ тѣлъ; и потому они называли: сѣра металловъ, сѣра растѣнїй, сѣра животныхъ и проч. И нынѣ, прибавляетъ онъ, у Алхимиковъ, и у тѣхъ, которые слѣдуютъ ихъ мнѣнїемъ, такъ еще голова набита и помѣшена сими сѣрами, что они

тѣмъ

тѣмъ больше съ пышностїю оныхъ разсуждаютъ, чѣмъ меньше ихъ разумѣютъ.

Послѣдующее еще чуднѣе покажется; ибо онъ такъ продолжаетъ разсужденїе свое въ прямомъ смыслѣ словъ, а не подъ Символами, такъ какъ онъ называетъ изъясненїе свое таинственнымъ и непонятнымъ образомъ. *Ради сей гармонїи*, то есть, ради гармонїи сѣры и соли, огня и воды. *Тѣло животныхъ ощущаетъ безболѣзненно дѣйствованїе соды чрезъ легкое и дѣйствованїе огня чрезъ кровь: понеже тотъ законъ, коего блюститель есть меркурїй, правитъ симъ дѣйствїемъ и размѣряетъ пространство ихъ.*

Ради сей то причины животное дышетъ, ради той причины, что блюститель меркурїй наблюдаетъ, чтобъ животныя ощущали безболѣзненно дѣйствїе воды

чрезъ

чрезъ легкое, и дѣйствїе огня чрезъ кровь. *А земля подвержена приливу и отливу своей водяной части; ибо жилистное дыханїемъ принимаетъ въ себя жилкость, которая орошаетъ кровь его, сверхъ той жилкости, которую онъ въ пищѣ и питїи принимаетъ. И земля приливомъ и отливомъ принимаетъ во всѣ свои части влагу и соль нужную къ орошенїю ея сѣры, или начала растѣнїя.*

Удивительно, что въ сьмомъ надесять вѣкѣ нашелся писатель, которой за истинну выдаетъ, что меркурїй правитъ и размѣряетъ пространство дѣйствїя воды и огня, и коперъ й сравниваетъ дыханїе человѣческое съ приливомъ и отливомъ морскимъ! Таковыя сьумазбродныя разсужденїя, не только опроверженїя; ниже бриманїя не заслуживаютъ. Мы только на сїе скажемъ что изо всего его обширнаго гуспорѣчїя

рѣчія о происхожденіи и существованіи тѣлъ, можно только то заключить, что онъ хотѣлъ сказать, что къ рожденію тѣлъ служитъ огнь центральный земли, а къ растѣнію ихъ огнь солнечный. Но какъ его тщеславіе заставляло его, для привлеченія къ себѣ уваженія, быть непонятнымъ, то ему и надлежало употребить пустыя выраженія изъясняющія мнимыя его въ естественныхъ таинствахъ открытія, какъ то: отражательное дѣйствіе пищи, врожденныя начала, двойственные законы, меркурій принуждающій воду и огонь производить и содержать образы тѣлъ, и прочія нелѣпости, которыя не престанно принуждаютъ его впадать въ противурѣчія.

Можно ли подумать, что бы кто нынѣ съ важностію сталъ увѣрять, что движеніе сердца имѣетъ сношеніе съ четырьмя перемѣнами луны? Но онъ точно говоритъ:

изъ-

извѣстно, что сіе явленіе, то есть, движеніе сердца, *имѣетъ сходство съ четырью перемѣнами луны, во время которыхъ огненное солнечное дѣйствіе излигаетъ силу свою на соляную часть вселенныя.* Сіи лживости древнихъ Астрологовъ и Алхимиковъ, давно уже изъ естественнаго ученія прогнаны, и погружены въ ничтожество, откуда бы имъ никогда выходить не долженствовало. Однако онъ утверждаетъ, что по правиламъ его сношенія, скиманія и разжиманія сердца, съ четырмя перемѣчами Луны, происходитъ приливъ морской, и что сіе явленіе представляетъ въ большемъ видѣ двойственный законъ. Притомъ не смотря на сіи правила, по коимъ двойственные законы дѣйствуютъ, онъ хочетъ вразумить, что причина физическая, поставленная отъ вышняго начала къ правленію тѣлъ вещественныхъ и ему себя оказавшая, управляетъ движеніемъ сердца и дви-

и движеніемъ волы морской. И такія бредни проповѣдникъ мнимыхъ знаній выдаетъ за истинны! И находятся люди, которые думаютъ, что въ сихъ заключается сокровенная наука, относящаяся къ благу человѣческому!

Довольно забавно кажется, что онъ не представляя во всей своей глубокомечтательной книгѣ, какъ одне химеры, называетъ всѣхъ испытателей натуры, кои утверждаютъ познанія свои на вѣрнѣйшихъ изысканіяхъ, искателями химеръ, и говоритъ: *но я одну только вещь скажу симъ упрямымъ искателямъ химеръ: ежели непремѣнно желаютъ они, что бы чувства ихъ понимали, то да начнутъ прежде искать чувствъ говорящихъ; ибо симъ единымъ средствомъ можно снискать имъ разумѣнія.* Прилично ли тому, которой такъ изъясняется, называть искателями химеръ

меръ, трудящихся познавать естественныя дѣянія, не мыслями и не мечтаніями, но вѣрнѣйшими испытаніями? Притомъ сіе таинственное повелѣніе, искать чувствъ творящихъ, значитъ, искать познанія мнимой дѣйствующей физической его причины.

Онъ угрямымъ искателямъ химеръ, для сбереженія чувствъ творящихъ, преподаетъ слѣдующее наставленіе: *Меркурій, какъ я выше сказалъ, есть сообще посредникъ огня и воды, которыя, какъ враги непримиримые, не могли бы никогда согласно дѣйствовать безъ посредствующаго начала; понеже посредствующее начало, заимствуя отъ естества обоихъ, когда ихъ разлучаетъ, въ то же время и сближаетъ другъ съ другомъ; и такимъ образомъ направляетъ ихъ свойства къ пользѣ тѣлесныхъ существъ.*

Раз-

Разлученіе значитъ отдаленіе одной вещи отъ другой; то нельзя правильно сказать, что можно въ одно время двѣ вещи разлучать и приближать. То же сказать, что одинъ человѣкъ въ одно время можетъ быть въ Москвѣ и въ Петербургѣ.

Меркурій, сближающій и разлучающій враговъ непримиримыхъ, подаетъ ему случай предложить свою Теорію и о громѣ; но по обыкновенію своему говоритъ о всемъ несходственно съ дѣяніемъ и съ существомъ естества, такимъ же образомъ представляетъ и оную; ибо онъ нашелъ воздушнаго меркурія, способомъ коего онъ безъ затрудненія громъ въ облакахъ производитъ. По мнѣнію его: *жаръ есть ощутительное свидѣтельство всѣхъ началъ имъ утвержденныхъ.* Но какимъ образомъ жаръ свидѣтельствуетъ о многочисленныхъ его на-

чалахъ, о томъ испытатель безтѣлеснаго существа не упоминаетъ; но такмо утверждаетъ, что сей жаръ, силѣтель началъ, дѣйствуетъ надъ тучею, въ которой меркурій, сѣру и соль окружаетъ, и въ себѣ заключаетъ, отъ котораго жара сѣра *загорается, отражаетъ и отдѣляетъ сильно соляную часть, коея присоединеніе было против но истинному ея закону, и дѣлало болѣзнь въ натурѣ.* Присоединеніе соли къ сѣрѣ дѣлало болѣзни въ натурѣ! Премудро сказано! И такой проповѣдникъ позволяетъ себѣ всѣхъ великихъ мужей въ учености, называть искателями химеръ.

При такомъ вслыхѣ, продолжаетъ онъ, *меркурій раздробляется въ толь мелкія части, что все, что заключаетъ онъ въ себѣ, выходитъ опять на свободу; самъ же послѣ сего совершеннаго разрушенія улада-*

ветъ

дает съ жидкостїю на поверьхность земли.....

Послѣ грому обыкновенно кромѣ дождя другой жидкости не упадаетъ; то не правда, чтобъ въ дождевой водѣ находился меркурїй; ибо, по испытанїямъ всѣхъ Химиковъ, дождевая вода есть самая чистѣйшая, ни съ какими посторонними тѣлами не смѣшена и не содержитъ въ себѣ меркурїя; а по тому надобно заключить, что нѣкоторая часть меркурїя дѣйствуетъ въ головѣ у бредящаго писателя.

Но чтобъ читатели не могли ничего отгадать въ описанїи его о громѣ, онъ по обыкновенїю своему, прибѣгаетъ къ началамъ невещественнымъ.

И такъ вся сїя перемѣна производится на прочихъ двухъ сущностяхъ, то есть, на тѣхъ, которыя съ натурѣ тѣ-

лесной суть знаки двухъ законовъ и двухъ началъ безтѣлесныхъ И потому всѣ въ громѣ происходящія дѣйствія основаны на разныхъ смѣщеніяхъ сихъ двухъ веществъ.

Наконецъ толь справедливо то, что соль есть орудіе всѣхъ чувственныхъ дѣйствій, что перунъ опаснѣе тогда бываетъ, когда изобилуетъ солями: понеже возгораніе его будучи сильнѣе, производитъ удары крѣпче и раззоренія ужаснѣйшія.

По таковому его особливому ученію, громъ служитъ доказательствомъ, что соль есть орудіе всѣхъ чувственныхъ дѣйствій. И такъ, по его мнѣнію, прекрасная живопись, пріятное согласіе тоновъ, нѣжность осязанія, происходятъ отъ соли; а доказательство сему громъ, когда онъ производитъ раззоренія ужаснѣйшія. Вотъ какую, благоразм-

ный

ный нашъ неискатель хитеръ преподаетъ Физику, и хочетъ на премудрыхъ своихъ познанїяхъ утвердить таинственную науку, дабы поставить себя на подножїе, для воспрїятїя особеннаго почитанїя отъ подобныхъ себѣ!

Впрочемъ сїе возграненїе, продолжаетъ онъ, *отъ изобилованїя соли бываетъ почти всегда съ нижней части облака, какъ грубѣйшей, менѣе подверженной жару, и слѣдовательно способнѣйшей къ замерзанїю, отъ чего и бываетъ градъ.*

Не правда, что бы въ нижней части облака было меньше жара; напротивъ чѣмъ ниже или ближе къ землѣ, тѣмъ въ Атмосферѣ больше жара находится, а чѣмъ далѣе отъ земли въ верьхъ, тѣмъ холоднѣе: ибо лучи солнца, ударяя на землю, и отражаясь отъ нее производятъ ближе къ поверхно-

сти ея больше жара, нежели въ высотѣ. Присоединимъ къ сему еще, собственной землѣ жаръ, то и будетъ ощутительно, что по лицу земли и въ близости онаго жарчѣе, нежели въ отдаленіи отъ нея; о чемъ послѣднія Аеростатическія испытанія все сомнѣніе отвечаютъ. Ибо въ 1783 году Сентября 1 дня, въ Парижѣ подъимавшійся изъ Тюллери на воздушномъ шарѣ Аеростатикъ, замѣтилъ прежде поднятія своего на Ремюровомъ Термометрѣ, служившемъ ему въ семъ испытаніи 7 градусовъ, выше точки замерзанія; но по вознесеніи шара въ 10 минутъ на 1524 сажени, оной Термометръ опустился на 5 градусовъ ниже точки замерзанія. Сіе исчисленіе возвышенія шара учинено было по примѣчанію Барометра, которой на поверхности земли показуя 28 дюймовъ и 4 линіи, чрезъ 10 минутъ возвышенія своего означалъ только 18 дюймовъ, 10 линѣй, полагая на вся-

всякую по десяти сажень, что учинитъ около 1524 сажень.

Онъ не оставилъ предложить и о предохранительныхъ средствахъ отъ грома, которыя также понятны и полезны, какъ и всѣ его таинства. *Средство сіе состоитъ въ томъ*, говоритъ онъ, *чтобъ пресѣчь столбы воздушныя всякаго положенія, то есть, и горизонтальные и перпендикулярные и прогнать къ краямъ устремленія перуна; ибо тогда находясь въ средоточіи, нельзя опасаться, чтобъ оной приближился.*

Мы не знаемъ, бываютъ ли столбы горизонтальные, и можно ли сказать: пресѣчь столбы горизонтальные, прогнать къ краямъ устремленія перуна и находиться въ средоточіи? Но только знаемъ то, что нельзя не сщу-щать благоразумнымъ читате-

лячъ нѣкоего неудовольствія и тогда, когда онъ съ слѣпымъ самохвальствомъ приписываетъ себѣ знаніе о вещахъ выходящихъ изъ круга понятій человѣческихъ, но тогда, когда онъ съ надмѣнностію и утвердительно представляетъ сумазбродныя нелѣпости; то уже не только неудовольствіе, но и сѣтованіе возбуждаетъ за толь малое къ нимъ уваженіе.

Онъ къ прогнанію на край неруна, прибавляетъ еще: *не скажу я причины сему, дабы не отступить отъ моей обязанности; пусть читатели сами изъискиваютъ ее .....* Сими словами кажется, что онъ издѣвается надъ читателями своими; ибо обыкновенно въ общежитіи принимается за насмѣшку, когда кто говоритъ: *знаю, да не скажу.*

Что принадлежитъ до обязанности его, то когда онъ при началѣ

чалѣ книги своей обязывался доставить чрезъ нее благо роду человѣческому, то уже никакая другая обязанность отвлекать его отъ первой не долженствовала; но умышленнымъ умалчиваніемъ онъ нарушаетъ свое обѣщаніе, и потому подвергается всякому осужденію, коего неисполнители слова своего достойны.

Послѣ предохранительнаго отъ грома средства, онъ представляетъ другое: предохранять себя человѣку *отъ ужаснаго замѣшательства, въ кое тщатся его ввергнуть*, и познавать, что онъ способностями своими разнствуетъ отъ существа тѣлеснаго. Сіе средство состоитъ *въ вѣсѣ, числѣ и мѣрѣ.*

Вѣсъ ничто иное есть, какъ всеобщее тѣлъ притяженіе къ центру земли; ибо всѣ вещи развѣшивать можно, только употребленіямъ противной сему притяженію силы,

силы, которая удерживаетъ паденїя ихъ къ поверьхности земли; для того и нельзя сказать, что стремленїе тѣлъ къ землѣ, а потому и къ центру ея, и отъ того удерживаемая ихъ сила, могутъ быть предохраненїемъ себя человѣку отъ ужаснаго замѣшательства. То же сказать, что стихїйный огнь и воздухъ, проникающїе въ тѣла, не для того въ веществѣ находятся, что бывшїе ихъ совокупно съ онымъ; но единственно для того, чтобъ первый согрѣвалъ желудокъ, а послѣдній одушевлялъ легкое наше, и тѣмъ бы предохраняли насъ отъ ужаснаго замѣшательства. Истинна сія премудраго нашего писателя, имѣетъ на себѣ видъ пустомысленнаго вздора. Ни одному физїологу не можетъ быть понятно, такое чудное и особливое владычество чрева надъ вѣсомъ. Когда всякое тѣло, удержаніемъ противною силою стремленїя его къ землѣ, имѣетъ вѣсъ, то есть, означенїе силы онаго стре-

мле-

мленія; слѣдственно вѣсъ не къ одному чреву принадлежитъ, но ко всѣмъ тѣламъ, какъ на поверьхности, такъ и во внутренности земли находящимся; и естьли бы какое тѣло могло достигнуть до средоточія ея, то бы оно по мѣрѣ приближенія своего къ оному, и по силѣ притяженія въ превратномъ отношеніи квадратныхъ разстояній, уменьшался въ вѣсѣ своемъ и потерявъ наконецъ всю тягость свою, при самомъ средоточіи земли, оставалось бы безвѣсно.

По премудрому его ученію число въ животныхъ есть голова, потому что она приводитъ въ движеніе начало дѣйствій ихъ.

Сердце или кровь есть мѣра, по тому что то, или другое производятъ чувствованія въ нихъ.

Вѣсъ относится къ чреву, по тому, что оно *по силѣ краткаго* зако-

закона натуры разваривает лищу *въ желудкѣ, и въ нѣ-рахъ приготовляетъ сѣмена возродительныя ...*

Мы устанемъ, и читателямъ наскучимъ, естьли при всякомъ ложномъ его разсужденїи станемъ укорять его въ предложенїи онаго; и для того только замѣтимъ, что кровь въ животныхъ не есть та жидкость, которая производитъ въ нихъ способности чувствованїя. Сїи дѣйствїе отправляютъ нервы исходящїя изъ мозга, и распространяющїяся по всѣмъ частямъ тѣла: имъ присвоено производить какъ чувствїя, такъ и движенїя сообщенїемъ своимъ съ мышцами, орудїями движенїя. Въ чемъ свидѣтельствуютъ славнѣйшїе Анатомики Мальпигїй, Руйшъ и Винсловъ.

Онъ дополняетъ мудрое сїе средство, прибавляя *вѣсъ, число и мѣру* къ способностямъ разума;

ма; и такъ прилагаетъ число къ мысли; мѣру къ волѣ добрй или злой; а вѣсъ къ дѣяніямъ происходящимъ отъ мыслей и воли: *но понеже*, говоритъ мнимой пророкъ, *связь внутренняго сего дѣянія съ произшедшимъ отъ него чувственнымъ дѣяніемъ, истинное таинство человѣка; для того не могу я далѣе о семъ говорить, не нарушa скромности и не подвергаясь опасности...*

Странной способъ преподавать ученіе, начать предлагать оной и вдругъ сказать, что оно есть таинство человѣка, и для того нельзя о немъ говорить не нарушa скромности и не подвергаясь опасности! Естьли онъ писалъ свои разсужденія, чтобъ просвѣтить читателей и показать имъ истину; то безразсудно умалчивать о томъ, что можетъ служить къ сей цѣли: естьли же онъ для того писалъ, чтобъ его не ра-

зумѣли, то такое безсмысленное предпріятіе не вѣроятно, и никто съ симъ намѣреніемъ не пишитъ; ибо никто не желаетъ трудиться вотще; потому явственно оказывается, что намѣреніе тщеславнаго Метафизика, не есть научить читателей тому, что непонятно, но только увѣрить непостижимымъ проповѣдываніемъ о мнимой своей премудрости, которая будто бы Божествомъ въ него вдохновенна; но сіе его заблужденіе должно причислить ко всѣмъ другимъ, въ которыя повлекло его тщеславіе. Нынѣ уже не есть время невѣжества и непросвѣщенія. Химеры и потаенныя качества находятъ въ здравомъ разсудкѣ неукротимаго врага, который преслѣдуетъ ихъ во всѣхъ мрачныхъ и пустозвучныхъ выраженіяхъ, обыкновенное убѣжище оныхъ; а Философія, сопровождаемая испытаніями, не позволяетъ вѣрить, какъ тому, что утверждено сими послѣдними и посвящено

ими

ими въ числѣ вещей несомнѣнныхъ и истинныхъ.

Но сіе, то есть, то, что онъ далѣе говорить не можетъ, *не препятствуетъ признать со мною, во внутреннемъ или съ разумномъ человѣкѣ вѣсъ, число и мѣру*..... Но мы спросимъ его: какое онъ имѣетъ право требовать, чтобъ безо всякихъ доказательствъ вѣрили противорѣчащимъ его разсужденіямъ? Тѣмъ ли онъ пріобрѣлъ сіе право, что непонятныя его предложенія представляютъ повсюду мнимую сокровенность? Тѣмъ ли, что онъ изъясняется съ безстыдствомъ шарлатана, старающагося ослѣпить слушающихъ его? Тѣмъ ли, что онъ показываетъ себя пророкомъ имѣющимъ сообщеніе съ нѣкоимъ безтѣлеснымъ существомъ, ему только извѣстнымъ? И наконецъ тѣмъ ли, что, запутавшись въ безъисходныхъ стезяхъ системы своей о существ-

вахъ нетелесныхъ и сверьхъ естественныхъ, онъ невразумительныя изполкованїя свои иначе рѣшить не можетъ, какъ сказавъ, что ему долгъ или опасность далѣе говорить о нихъ не дозволяютъ?

И такъ, по его наставническому тону, читателямъ надлежитъ вѣрить, что *вѣсъ, число и мѣра* ихъ предохранятъ отъ ужаснаго замѣшательства и научаетъ познавать, что *человѣкъ разнствуетъ отъ существъ тѣлесныхъ.*

Послѣ бредней числа, вѣса и мѣры, онъ увѣряетъ, что въ человѣкѣ находятся два начала нетѣлесныя. *На невещественномъ началѣ человѣка*, говоритъ онъ, *а не на иной какой части вещества основываетъ начало его разумное; съ нимъ то оно совокуплено на время всевышнею десницею, осуществшею его въ сїе узилище; однако по естеству сво-*

своему оно господствуетъ надъ тѣлеснымъ началомъ, какъ и тѣлесное начало господствуетъ надъ тѣломъ... Изъ сего значитъ, что онъ проповѣдуетъ о существованіи въ человѣкѣ двухъ душъ, изъ которыхъ одна другой находится подчиненною: первая обитаетъ въ головѣ, а другая во всемъ тѣлѣ, которую онъ называетъ тѣлеснымъ началомъ. И такъ прибавляетъ: *нельзя уже намъ сомнѣваться въ томъ, что она въ верьхней части тѣла, или въ головѣ, какъ выше показали мы, являетъ всѣ свои способности; одним словомъ, она употребляетъ сіе начало....* то есть, вторую душу подчиненную ей, и названную тѣлеснымъ началомъ, *къ исполненію чувственныхъ дѣлъ сихъ способностей. Симъ тотчасъ ясно разлозняется обитолище и должность двухъ разныхъ началъ человѣка.* Вотъ какія доказательства, упрекающій другихъ въ исканіи химеръ,

называетъ ясными!

Для такого же яснаго доказательства другой души въ человѣкѣ, или, такъ какъ онъ называетъ, Сентѣлеснаго начала, онъ вопрошаетъ: *для чего человѣкъ, лишившійся по случаю которого нибудь члена, нѣсколько времени имѣетъ чувствованія, которыя кажутся быть въ томъ членѣ, кого уже онъ не имѣетъ?*

Вопросъ его тщетенъ и излишенъ! ибо никогда не бываетъ, чтобъ человѣкъ чувствовалъ боль въ отнятомъ членѣ тѣла своего; понеже съ самой той минуты, когда нервы отнятой части отсѣкутся отъ нервъ цѣлаго тѣла, имѣющихъ и въ мозга изхожденіе свое, тогда преста̀етъ всякая чувственная сообщность между отнятою частію и цѣлымъ тѣломъ. Но кромѣ того, что сія справедивость всѣмъ физіологамъ извѣстна, одинъ изъ

наєъ

насъ собственнымъ своимъ испытаніемъ можетъ увѣрить, что не только отнятая часть, но и та, которая еще не совсѣмъ отдѣлена, а только претерпѣла раздѣленіе нѣсколькихъ нервовъ своихъ, теряетъ чувство, по мѣрѣ большаго, или меньшаго числа сихъ нервовъ, лишившихся сообщенія съ тѣми, коимъ онѣ служили продолженіемъ.

Въ турецкую войну подъ одною крѣпостію въ 1770 году, сотоварищъ нашъ получилъ изъ ружья непріятельскаго, почти прикосновеннаго къ тѣлу его, сильнѣйшій ударъ пулею, которая пролѣтѣвъ сквозь руку не много выше локтя, пресѣкла всѣ жилы и нервы, лежащія на линіи ея пролѣта. Въ то самое мгновеніе ему казалось, что рука его совсѣмъ отбита, и что онъ больше уже ее не имѣетъ; въ чемъ и совершенно былъ увѣренъ, пока другая рука, коснувшись нечаянно нижней части

больной руки не перестрѣла его, что онъ еще не всѣе потерялъ ее. Сей самой случай возбудилъ въ немъ любопытство узнать, такъ же ли и другіе ощущаютъ раны свои; для того онъ спрашивалъ у многихъ раненыхъ, и нѣкоторыхъ имѣющихъ отбитые у себя ноги гранодеровъ, какое они имѣли чувствованіе при полученіи и послѣ ударовъ въ частяхъ тѣла ихъ уязвленныхъ. Они ему всѣ согласно сказывали какъ раненые, такъ и лишенные членовъ своихъ, что у первыхъ оные онѣмѣли; а послѣдніе, что они не въ ногахъ чувствовали боль, когда сіи отъ нихъ были отдѣлены, но во всей внутренности ихъ. Напротивъ, естьли отъятые члены, хотя малѣйшею частицею тѣла дергается, и потому нервы оныхъ не всѣ еще пересѣчены, тогда претерпѣвающіе сію нещастную участь ощущаютъ скорбь несноснѣйшую. Онъ находясь на одной батереи былъ очевиднымъ свидѣтелемъ,

лемъ, какъ одинъ гранодеръ, кото-
му ядро попало въ ногу и отшиб-
ло оную по колѣно, но не могло
перебить только маленькой части-
цы тѣла, отпасть ее удерживаю-
щей, чувствовалъ нестерпимѣй-
шую боль, и столько терзался
сею, что не дождавшись подлѣка-
ря, самъ стрѣзалъ ножемъ тонъ
кусокъ тѣла, который не допускалъ
сбитую ногу совсемъ отвалить-
ся. Послѣ сей операціи онъ казал-
ся мерѣе мучиться, и быть спокой-
рѣе; что ясно доказываетъ, что
никто въ отнятой части тѣла сво-
го никакой скорьби не ощущаетъ;
а изъ сего заключить должно,
что искусный нашъ Физіологъ во
всѣхъ своихъ разсужденіяхъ, такія
же вѣрныя доказательства предста-
вляетъ, какими онъ утверждаетъ
существо безтѣлесныхъ своихъ на-
чалъ, обитающихъ во всѣхъ веще-
ственныхъ образахъ.

Однако во многосложной его си-

стемѣ о бытіи и дѣяніи вещества, многочисленныя начала, имъ сотворенныя, ему показались недостаточны къ управленію онымъ; и для того онъ прибавилъ, такъ какъ мы уже упомянали, еще надъ ними высшую, временную и разумную причину, поставленную отъ Бога управлять всемъ естествомъ.

Сія причина, говоритъ онъ, *временная, разумная и дѣйствительная опредѣляетъ дѣйствіе ея, рожденнаго въ зародышѣ чрезъ посредство втораго дѣйствія, или того отражательнаго дѣйствія, безъ котораго, какъ мы выше приняли, не было никакого произведенія*.... Стало, сія причина находящаяся въ зависимости отъ дѣйствія отражательнаго, безъ котораго не было бы никакого произведенія: но мы видѣли на страницѣ 41, нашего изслѣдованія, что все вещество по ученію нашего пророка, есть

есть произведеніе сей причины, которую онъ называетъ вторымъ началомъ: то какимъ же образомъ она могла произвесть въ веществѣ такое дѣйствіе, отъ котораго она учинилась сама зависима? понеже безъ спротивительнаго дѣйствія не можетъ быть никакого произведенія.

Онъ ѣтуетъ на примѣчателей, что они всѣ разныя причины и начала, которыя онъ въ естествѣ находитъ, не почутствовали, и дѣйствія оныхъ приняли одно за другое смѣшали вмѣстѣ. Ни одинъ примѣчатель не мѣшалъ причинъ его, ни дѣйствія ихъ не принималъ одно за другое; потому что никому, кромѣ его, такія ложныя понятія о естествѣ вещества въ умъ не приходили, и никому столь странныя и юродливыя мечтанія не воображались.

Но дабы предъупредить, в. покойство подобныхъ мнѣ,

которые могутъ подумать, что сія причина дѣйствующая и разумная, о которой имъ говорю, есть вымышленное и мечтательное существо, скажу имъ, что есть люди, которые познали ее физическимъ образомъ, и что всякой такъ же узналъ бы ее, когда бы возложилъ на нее свое упованіе и потщился очистить и укрѣпить свою волю.

Можно ли сдѣлать другое заключеніе о писателѣ, который не стыдится сказать, что есть люди (то есть, онъ самъ) которые познали физически существо управляющее натурою, другое заключеніе сдѣлать говоримъ мы, какъ то, что или метафизическія его размышленія повредили его разсудокъ, или тщеславное самолюбіе ослѣпило его до того, что онъ съ важностію предлагаетъ за истинны, выдуманной имъ романъ о существахъ невещественъ-

ственныхъ, и ихъ приключеніяхъ въ предѣлахъ мысленнаго пространства?

Однако онъ, почувствовавъ безразсудность сего утвержденія, исправляетъ оное тѣмъ, что онъ слово, физически, не разумѣетъ въ общеупотребительномъ смыслѣ, но только ему извѣстномъ. Что бы подумали о человѣкѣ, который сталъ бы увѣрять, что слово, Натура, не значитъ Натуру? Етьли бы такой учитель не смѣшнымъ, то по крайности жалкимъ показался; то же можно сказать и о проповѣдникѣ нашемъ: ибо Физика, слово греческое, какъ всѣмъ извѣстно, значаетъ Натуру, и сказать, физически разумѣется вещественно и ощутительно.

Потомъ онъ упомичая о двухъ началахъ добромъ и зломъ, говоритъ: *послѣ примѣчаній, которыя дѣлали мы надъ тѣлесною нату-*

натурою можетъ кто подумать, что сіи два начала имѣютъ не обходимую другъ съ другѣ нужду къ своему существованію..... Изо всего сего разсужденія о тѣлесной натурѣ нельзя ничего было подумать о двухъ началахъ; понеже онѣ ни во что въ разсужденіяхъ его сбъ оной не входили, и были праздными при всѣхъ его сотвореніяхъ, какъ то: безтѣлесныхъ началъ, растущаго начала, внѣшней причины, способствующей къ произведенію тѣлъ, силы отражательной *и законѣ вышшемъ, которымъ всѣ тѣла управляемы, даже и въ самыхъ величайшихъ сраженіяхъ ихъ и въ величайшихъ ихъ возмущеніяхъ.....* Но что оныя два начала имѣютъ необходимую другъ въ другѣ нужду, того опять не думать нельзя; ибо онъ прежде сказалъ: *естьли бы они не имѣли другъ надъ другомъ никакого дѣйствія, то бы изъ сего равенства силъ произо-*

шла

шла бы недѣйствительность и совершенное безплодіе въ дѣлахъ сихъ обоихъ существъ. Слѣдственно они имѣютъ другъ въ другѣ нужду, когда бы отъ взаимной ихъ недѣйствительности произошло безплодіе въ дѣлахъ ихъ. Но теперь кажется, что онъ опасается, чтобъ не приняли сего мнѣнія; а таковымъ опасеніемъ отрицаетъ, что онъ прежде о добромъ и зломъ началахъ утверждалъ; тѣмъ паче въ семъ увѣриться должно, что онъ теперь о добромъ началѣ такъ изъясняется; *но ежели временное сіе сотвореніе произошло отъ начала вышняго и добраго, такъ и не можемъ съ томъ сомнѣваться, то сіе начало долженствуетъ повсюду являть свое превосходство и свою главнѣйшую принадлежность, которая есть, имѣть въ себѣ все безъ изъятія, кромѣ зла, и кромѣ своихъ собственныхъ способностей не имѣть нужды ни въ чемъ къ сотво-*

творенію всѣхъ своихъ произведеній..... Какимъ же образомъ сіе согласить съ тѣмъ, что отъ недѣйствительности сихъ своихъ существъ произошло бы совершенное безплодіе въ дѣлахъ ихъ; и какую же бы ролю играть злу надлежало? Онъ сей вопросъ рѣшитъ тѣмъ, что *зло служитъ къ показанію великости и могущества добраго начала*, такъ какъ бы добрее начало могло прославиться, что злое будетъ показывать великость и могущество его.

И такъ изъ сихъ противорѣчій должно заключить, что онъ для того учинилъ сопряженіе добраго съ злымъ началомъ въ своей метафизичной системѣ, дабы показать какую нибудь причину зла владычествующаго въ свѣтѣ; ибо послѣ уже и то и другое, мало ему нужны въ его романѣ, хотя онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и старается упоминать о нихъ; но упорное ихъ при-

привлеченіе представляетъ имъ посторонними; и они въ послѣдствіи его сочиненія являются, такъ какъ излишнія лицы въ драматическихъ піесахъ, показывающіяся на сцену для нѣкоторыхъ безгласныхъ явленій.

Примѣры его, приведенные для доказательства ученія его, основаны на такихъ же ложныхъ разсужденіяхъ, на какихъ и все зданіе химерической его системы сооружено. Ибо онъ въ началѣ своего четвертаго отдѣленія говоритъ, что нѣкоторые странственники, воспитанные въ невѣжествѣ и лѣности, осматривали чрестранное царство, и видя въ городахъ *толпящееся сходбище народа, которой казался быть оставленъ собственной волѣ, не подумали нимало о порядкѣ и мудрости законовъ охраняющихъ покой и благоденствіе жителей; они возмнили, что всѣ граждане равно праз-*

праздны, и живутъ въ совершенной независимости. Ни одного нѣтъ человѣка, какой бы онъ умѣренной разсудокъ ни имѣлъ, и въ какомъ бы невѣжествѣ и лѣности воспитанъ ни былъ, который бы видя города и пламяющійся въ нихъ народъ, заключилъ, что города существуютъ безъ законовъ, а граждане живутъ въ безпорядкѣ и независимости; а напротивъ того, чѣмъ больше они видѣли бы устройства въ народѣ и свободнаго обращенія его; тѣмъ больше бы удивлялись благоразумнымъ и мудрымъ узаконеніямъ, подъ которыми онъ благоденствуетъ.

Онъ подтверждаетъ свое увѣреніе о причинѣ, поставленной отъ Бога къ управленію всею вселенною, и говоритъ: *человѣкъ, не взирая на очевидную необходимость сея причины, удаляется отъ нея, бѣгаетъ отъ мечты къ мечтѣ, и не находитъ себѣ постоян-*

стоячной точки; понеже безъ содѣйствія третіяго начала не можно быть совершенному дѣлу; а ежели кто желаетъ, скажу на сіе доказательство, что какъ скоро кто дошелъ до трехъ, тотъ уже бываетъ и при четырехъ, то есть, кто позналъ два нижнія дѣйствія, или двѣ нижнія причины и сію третію, правящую ими; тотъ познаетъ и первое или высшее начало, въ которомъ состоитъ число четыре. Вотъ все глубокое таинство въ числахъ его трехъ и четырехъ!

Но мы еще повторимъ, что всѣ числа его, съ притворною важностію представляемыя, ничего, кромѣ пустаго пищеславія, въ себѣ не заключаютъ; ибо прямо желающій просвѣтить себѣ подобныхъ и съ истиннымъ познаніемъ человѣкъ, никогда сокровенными числами и невнятными предложеніями изъяснять-ся не станетъ; такое шарлатан-

ство всегда было свойственно тогмотiмъ, которые приписывая себѣ нѣчiую премудрость, желали преклонять непросвѣщенныхъ къ послѣдствiю мнѣнiй своихъ.

Онъ безъ сомнѣнiя почувствовалъ, что подастъ нерѣдко случай къ нареканiю неблагодарнаго присвоиванiя себѣ всеобщаго познанiя и наукъ, старается справдиться, или убавить оное такимъ образомъ: *не спрашивалъ былъ бы я и безразсуденъ, когда бы сказалъ послѣдствiя моимъ читателямъ, что бы они мнѣ вѣрили. Нѣтъ! не обинуясь, говорю, что сердечно желаю, что бы никто изъ нихъ не полагался на мои слова, ибо я, подобно человѣкъ, не имѣю права на довѣренность моихъ сочиненiй.....* Но гордыя и тщеславныя его израженiя, какъ на примѣръ: *да научатся люди; сознаюсь явственно; довольно я показалъ неосновательность мнѣ-*

мнѣній человѣческихъ; при всемъ ихъ невѣжествѣ упрямые химерики и проч, худо согласующіяся съ теперешнею его скромностію и болѣе означаютъ его высокомѣріе, нежели искренность.

Притомъ онъ не оставилъ къ извиненію таинственнаго своего ученія, привесть въ примѣръ прежнихъ начальниковъ законовъ похваляя ихъ, что они проповѣдывали свои догматы съ благоразумною скромностію, и такъ, какъ блюстители ключа науки, отталляли простой народъ отъ познанія сихъ догматъ, дабы не осквернить таинство ихъ науки. Все что благоразумно и большему числа людей полезно, никогда осквернено быть не можетъ; ибо всякое неистовое покушеніе противъ такой вещи, значитъ не осквернѣніе оной, но отступленіе отъ здраваго разсудка устремляющихся на нее нарушителей пользы общественной, и потому собствен-

ной своей: слѣдственно вещь, творящая благо человѣческое, не къ осквернѣнію, но къ приверженности и почитанію себя побудить людей долженствуетъ. Такое тщетное оправданіе не извиняетъ, ни какого блюстителя ключа науки, въ сокрытіи полезной тайны.

Всѣ таинства въ древности язычниками учреждаемыя не къ общественному, но токмо къ благу жрецовъ управляющихъ оными относились. Въ Египтѣ толкователи таинствъ, называемые Гіерогматы, были первые и шестутные совѣтники Царей, которые дѣйствовали по ихъ совѣтамъ; они вымышляли Іероглифы и установляли обряды богослуженія. Тщеславіе заставляло ихъ для угодности себя Государямъ своимъ носить скипетръ, представляющій сошникъ, орудіе земледѣлія. Они безпрестанно примѣчали звѣзды и движеніе небесъ, дабы увѣрить, что имъ открыто познаніе будущаго,

ного, и что они суть предсказатели онаго.

Какъ могли быть полезны установленія, въ коихъ величайшія преступленія прощались? Всѣ славные въ древности преступники получали въ оныхъ отпущеніе злодѣяній своихъ; притомъ извѣстно, что таинства языческихъ сопровождаемы были неистовыми безпорядками. И естьли вѣрить Тертулліану и Ѳеодориту, то въ таинствахъ, называемыхъ Елевзійскими, отправляемыхъ въ празднествахъ Цереры, приносилась жертва предлогамъ постыднымъ, хотя впрочемъ сіи таинства важностію своею и благоустройствомъ предпочитались всѣмъ другимъ; ибо по окончаніи оныхъ собирались начальники правительства для изслѣдованія, всель добропорядочно между торжествующими происходило; и изкореняли все, что находили въ противность благопристойности и кротости нравовъ.

вѣ. Цицеронъ однако же думаетъ, что въ таинствахъ Елевзійскихъ сохранялась только справедливая Исторія Цереры и Прозерпины дочери ея, и что посвѣщающіеся обязывались подъ ужасными заклятіями, никогда и никому не объявлять, что сіи двѣ мнимыя Богини не что иное были, какъ двѣ смертныя женщины, дабы не истребилось къ нимъ почтеніе въ народѣ. Господинъ Плюшь, одинъ изъ истолкователей Миѳологіи, мнитъ, что сіи таинства заключали въ себѣ все то, что было благоразумнѣйшее въ религіи язычниковъ; но по описанію стихотворца Клавдія, процвѣтавшаго въ IV вѣкѣ, и которой самъ былъ языческой вѣры, оныя были совершенно подобны нынѣшнимъ операмъ, представляющимъ волшебную мечту зрителямъ; ибо въ нихъ, по его сказанію, похищеніе Прозерпины, сошествіе во адъ Цереры представлялись пантоминою, и весь адъ съ богами и съ причетомъ своимъ явля-

являлись чрезъ декорацiи зрѣнiю сопричастниковъ таинствъ. Господинъ Вольтеръ говоритъ „что таинства „язычниковъ не спасли труда „быть узнаемы, гдѣ-нибудь собранiя, „въ коихъ они старалися, „не изъ Философовъ состоявшiеся „были, но изъ невѣждъ управляе„мыхъ ухищреннымъ Iерофан„томъ; и что доколѣ число сихъ „было не велико, дотолѣ они бы„ли въ почтенiи; но когда сiе „надмѣрно умножилось, тогда „всѣ таинственники не больше „имѣли уваженiя, какъ нѣмецкiе „Бароны, когда свѣтъ ими напол„нился.

Въ таинствахъ Бакховыхъ, Изисовыхъ, Орфеевыхъ, Адонисовыхъ, Пріаповыхъ и проч. происходили мерзостныя дѣянiя; ночныя собранiя сопричастниковъ были неведомъ кому-нибудь, и которыя потомъ грѣшили въ такое бесславiе, что Плавтъ, въ комедiи своей Адулярiи, заста-

ваетъ Леонида такъ говоритъ Евилїону: я признаться тебѣ долженъ, что въ одномъ ночномъ празднествѣ Цереры, дочь твоя отъ меня сдѣлалась беременна; наконецъ сіи срамныя разпутства, происходящія въ сихъ сокровенныхъ собранїяхъ, подали причину совсемъ къ уничтоженію оныхъ въ Грецїи и въ Римѣ. По сему краткому начертанію о таинствахъ языческихъ кажется, что основатель нововымышленныхъ таинствъ не долженъ былъ бы кичиться, толь предъосудительными установленїями, и примѣрами оныхъ одобрять тайное и скрытное свое ученїе; ибо токмо пороки и преступленїя понуждаются искать себѣ въ мрачности и укрывательствѣ убѣжище: но честности и добрымъ дѣламъ подобаетъ свѣтъ и явность.

Покровъ и безмолвїе, говоритъ онъ, *есть предпочтительное убѣжище истины, и обладающїе*

щіе ею не могутъ довольно взять предъосторожностей, дабы сохранить ея въ чистотѣ..... Покровъ и безмолвіе въ такихъ истинахъ, которыя изливаютъ блаженство на человѣчество вообще, есть преступленіе, наказаніе заслуживающее, и обладающіе ими не могутъ довольно спараться означить оныя.

Новый Іерофантъ думаетъ о древнихъ законоположникахъ, что бы имъ не надлежало совсемъ погребать таинства науки ихъ въ сокровенности; но токмо наложить покровъ на важнѣйшіе пункты, и открытіе оныхъ поставить мздою трудовъ и постоянности. Однимъ словомъ, говоритъ онъ, *я бы на мѣстѣ ихъ возвѣстилъ таинство*, то есть, что онъ хочетъ сказать, что уже его и возвѣщаетъ, *яко истинну покровенную, а не яко непроницаемую, и я имѣю щастіе знать доказатель-*

сто, что сіе опредѣленіе было бы гораздо лучше.

Вотъ какими полувнесотворенными внушеніями онъ спираетея увѣрить, что онъ превыщечъ въ сверьхъ естественной премудрости разумною причиною и ею изранъ быпь Апостоломъ ея! Но какъ сбрѣлъ онъ, предъ всѣми другими себѣ подобными, удостоиться сего откровенія, того онъ не сказываетъ, и видно, что сіе то есть, главнее его таинетво покровенное и непроницаемое; но въ самомъ дѣлѣ оно есть ни то, ни другое; ибо представляющаяся мечта въ воображеніи, заблуждшемъ въ мысленныхъ предѣлахъ не можетъ сдѣлаться бытіемъ существенным. Притомъ мы его спросимъ, какъ можетъ въ разумной причинѣ, опредѣленной всевышнимъ Творцомъ управлять вселенною, находиться ко одному къ нему столько благости. Естьли сія причина справедлива, то она не должен-

жествовала бы лишить сей же благости и другихъ, которые не меньше добродѣтельны, или еще и больше, нежели сей избранникъ; ибо прямая добродѣтель не тщеславна и не густословлива: однако по уѣренію его причина разумная, кромѣ любимцевъ своихъ, никому еще не сообщилась. Естьли онъ скажетъ, что онъ трудомъ и исканіемъ своимъ нашелъ тайное средство познать ее и быть ею предводительствуемъ. Вотъ изрядная увѣренная Божества, которая познанія себѣ опредѣлила въ пріобрѣтеніи нѣкоего таинства отъ всѣхъ сокровеннаго! Изъ чего явствуетъ, что присудствіе такой причины, которой познаніе и благость зависѣла бы отъ таинства, малымъ числомъ людей пріобрѣтеннымъ быть могущаго, не сообществовало бы цѣли ея постановленію; ибо такихъ любимцевъ сей мнимой причины, какъ посланникъ ея столь мало въ разсужденіи всесбщества, надъ кото-

которыхъ власть и управленіе ея простираться должны, что число ихъ въ нуль превращается; и потому всѣ люди, кромѣ обладателей царства, доставляющаго познаніе ея, не смотря на опредѣленіе отъ Бога сей причины къ правленію ими, были бы оставлены собственному своему управленію.

По мнѣнію его, разность въ религіяхъ, между коими, такъ какъ онъ увѣряетъ, не находится и двухъ единообразныхъ, происходитъ отъ того, *что люди не слѣдуютъ единому предводителю и потеряли изъ вида единственный свѣтъ, могущій ихъ просвѣтить и согласить. Свѣтъ же сей есть ли иное что, какъ не сія причина дѣйствительная и вышшая, которая должна держать равновѣсіе между чувственными ихъ и разумными способностями....* Мы умолчимъ о томъ, что приличествуетъ ли

при-

причинѣ, правящей всею вселенною держать вѣсы для уравненія способностей чувственныхъ съ разумными; но только спросимъ его, какъ возможно, чтобъ причина, поставленная править, предводительствовать и царствовать, допускала людей утопать въ заблужденіяхъ, гибель имъ уготовляющихъ, и дозволялабъ имъ *возлагать на себя мрачный покровъ?* И не лучше ли бы ей, вмѣсто безполезнаго развѣшиванія разумныхъ и чувственныхъ способностей, предъохранить людей отъ заблужденія; а наипаче проповѣдника своего соблюсть отъ оныхъ, снабдивъ его для того потребною мѣрою здраваго разсудка?

Не можемъ мы о бытіи ея, то есть о причинѣ, правительницѣ натуры, *сомнѣваться, хотя тщаніе человѣка познать и изъяснить (власть сея причины) весьма рѣдко награждено было довольнымъ успѣхомъ и просвѣще-*

щенїемъ.

Здѣсь замѣтить надлежитъ обыкновенное его противорѣчїе : ибо онъ чрезъ страницу увѣряетъ, что *человѣкъ имѣетъ нужду только въ самомъ себѣ, дабы признать бытїе сея причины дѣйствительныя и разумныя, и дабы чрезъ нея достигнуть до причины первыя и единственныя....* Какимъ же образомъ писаніе человѣка познать сїю причину рѣдко награждается, когда довольно только и того, чтобъ признать бытїе ея, дабы достигнуть не только познанїя ея, но и познанїя первой причины, все совершей?

А не много ниже на той же страницѣ говоритъ, что причина поставлена управлять веществомъ *не взирая на то, что существа населяющїя сїю вселенную достигаютъ ее или нѣтъ, она каждому изъ нихъ подаетъ помощь.*

мощь. Когда она каждому подаетъ помощь; то отъ чего же тщаніе человѣка познать ее весьма рѣдко награждено было довольнымъ успѣхомъ? Стало помощь сія остается безъ помощи! И какъ возможно остаться то, что довольно признать бытіе сей причины, дабы достигнуть познанія ея съ тѣмъ, что не только одного признанія сего довольно, но и самое тщаніе къ тому рѣдко награждаемо бываетъ? Видно что и его тщаніе не полнымъ успѣхомъ награждено; понеже онъ не можетъ себя предохранить отъ столь частыхъ противорѣчій, не смотря на то, что онъ удостоенъ быть любимцемъ ея.

Поелику дѣйствіе причины дѣйствительныя и разумныя есть всеобщее, то должно было человѣку и по чувствованію и по размышленію познать необходимость ея . . . . Когда бы дѣйствіе дѣйствительныя при-

гричины было дѣйствительно; тогда бы сомнительное предложеніе: *должно было*, не имѣло бы своего мѣста; но въ самомъ дѣлѣ то не отчѣнно было, чему, по мнѣнію, его быть надлежало бы: когда же оно не есть, а остается притомъ, чтобъ *должно было*, и сія мнимая причина дѣйствительная, не употребляетъ дѣйствія своего спасти человѣковъ отъ пагубныхъ заблужденій, и не печется о предъохраненіи отъ оныхъ, или о просвѣщеніи ихъ; а ожидаетъ, что бы люди сами нашли средство познать ее: то названіе страдательной, ей больше приличествуетъ, нежели дѣйствительной.

Когда человѣкъ уже признаетъ причину бывшую въ натурѣ, когда признаетъ такъ же, что она выше и мыслей его... Когда онъ заставляетъ признать, кромѣ Бога другую причину всемъ правящую; какое же сомнѣніе,

чтобъ

чтоЂ такая причина и не была выше мыслей человѣческихЂ! *Не могЂ отрицать, что находятся и законы, которыми она дѣйствуетЂ надЂ всѣмЂ покореннымЂ сей...* Признаніе его причины не есть познаніе законовЂ ея, которыми она дѣйствуетЂ. *И что ежели существа долженствующія всего ожидать отЂ нея, не исполнятЂ сихЂ законовЂ, не могутЂ надѣяться отЂ нея никакого просвѣщенія, жизни или подкрѣпленія.* Естьли существа сіи коснѣютЂ вЂ невѣденіи сихЂ законовЂ; то, кажется, причинѣ дѣйствительной пристойнѣе было бы дѣйствіемЂ своимЂ ихЂ вразумить, нежели лишить ихЂ *просвѣщенія, жизни и подкрѣпленія.*

Но естьли причина дѣйствующая не открываетЂ сихЂ законовЂ, по крайности онЂ самЂ кЂ познанію ихЂ преподаетЂ весьма вѣрныя средства, на примѣрЂ: *естьли* чело-

съ преступилъ законы ея въ разсужденіи временъ и въ разсужденіи производства земледѣлія; то земля давала ему плоды несовершенные и нездоровые... Надобно ли ему то сказать, что всѣмъ извѣстно, что не смотря на соблюденіе временъ и производство земледѣлія бываетъ часто, что земля даетъ плоды несовершенные, однако же не нездоровые; потому, что всѣ плоды, служащіе въ обыкновенную пищу людямъ, будучи по существу своему здоровы, не могутъ отъ несоблюденія времени и отъ неисправнаго земледѣлія столько переродиться, чтобъ быть нездоровыми. Естьли же когда въ нихъ такое свойство бываетъ; то оно случается не отъ перерожденія, но отъ поврежденія существа ихъ. Не безъ извѣстно такъ же и то, что при всемъ рачительнѣйшемъ земледѣліи и исправнѣйшемъ наблюденіи времени земля не только даетъ плоды не совершенные, но

и совсемъ оные отрицаетъ, что свидѣтельствуетъ прошедшій 17?? годъ, въ которомъ, хотя никакого упущенія не было изъ тѣхъ средствъ, коими, научаетъ насъ пророкъ, познавать законы причины дѣйствительныя; однако же хлѣбъ не родился и недостатокъ онаго былъ многимъ поселянамъ отягощителенъ.

Сіе самое, прибавляетъ онъ, *научило человѣка опытительнымъ образомъ, что сія тѣлесная натура управляется законами, и что законы сіи принадлежатъ существенно причинѣ дѣйствительной и разумной, коея необходимость чувствуютъ люди.* Люди чувствуютъ необходимость Творца Всевышняго, все создавшаго и всемъ правящаго; а не другаго какого мысленнаго Божества.

Подобнымъ образомъ размыш-

ляя потомъ и о своемъ существѣ мыслящемъ, почувствовалъ, что, поелику ничего не можетъ быть безъ причины первыя; то нужно стараться умилостивить ее себѣ; понялъ онъ, что понеже сія причина охраняетъ его и печется о его благосостоянiи... Новое противорѣчiе! Когда Богъ, или по изреченiю нашего проповѣдника, первая причина поставила другую причину управлять вселенною и человѣкомъ; слѣдственно она препоручила ей охраненiе и попеченiе о немъ; иное разсужденiе предполагало бы въ первой причинѣ непостоянство; ибо, когда она поручила управленiе тѣлесною натурою другой причинѣ; то уже она безъ легкомысленности и неосторожности не можетъ почитать ее къ сему за неспособную и сама предохранять и пещись о человѣкѣ. *То надлежитъ быть поставленнымъ отъ нея средствамъ къ сохраненiю его отъ зла;*

зла; что слѣдственно дѣянїя, служащїя съ пользу человѣку, должны угодны быть сей причинѣ... О наставленїи добродѣтели многїе писатели несравненно лучше его и достойнѣе сему божественному источнику изъяснялись; они не мысленными и не на химерахъ основанными, но спутниспельными доводами, взятыми изъ естества человѣческаго доказали, сколько нужна добродѣтель человѣку, какъ для принесенїя жертвы Всевышнему, такъ и для благосостоянїя его въ обществїи съ подобными себѣ. Но можетъ ли проповѣдывать о добродѣтели безъ сокрушенїя ея тотъ, который дерзнулъ произнесть хуленїе на сей священный лучь ниспосланный для утѣшенїя нещастному человѣчеству? Ибо онъ говоритъ на странице 225 и 226: *погрѣшаютъ нынѣшнїя ученїя, которыя приписуютъ всѣ законы человѣка къ нравственной наукѣ и всю свою религїю къ дѣянїямъ человѣколюбїя,*

или къ утѣшенію нещастныхъ въ существенномъ порядкѣ, сирѣчь, къ сей добродѣтели толь естественной и столь незнатной, на которой современники наши хотятъ соорудить системы свои, и которая, заключая человѣка въ кругъ дѣлъ, совсѣмъ страстелныхъ, сыщетъ тотмо покровомъ невѣжеству и теряетъ тогда всю свою цѣну въ глазахъ мудреца.

Кто бы подумалъ, чтобъ нашелся писатель, который опорочиваетъ добродѣтель, утѣшающую нещастныхъ и облегчающую бѣдствія ихъ, и который говоритъ, что та самая добродѣтель, которой существенныя свойства суть, наливать подкрѣпленіе на претерпѣвающихъ жестокость судьбы, крѣпитъ ихъ отлучающейся, *сыщетъ тотмо покровомъ невѣжества?* Такъ изъясняющійся о добродѣтели не подаетъ хорошаго мнѣ-

нія

ния о человѣколюбіи своемъ. Современники наши, которые Системы свои на добродѣтели сооружаютъ, больше полезны человѣчеству, нежели тотъ, который охуждаетъ ее, и желаетъ поставить на жертвенникъ полезной и почтеннѣйшей добродѣтели мечту, ничего не значущую, и химеры имѣющія дѣйствія не въ натурѣ, но въ воображеніи умствователя, заблуждшаго мыслями своими въ превыспречныхъ предѣлахъ. Хотя добродѣтель у сего жестокосердаго мудреца цѣну въ глазахъ и теряетъ; однако же отъ того не теряетъ она цѣны своей въ глазахъ людей, имѣющихъ сердце, могущее всю великость оной чувствовать. Потому никакъ не сожалѣтельно, что противодѣйствователь добродѣтели, мы просимъ у него прощенія, что мы заняли выраженіе началамъ его принадлежащее, и приложили къ нему самому; никакъ не сожалѣтельно, говоримъ мы, что противодѣйствователь добродѣтели нахо-

дитъ ея въ глазахъ своихъ цѣну потерявшею; ибо, кто такъ о ней разсуждаетъ, тотъ не можетъ быть послѣдователемъ законовъ ея.

Онъ утверждаетъ, *что причина разумная и дѣйствительная отлична отъ причины первой; она есть первый дѣйствователь ея; не дастъ она обманъ существомъ тѣлеснымъ; но ослѣпляетъ ихъ; не дастъ она человѣку способностей разумныхъ и чувственныхъ; но правитъ и просвѣщаетъ ихъ...* Сказало, она довершаетъ творенїе первой причины, которая не могла ни разумныхъ способностей просвѣтить, ни чувственными править. *Однимъ словомъ: ей какъ первой и превышшей всѣхъ причинъ временныхъ, поручено предводительство надъ ними, и никоторая изъ сихъ причинъ не можетъ пробыть безъ ея помощи и не ло..орятся ей.* Ни одинъ человѣкъ,

вѣкъ, имѣющій достодолжное почтеніе ко Всевышнему Создателю міровъ, такого противнаго совершенству его мнѣнія имѣть не будетъ. Какимъ отступленіемъ отъ разсудка, всегрѣшть мысль юродственную, что онъ самъ или не могъ, или нехотѣлъ управлять своимъ твореніемъ? Преторученіе предводительства происходитъ, или отъ недостатка силъ въ одной особѣ къ правленію самою собою множествомъ областей, или отъ честолюбивыхъ учрежденій, дабы нижнія раздѣленія одной власти, воздавали ей почтеніе и означали величество ея: но мыслить, что Божество безсильно и честолюбиво, есть мнѣніе безобразное, которое могло только гриличествовать въ древности ученію лживаго многобожія. И что такое, ни которая причина *не можетъ не покорятися ей?* Всѣ причины второрыя долженствуютъ покорятися первой причинѣ, а не иной какой, то есть, Богу всеприсносущному и

всемъ управляющему.

Не подаетъ она ему идеи о существѣ первомъ, коего она есть первая причина дѣйствующая; но покажетъ свойства сего перваго существа, являя оныя чрезъ произведенія чувствительныя; ниже подастъ ему идею о служеніи сему первому существу, но просвѣтитъ понятія его объ ономъ; и представляя ему чувствительнымъ образомъ способности сего перваго существа дастъ ему разномѣрно почувствовать и полныя средства воздавать ему честь. Сіе разсужденіе изъявляетъ нелѣпованіе разума мечтательнаго проповѣдника: не подаетъ идеи о первомъ существѣ ни о свойствахъ его, и потомъ представитъ способнѣе его! Какое разногласное противорѣчіе! Какъ можно не подать о какой либо вещи идеи, и представить чувствительнымъ образомъ способно-

бности ея? Когда нѣтъ идеи о вещи, тогда не можно представить ни свойства, ни способности той вещи. Не показать свойства, но представить чувствительнымъ образомъ способности, есть предложеніе въ одно время утверждающее и отвергающее: ибо когда не можно показать свойства, тогда не можно показать и способностей. И на что посягаетъ для доказательства причину, которая не доказуетъ? Если бы сіе доказательство входило въ планъ творенія Всевышняго; но бы онъ не опредѣлилъ причину для доказанія, не годящую свѣта; но далъ бы тѣмъ существамъ, коимъ ему угодно было, міру потребную доказанія. Вся Логика мнимаго Аристотеля дѣйствующей причины, требующей въ недѣйствіи равной силы сему разсужденію и весь его заключеніи оной соотвѣтствуютъ.

Онъ говоритъ, *что ему ничто*

что не препятствуетъ увѣрить с братіи его, не только о необходимости бытія сей причины; но еще и въ томъ, *что съ ихъ власти состоитъ, увѣриться о ней самимъ чрезъ себя, и тогда не останется у нихъ ни малѣйшаго сомнѣнія.* Не есть ни въ чьей власти увѣриться о томъ, что никому неизвѣстно, и о чемъ мрачныя метафизическія разсужденія его, не только не представляютъ удовлетворительнаго доказательства, но и не можно изъ оныхъ себѣ никакого понятія составить. И что всего невразумительнѣе, что сія причина никогда не выпускаетъ изъ вида человѣка и надзираетъ за нимъ; однако сіе надзираніе не избавляетъ его отъ заблужденій и не подаетъ ему познанія о дѣйствіи сей причины, дѣйствительной надъ нимъ ничего не дѣйствующей.

Проповѣдникъ оной столь коротко познакомился съ безтѣлесными

существами, что онъ знаетъ, которыя изъ нихъ мыслятъ, и которыя не мыслятъ. Потомъ прибавляетъ, что онъ не нарушитъ скромности, если скажетъ, что сіи безтѣлесныя существа *различаетъ число*, то есть число, таинство въ себѣ заключающее. Мы уже видѣли, что когда онъ въ покровъ свой столь исправно углубится, что уже не знаетъ, куда направить по мечтательнымъ предѣламъ странствіе свое; тогда онъ прибѣгаетъ къ скромности своей, которую онъ, кромѣ сихъ случаевъ, почитаетъ за излишнюю.

Хотя уже сказалъ я, говоритъ онъ, *что человѣкъ, не отъ подобнаго себѣ долженъ ожидать доводовъ и свидѣтельствъ вѣрныхъ о сихъ истинахъ....* то есть, отъ причины поручицы Божіей, которая, кромѣ его, еще никому никакихъ доводовъ не дѣлала; однакожъ онъ не смотря на то, что

заставляетъ отъ нее требовать оныя, самъ употребилъ нѣсколько страницъ на сіи доводы, которые ни къ чему не доводятъ; и для того признательно и говоритъ: *по малой мѣрѣ можетъ онъ получить отъ него начертаніе ихъ*, (истинъ) *которыя я и нолберъ ему предложить*. Когда предлагается начертаніе истинъ, тогда сіи истины должны быть внятны, ясны и ощутительны; ибо когда онѣ сихъ свойствъ не имѣютъ, а доводы темны и непонятительны, то тщетно есть предлагать мнимыя истинны, не могущія быть признаны таковыми; когда же онѣ извѣстны, то въ доводахъ и вѣрныхъ свидѣтельствахъ никакой нужды нѣтъ; потому и начертаніе, которое отъ него предлагать, будетъ вѣрнымъ слѣдованіемъ химеръ, родившихся въ его, и тщеславія, показать сіе пороковъ тѣй причины, которая [illegible]

ственныя.

Однако я не скрою отъ него, какое себѣ насиліе дѣлаю предпринимая сіе... Ежели предлагаемое ученіе полезно; то для пропосвѣдыванія онаго дѣлать себѣ насиліе предосудительно, и не есть знакъ человѣколюбивой добродѣтели: ежели же оно невразумительно, непонятно, мечтательно, являетъ гордость и самолюбіе учителя; то не можно сказать, что тутъ есть насиліе: ибо насиліе противно желанію; а человѣкъ, который старается внушить, что онъ не только о дѣйствіи и существѣ тѣлесной натуры въ самой точности имѣетъ познаніе, но и безтѣлесныя существа ему совершенно извѣстны, не дѣлаетъ себѣ насилія, но удовлетворяетъ своему честолюбивому желанію, оказать себя больше всѣхъ премудрымъ. *Не могу взглянуть на науку безъ стыда видя все, что человѣкъ утратилъ...* Не на

науку

науку надлежитъ ему взирать со стыдомъ, но на мечтанія, предлагаемыя имъ! *И я желалъ бы, чтобъ никто не узналъ отъ меня того, что я знаю...* Тщетное самохвальство! и гордое его желаніе больше чаянія его совершилось. Взявши сію небольшую предосторожность для соблюденія скромности своей, онъ сказываетъ, что будетъ изъясняться Символами. *Ибо не нахожу въ себѣ ничего достойнаго; для сей то причины не могу изъяснить сихъ вещей иначе, какъ Символами.* Когда въ немъ столько нашлось достойнаго, что бы получить откровеніе отъ причины дѣйствующей и разумной; то для того, чтобъ говорить понятно и вразумительно, кажется, въ немъ достоинства надлежало бы находиться достаточно. Однако мнимая его униженность, противодѣйствующая прежнему его желанію, чтобъ никто отъ него не узналъ того, что онъ знаетъ, не попре-

не препятствовала ему написать пустословную книгу, дабы увѣрить, что всѣ люди въ заблужденіи, и кромѣ его никто ничего не знаетъ; а что бы и отъ него никто ничего не узналъ, онъ символами своими такъ изъясняется.

Религія человѣка, въ первобытномъ его состояніи, подчинена была наружному богослуженію, какъ и нынѣ, хотя образъ онаго былъ особливый. Главный законъ сего человѣка былъ обращать непрестанно взоръ свой отъ востока до запада, и отъ сѣвера до полудня, то есть, опредѣлять широты и долготы во всѣхъ частяхъ вселенныя.

Мы оставимъ его дѣлать измѣреніе бредней своихъ; но только для любопытства читателей представимъ описаніе символической его книги.

Первый листъ прилагалъ, о повсеместенномъ началѣ, или о центрѣ, изъ котораго непрестанно истекаютъ всѣ центры.

Вторый, о случайной причинѣ вселенныя; о двойственномъ законѣ тѣлесномъ, который поддерживаетъ ее; о двойственномъ законѣ разумномъ, дѣйствующемъ во времени; о двойственномъ естествѣ человѣка, и вообще о всемъ, что составлено и создано изъ двухъ дѣйствій.

Третій, объ основаніи тѣлъ; о всѣхъ содѣйствіяхъ и произведеніяхъ всѣхъ родовъ. Здѣсь находится число невещественныхъ существъ, которыя не мыслятъ.

Четвертый, о всемъ дѣйствующемъ; о началѣ всѣхъ языковъ какъ временныхъ, такъ и тѣхъ, которые внѣ времени; о религіи

религіи и богослуженіи человѣка. Здѣсь находится число существъ невещественныхъ, которыя мыслятъ.

Пятый, о идолопоклонствѣ и гніеніи.

Шестый, о законахъ созданія мїра временнаго, и о естественномъ раздѣленіи круга полулоперешникомъ, или радїусомъ.

Сельмый, о причинѣ вѣтровъ, прилива и отлива моря; о лѣстницѣ географической человѣка; о истинной его наукѣ и источникѣ произведеній его разумныхъ, или чувственныхъ.

Осьмый, о числѣ временномъ того, который есть единственное подкрѣпленіе, единственная сила и единственная надежда человѣка, то есть, объ ономъ

существѣ истинномъ и физическомъ, которое имѣетъ два имени и четыре числа; поелику оно есть дѣйствительное вещно и разумное, и поелику дѣйствіе его простирается на четыре мѣра. Въ семъ же листѣ о правосудіи и о всѣхъ властяхъ законодательныхъ, гдѣ такъ же содержатся и права Государей, и власть Полководцевъ и Судей.

Девятый, о зачатіи человѣка тѣлеснаго во чревѣ жены, и о раздѣленіи треугольника всеобщаго и частнаго.

Десятый наконецъ былъ путь и дополненіе къ десяти предъидущимъ. Сей безъ сомнѣнія былъ существеннѣйшій, безъ котораго всѣ прочіе были бы невѣломы; ибо когда разположить всѣ десять въ кругѣ по числительному ихъ порядку, то увидишь, что сей больше всѣхъ

всѣхъ имѣетъ смѣжности съ первымъ, отъ котораго все истекаетъ; и ежели желаетъ кто судить о важности его, то надобно знать, что чрезъ него Создатель вещей есть непобѣдимъ; понеже онъ есть ограда, защищающая его со всѣхъ сторонъ, которую никакое существо пройти не можетъ.

Нельзя сомнѣваться, чтобъ онъ свое знаніе не изъ сей мнимой книги почерпнулъ. Онъ увѣряетъ, что люди не могутъ *ни какой науки постигнуть, ниже исполнить своихъ должностей, не прибѣгнувъ къ сему источнику.* И такъ, по его мнѣнію, во всѣхъ чинахъ, учрежденныхъ въ обществахъ, никто не исполняетъ своей должности; ни духовенство, отправляющее при олтарѣ служеніе Божіе и пекущееся о душевномъ спасеніи народовъ; ни Министры, трудящіеся съ успѣхомъ въ дѣлахъ Государственныхъ; ни

Полководцы и Воины, жертвующіе жизнію своею отечеству; ни прочіе классы безпрестанную и полезную дѣятельность имѣющіе не исполняютъ должностей своихъ. Таковое безразсудное нареканіе на всѣхъ членовъ общества, не можетъ ни отъ кого другаго произнесено быть, какъ только отъ нашего скромнаго проповѣдника. *Не можетъ человѣкъ ни на единую ляжь приближиться къ сему источнику безъ причины дѣйствующей и разумной....* Чрезъ сіе онъ хочетъ сказать, что она по преимущественной предъ другими къ нему склонности своей, къ оному его сопровождала.

Кому не извѣстны, говоритъ онъ, *такъ же худые успѣхи тѣхъ, которые полагаютъ четыре стихіи за основаніе вещества, не смѣютъ отнять мысли у скотовъ, стараются сыскать сходство между счислені-*

леніемъ солнечнымъ и счисленіемъ лунным; которые ищутъ на земл долготы и квадратуры круга.... Кому не извстны не худые, но хорошіе успхи въ Физик, въ Химіи, и вообще въ познаніи всей тлесной натуры? Различные инструменты способствовали къ важнйшимъ и полезнйшимъ открытіямъ въ испытаніяхъ и примчаніяхъ естественныхъ; а наипаче знанія Астрономическія вознесены до такого степени совершенства, до какого уму человческому только достигнуть возможно. Теорія солнца и мсяца въ послдней исправности извстна. Видно, что нашъ Метафизикъ Астрономію училъ въ книг его, составленной имъ изъ десяти листовъ; а не въ писаніяхъ славныхъ и лучшихъ Астрономовъ, и не въ обсерваторіяхъ.

Не смютъ отнять мысли у скотовъ... Не недостаткомъ смлости запрещаетъ отнять у скотовъ

мысли, но благоразумїе и испытанїе, вѣрнѣйшїй наставникъ въ естественныхъ примѣчанїяхъ. На примѣръ: ежели бы собака или лошадь не имѣли мыслей и памяти, ибо память безъ мысли быть не можетъ; то бы онѣ никогда повелѣваемаго имъ отъ человѣка исполнять не могли; но имѣя память и мысли онѣ не только думаютъ, но еще и нѣкоторое разсужденїе дѣлаютъ, на примѣръ: когда повелѣвается лошади или собакѣ, что либо исполнить, тогда память имъ представляетъ о повелѣваемомъ мысль, претерпѣнїе болѣзненнаго чувствованїя за неисполнаніе, и избавленїе отъ онаго за исполненїе, потому онѣ и дѣлаютъ такое разсужденїе: когда повелѣваемое было мною не исполняемо, тогда я ощущала чувствїе, боль мнѣ причиняющее; но когда же исполняла, то отъ онаго была свободна; слѣдственно, дабы избавиться болѣзненнаго чувства, мнѣ надлежитъ

жить повиноваться и исполнять повелѣваемое.

Во всякомъ ученїи не смѣлость потребна, но терпѣнїе, прилѣжанїе и испытанїе. Естьли бы всѣ ученые имѣли смѣлость, или лучше сказать, наглость нашего проповѣдника; то бы конечно надлежало, вмѣсто испытательныхъ доказательствъ, утверждать ученїе свое на основанїяхъ мысленныхъ, невещественныхъ, или мечтахъ, чтобъ обратило науки паки въ ничтожество, и ученой свѣтъ погрузилобъ въ невѣжество, изъ коего великой ученности трудолюбивые мужи извлекли оной; и проницанїемъ творческаго разума пріобрѣли безсмертїе именамъ своимъ.

Которые ищутъ на земли долготы... Гдѣ же онъ прикажетъ искать ее? Не тамъ ли, гдѣ человѣкъ обращалъ взоръ свой отъ востока до запада и опредѣ-

лялъ долготы для общаго порядка? Не понятно, какою странностію такія вздорныя бредни нашли нѣкоторыхъ съ довольнымъ терпѣніемъ прочесть оныя! Что же принадлежитъ до полезнаго исканія, не земной долготы, которой бытіе безъ исканія всѣмъ извѣстно, но средства познавать градусъ оной въ разныхъ разстояніяхъ на поверхности земли, покрытой водою; то стараніе объ ономъ похвально и обрѣтеніе средства сего не выходитъ изъ физической возможности. Когда на сухомъ пути долгота столько же извѣстна, сколько и ширина, чему свидѣтельствуютъ географическіе городовъ таблицы, то кажется, съ благоразуміемъ согласно не можно сказать, что нѣтъ на землѣ долготы; ибо кто не знаетъ, что широта безъ долготы не существуетъ!

Наконецъ мы достигли до надмѣнныхъ предложеній нашего пророка, коими онъ безпредѣльное, но,

ска-

скажемъ лучше, безумное свое чесполюбіе обнаружилъ; ибо онъ говоритъ, что *народамъ надлежало бы возводить взоры свои къ первому тѣмо существу, къ причинѣ дѣйствующей разумной, и къ тѣмъ, которые трудами своими и своими качествами снискали право представлять на землѣ лице ея.* То есть, и къ нему; понеже онъ всячески старается увѣрить о тѣсномъ своемъ сообщеніи съ сею причиною, поручицею Божіею, и которая сопровождала его къ источнику книги десятилистовой, дабы онъ качествами своими представлялъ на землѣ лице ея. Послѣ такого невѣроятнаго дерзновенія, помѣстить себя въ третьихъ для привлеканія взоровъ, которые къ нему народы возводить долженствуютъ, надобно необходимо подозрѣвать, что мнимой проповѣдникъ, предстающій лице мнимой причины, поставницы для правленія натуры, не ушедшій ли

изъ

изъ дома безумныхъ? Примѣры таковыхъ заблужденій разсудка, поврежденнаго мыслями, безпрестанно къ мечтаніямъ устремляющимися, не рѣдко случаются, хотя впрочемъ всѣ разсужденія, не относящіяся къ предмету, столь жалостную въ умѣ разстройку причиняющему, и не означаютъ безумія. Нѣкогда былъ въ Аѳинахъ сумасшедшій, который думалъ, что всѣ корабли, входящіе въ гавань Пирею, принадлежали ему, и занимался исчисленіемъ мнимаго своего богатства, изъ котораго онъ ни на рубль цѣною пользоваться не могъ; и исправнѣйшимъ образомъ выкладывалъ, сколько каждый корабль содержалъ въ себѣ груза, на какую цѣну, и во сколько дней приходилъ изъ Смирны въ Пирею.

Одному изъ насъ, трудящихся въ семъ изслѣдованіи, случилось въ Петербургѣ, въ 1783 году, видать нѣсколько разъ одного Италіянца, ходож-

художника живописи, посаженнаго въ домъ безумныхъ, который мнилъ, что онъ родной братъ святаго Апостола Петра, и что онъ имѣетъ у себя ввѣренной ему отъ него ключь, отверзающій врата Райскія; впрочемъ во всемъ не касающемся до предмѣта, разумъ его уязвляющаго, онъ разсоваривалъ и разсуждалъ не безумно. Потомъ чрезъ два года нечаяннымъ случаемъ нашъ сотоварищъ повстрѣчался съ нимъ въ Москвѣ въ одной французской лавкѣ; хотя Италіянецъ, его тотъ часъ и не узналъ, но по вопросамъ его не сомнѣвался, чтобъ онъ не видалъ его въ разстроенномъ состояніи разума, признался ему, что строгая діэта излѣчила его воображеніе, и онъ не мнитъ больше быть братомъ Апостола Петра и хранителемъ Райскаго ключа. Почему не безъ основанія заключить можно, что и проповѣднику дѣйствующей причины, представляющему лице ея, и требующе-

бующему отъ народовъ возвожденія на себя взоровъ ихъ, такая же лѣта для излѣченія безпредѣльнаго тщеславія, неумѣреннаго самолюбія и надмѣнной гордости была бы полезна.

Присовокулимъ страшныя злоупотребленія познаній, говоритъ онъ, *заключающихся въ четвертомъ листѣ книги, коея блюстителями родимся; присовокулимъ произшедшій отъ того безпорядокъ къ тому, что мы замѣтили о невѣжествѣ, страхѣ и немощи людей и отложимъ символы: то и будемъ имѣть изъясненіе и происхожденіе сего множества религій и богослуженій, употребляемыхъ между народами.*

Сей же четвертой листъ книги, котораго не мы всѣ, но онъ одинъ блюстителемъ родился, содержитъ въ себѣ, такъ какъ мы видѣли,

о всемъ дѣйствующемъ; о началахъ всѣхъ языковъ какъ временныхъ, такъ и тѣхъ, которые внѣ времени; о религіи и богослуженіи человѣка; о числѣ существъ невещественныхъ, которыя мыслятъ. И такъ естьли мы по приказанію его отложимъ символы, то и будемъ имѣть изъясненіе о происхожденіи множества религій и богослуженій, употребляемыхъ между народами. Но кто не видитъ, что съ отложеніемъ или съ приложеніемъ сихъ премудрыхъ символовъ, сіе изъясненіе ничего не изъясняетъ? Таковыя вздорныя изъясненія, кажется, не должны ни малѣйшаго сомнѣнія сплавить, что и всѣ мнимыя его таинственныя истинны не могутъ инымъ образомъ быть изъяснены, какъ сіе происхожденіе о множествѣ религій и богослуженій.

Разсужденія его въ Политикѣ, не меньше являютъ особливости

и таковыхъ же странныхъ началъ, на каковыхъ онъ сооружилъ метафизическое свое ученіе о естественныхъ познаніяхъ; ибо онъ увѣряетъ, что не могло никакъ быть, что бы насильство и хитрость руководствовали къ учрежденію первоначальной власти, или всеобщее согласіе служило бы къ составленію политическихъ тѣлъ. Насильство потому, что прежде онаго предполагаются пастухи и земледѣлїе; а общаго согласія всѣхъ, отдать власть въ руки единаго, или нѣсколькихъ людей, не бывало и быть никогда не можетъ, для того, что *требуется соглашеніе безчисленныхъ мнѣній, которое еще никогда между людьми не встрѣчалось.*

Онъ представляетъ себѣ первоначальныя общества столько же многочисленными и обширными, какъ и нынѣшнія; но люди пигмеями, какъ всѣмъ извѣстно, кромѣ нашего про-

повѣдника, безъ законовъ никогда существовать не могли; и потому несоримо, что первоначальныя общества ничто иное были, какъ разныя семейства, и старшіе изъ нихъ давали имъ законы. Сіи законы имѣли свою важность, потому что всякое семейство размножаясь, составляло такъ какъ бы народъ особливой; когда же оныя становились многочисленнѣе и занимали больше пространства, тогда первые законы были недостаточны, и надобно было употребить власть сильнѣйшую, нежели отцовскую и родственную. И для того, по мѣрѣ размноженія семействъ и соединенія ихъ въ общежитіе, надлежало вручить власть поставленному правленію, состоящему въ одной или нѣсколькихъ особахъ; а отъ сего и сотворились Государства и общества, повинующіяся поставленнымъ въ оныхъ законамъ. Почему легко было возможно, что въ начальныхъ обществахъ нашлись люди, кото-

рые по обстоятельствамъ и по свойственному своему сложенію, или изъ видовъ полезныхъ рождающемуся обществу, или для собственныхъ выгодъ покорили оныя подъ свое начальство. Сладственно тельзя стряпать, чтобъ хитрость, превосходство, а потому и насильство не руководствовали въ первыхъ обществахъ къ притяженію въ одне руки начальственной власти.

Отъ того, что не возможно во многочисленномъ собраніи быть всѣмъ согласнымъ во мнѣніяхъ, съ приступаетъ къ главнѣйшему предмету ученія своего, о комъ заблуждшее его честолюбіе принуждаетъ его говорить, уже не символами и не загадками; ибо онъ безъ покрова вопрошаетъ: *имѣетъ ли человѣкъ право вступить въ какое обязательство, то есть, чтобъ обязаться повиновеніемъ правительству, и согласно ли съ разсудкомъ полагаться на тѣ обяза-*

обязательства, которыя онъ самъ составилъ? Но согласно ли съ разсудкомъ дѣлать такой вопросъ? Кто жъ будетъ за него дѣлать обязательства, и на чьи же обязательства ему должно полагаться, если не на свои? Онъ хочетъ вразумить, что когда человѣкъ не имѣетъ права вступать въ обязательства; то не имѣетъ и долга хранить оныя. Такое противуположное общественному устройству разсужденіе, противно вѣчнымъ установленіемъ человѣческимъ и праву естественному, которое научаетъ обязательства свои хранить свято и ненарушимо.

Что такое право, прибавляетъ онъ, *никогда не могло быть ему дано, и что сіе его дѣяніе было бы ничтожно и излишно. Вопервыхъ приломнимъ о той указательницѣ пути неизмѣняемой, которую мы признали предводителемъ*

его, не улустимъ никогда изъ памяти нашей, что всѣ шаги его, которые безъ ея руководства онъ дѣлаетъ, бываютъ сомнительны; понеже безъ нее, человѣкъ не имѣетъ свѣта, и она по самой сущности своей поставлена руководствовать ему и начальствовать при всѣхъ его дѣйствіяхъ. По сему развращенному ученію, всякой, не пожелающій исполнять предписываемаго ему законами гражданскими, можетъ извинится, что *безъ причины указательницы неизмѣняемой ему луги*, всѣ дѣянія его ничтожны и сомнительны; и всякой можетъ нарушить священнѣйшія обязательства подъ предлогомъ тѣмъ, что онъ не имѣетъ права вступать въ обязательства безъ причины, поставленной начальствовать при всѣхъ его дѣйствіяхъ, и что она въ учиненномъ имъ обязательствѣ ему не руководствовала;

а потому онъ не имѣетъ долга хранить оныя.

И такъ ежели бы человѣкъ безъ соизволенія сей причины, вящей надъ нимъ вступилъ въ важное обязательство, каково есть подчиненіе себя другому человѣку: то онъ долженъ въ сомнѣніи находиться, сообразенъ ли поступокъ его собственному его закону, и слѣдственно служитъ ли къ его благополучію; и сего бы довольно было удержать его, ежели бы, хотя мало, внушилъ онъ гласъ благоразумія. Сіе разсужденіе еще болѣе рѣшительно, что человѣкъ не имѣетъ права подчинять себя другому человѣку, и что естьли бы онъ, *хотя мало, внушилъ гласъ благоразумія*; то бы ему не надлежало повиноваться другимъ законамъ, но токмо собственному своему. Такое предученіе не опроверженія, но должнаго

возмездія учителю за онос требуетъ.

Потомъ размыслисъ прилѣжнѣе, о своемъ поступкѣ, не признался ли бы, что не только онъ долженствуетъ быть осмонутъ, но еще и всѣ гласные уставы правосудія прямо нарушаетъ, уставляя другимъ человѣкомъ тѣ права, которыми законно не можетъ разполагать, и о которыхъ знаетъ, что онѣ существенно содержатся въ рукѣ, долженствующей все за него дѣлать.

Естьли бы къ несчастію рода человѣческаго нашлось большее число людей, которые вѣрили бы вымышленной, проповѣдникомъ желающимъ привлекать взоры народовъ на себя, причинѣ долженствующей все дѣлать за людей, но ничего не дѣлающей; то порядокъ общественной превратился бы въ пагубной безпо-

безпорядокъ, безначаліе вступило бы мѣсто должнаго начальной власти повиновенія, и главные уставы гражданскаго правосудія были бы совсемъ уничтожены; потому что никто не захотѣлъ бы уступить другимъ *человѣкамъ тѣ права, которыми законно разполагать не можетъ.* А таковое неустройство ожидать, что бы недѣйствующая причина дѣйствовала, причинило бы совершенное разрушеніе каждаго общества, благоденствующаго подъ благими законами человѣколюбивыхъ и премудрыхъ своихъ законодателей.

Однако для исправленія столь вреднаго порядку общественному ученія, онъ прибавляетъ, что онъ *за честь себѣ поставляетъ съ Политиками полагать предъ цѣлымъ свѣтомъ превосходную силу въ Государяхъ, которая естественно вселяетъ почтеніе и повиновеніе.*

Прилично ли поставлять за честь себѣ и исповѣдывать превосходную силу Государей тому, который вопрошаетъ, имѣетъ ли человѣкъ право подчинять себя верховной власти, и который утверждаетъ, что таковое право никогда не могло быть ему дано, и что сіе его дѣяніе ничтожно; тому, который говоритъ, что человѣкъ, уступая другимъ человѣкамъ надъ собою права, не только подвергается быть обманутъ, но еще главные уставы правосудія прямо нарушаетъ; тому, который исповѣдаетъ, что сіе обязательство есть несходственно и безразсудно; тому, который говоритъ, что человѣку, имѣющему благоразуміе, не надлежитъ повиноватьея другимъ законамъ, но токмо своему, и наконецъ тому, который утверждаетъ, такъ какъ мы тотчасъ увидимъ ниже, что человѣкъ предохранившій способности свои отъ затмѣнія, становится владыкою

надъ

надъ другими? Слѣдственно предохранившіе себя въ обществѣ отъ затемнѣнія, и потому учинившіеся сами владыками, уже не должны будутъ оказывать повиновеніе Государямъ; а напротивъ того должны почитать себя законными повелителями надъ всѣми, не имѣющими тѣхъ же преимуществъ. Таковымъ притворнымъ извиненіемъ онъ самъ себѣ упрекаетъ въ развратномъ ученіи своемъ; и что бы возмогъ такой слабой Антидотъ противу яду, истекающаго изъ онаго; естьли бы по щастію сей ядъ не былъ обезсиленъ нелѣпыми предложеніями, невразумительными разсужденіями, и больше смѣха, нежели вѣроятія достойными доказательствами объ откровеніи ему дѣйствующей причины, о снабденіи его своею благодатію и о избраніи его въ проповѣдники свои!

Онъ увѣряетъ, что временное

владычество человѣка надъ подобными себѣ долженствуетъ быть вручено тому, который больше предохранилъ себя *отъ камней преткновенія, и который меньше удалится отъ первобытнаго своего состоянія... Когда же прочіе люди, не употребили тѣхъ же стараній, и не имѣютъ ни тѣхъ же успѣховъ, ни тѣхъ же даровъ; то явствуетъ, что тотъ, который имѣетъ предъ ними всѣ сіи преимущества, долженъ быть выше ихъ и управлять ими.*

Здѣсь паки представляется предмѣтъ любочестія, заставляющій его почти во всемъ своемъ сочиненіи удаляться отъ здраваго разсудка; ибо когда онъ всѣ изъясняемыя преимущества хочетъ оказать въ своей особѣ соединенными; слѣдственно онъ и назначаетъ самаго себя быть тѣмъ, который

дол-

долженъ быть выше всѣхъ и управлять ими. Слѣдующее его разсужденіе еще яснѣе изобличитъ безумное его желаніе первѣнствовать надъ всѣми человѣками.

Будетъ онъ выше, ихъ которыхъ по самому дѣлу; понеже разнствуетъ отъ нихъ существенно по способностямъ и по дѣйствію, коихъ сила будетъ ограничена; сверхъ того выше ихъ должен онъ быть по необходимости; понеже они, упражняясь меньше его и не получа ихъ же знанія, конечно будутъ имѣть съ нимъ нужду, потому что собственныя ихъ способности недостаточны и затемнѣны.

Ежели сіе затемнѣніе въ человѣкѣ дойдетъ до развратности; то тотъ, кто предохранилъ себя отъ того и отъ другаго, становится его владыкою

кою, не только по самому дѣлу и необходимости, но и по долгу..... Онъ долженъ употреблять надъ нимъ всѣ права рабства и подданничества, права, столь же праведныя и существенныя въ семъ случаѣ, сколько непонятныя и ничтожныя со всякомъ иномъ обстоятельствѣ, то есть, въ нынѣшнихъ законоположеніяхъ. И такой осуждатель, стремящійся дерзновенно ниспровергнуть общественный союзъ и представлять священнѣйшія обязательства ничтожными, и тотъ, который столь явственнымъ образомъ приписываетъ себѣ власть, употреблять право рабства и подданничества надъ другими, осмѣливается говорить, что онъ за честь себѣ поставляетъ исповѣдывать превосходную силу Государей, которая естественно вселяетъ почтеніе и повиновеніе! Но превосходная сила Государей, будучи всѣмъ извѣстна, не требуетъ никакого исповѣдыванія,

нїя, а наипаче такого, кое присвоиваетъ сїю силу всякому, могущему трудами своими предохранить себя отъ затемнѣнїя, и который менѣе удалится отъ первобытнаго своего состоянїя.

И такъ сїе есть, истинное происхождеїе временнаго владычества надъ подобными ему, равно какъ узы его тѣлесной природы были началомъ перваго сообщества.

Не можно назвать истиннымъ происхожденїемъ то, что въ одномъ воображенїи мечтающаго существуетъ. Рождающїй не естественнымъ образомъ толь юродственныя мысли могъ бы сказать по развратности мнѣнїя своего, что сїе происхожденїе временнаго владычества человѣка долженствуетъ быть, а не есть. Ибо мы видимъ, что владычество Государей, не отъ того происходитъ, что они предохрани-

ли

ли себя отъ камней претыканія и меньше удалились отъ первобытнаго состоянія человѣка; но отъ правъ имъ принадлежащихъ по наслѣдству, по завоеванію, или по избранію народному; и потому чего нѣтъ, или не существуетъ, нельзя сказать, что оно есть.

*Понеже сей*тъ, продолжаетъ онъ, *освѣщавшій человѣка въ первобытномъ его состояніи, былъ неизчерпаемымъ источникомъ способностей и качествъ; то чѣмъ ближе человѣкъ можетъ къ оному свету приближиться, тѣмъ болѣе долженъ онъ распространять свое владычество надъ человѣками, удаляющимися отъ онаго, и тѣмъ болѣе долженъ онъ знать, чѣмъ можетъ удержать между ими порядокъ, и на чемъ основать твердость Государства.*

Не явственно ли онъ означаетъ намѣ-

намѣренїе, распространить владычество свое надъ тѣми, которые пріимутъ столь гордое и ложное ученїе его; и не ощутительно ли, что онъ старается таковымъ внушенїемъ о просвѣщенїи и качествахъ своихъ увѣрить, что онъ самъ есть тотъ, который знаетъ, *чѣмъ содержать между людьми порядокъ, и на чемъ основать твердость Государства?* Однако не смотря на его способности, содержать порядокъ и утверждать Государства, всѣ Государства отъ сей заботы его охотно увольняютъ; и не будутъ его просить, что бы онъ учредилъ въ нихъ порядокъ и основалъ твердость ихъ. Не меньше такъ же выше изъясненными его разсужденїями открылось, что цѣль нелѣпаго и невразумительнаго его сочиненїя клонится къ тому, чтобъ учиниться главою химерической секты и надъ тѣми, которые ему повѣряпъ, что онъ меньше всѣхъ удалился отъ первобытнаго состоянїя

чело-

человѣка, пріобрѣсть владычество и право рабства: но по щастію число тѣхъ, надъ коими онъ могъ пріобрѣсть сіе право, столь мало, что владычество его столько же будетъ ничтожно, сколько предпріятіе его къ тому химерическо, и сколько все таинственное его ученіе мечтательно.

Онъ почувствовавъ, что съ лишкомъ откровенно о любоначаліи своемъ извѣщаетъ, приписываетъ всѣ сказанныя имъ преимущества, достигнувшихъ знакомства съ причиною дѣйствующею и разумною, Царямъ, и прибѣгаетъ къ обыкновенному своему покрову, подъ которымъ онъ такъ часто любитъ скрываться и говоритъ: *не скрою я однако, что, представляя въ семъ сиѣ Царей и вообще всѣхъ начальниковъ сообществъ, въ какомъ я ихъ изобразилъ, полагаюся любовь ко множеству возраженій...* Изъ которыхъ на сіе:

сїе: можно ли найти примѣры оныхъ, то есть, Царей достигнувшихъ первобытнаго свѣта? Онъ такъ отвѣтствуетъ и проситъ *подобныхъ себѣ быть увѣренными, что истинные Государи не суть существа воображательныя, что были они во всѣхъ еременахъ, есть и нынѣ, и всегда будутъ*..... То есть, тѣ Государи, которые приближась къ первобытному состоянїю человѣка, имѣютъ сообщенїе съ причиною дѣйствующею и разумною; но когда и въ которыхъ странахъ они находились или находятся, онъ оставляетъ сїе подъ своимъ покровомъ. *Понеже*, прибавляетъ онъ, *сїе входитъ во всеобщїй порядокъ, и понеже наконецъ сїе принадлежитъ къ великому дѣлу, которое есть нѣчто другое, нежели философической камень.* Безъ сомнѣнїя нѣчто другое; потому что камень философическїй есть сбольщенїе разсудка, не выходящее изъ

круга вещей естественныхъ; *а его великое дѣло* простирается по мысленнымъ безконечнымъ предѣламъ; потому и долженствуетъ имѣть преимущество надъ всѣми бреднями, которыя когда нибудь входили въ умъ Астрологовъ и Алхимиковъ.

Другое возраженіе, которое онъ предвидѣлъ, и которое каждому благоразумному читателю не можетъ не вспрѣтиться, состоитъ въ томъ, что когда всякой человѣкъ, по ученію его, достигнулъ бы до потерянаго свѣта, *кто-жъ будутъ тогда Начальниками? Не всѣ ли люди тогда равны будутъ, и не всѣ ли они будутъ Царями?* Онъ отвѣтствуетъ на сіе, что разность въ разумныхъ способностяхъ, не дозволитъ всѣмъ равно приближиться къ сему свѣту.

Какого бы рода сіе неравенство ни было; но число могущихъ предохранять себя отъ камней претыка-

тыканїя и приближиться къ первобытному состоянїю человѣка, было бы не соразмѣрно малому числу Царей, владычествующихъ въ свѣтѣ и далеко превосходило бы оное: тогда надъ кѣмъ пріобрѣтшїе знакомство съ дѣйствующею причиною и остальные, сверьхъ потребнаго числа Царей, стали бы владычествовать? Онъ уничтожаетъ сїе затрудненїе, изъясняя, что естьли бы *и каждой человѣкъ достигалъ до послѣдней степени своего могущества; то каждый человѣкъ былъ бы Царь..... Всѣ они были бы Государи въ ихъ владѣнїяхъ.* Но въ какихъ владѣнїяхъ, въ какихъ мѣстахъ оныя находились бы, и кто были бы земледѣльцы и проч. онъ того не открываетъ; но только увѣдомляетъ, что сїе въ теперешнемъ состоянїи вещей быть не можетъ; поелику люди не имѣютъ къ тому равныхъ способностей. И потому трудящїеся приближиться къ свѣту

и очистить себя отъ затемнѣнія имѣли бы между собою подчиненность, по мѣрѣ своего просвѣщенія, какая находится въ разностепенствѣ воинскаго установленія, которое по увѣренію его, изображаетъ первобытное состояніе человѣка. Но когда оно было такое, каково есть нынѣ воинское служеніе: то нѣтъ никакой нужды, для приближенія къ первобытному состоянію человѣка, стараться очищать себя отъ затемнѣнія и достигать до познанія причины разумной; понеже всякой легко можетъ, записавшись въ воинство, ѣхать на елужбу и тѣмъ средствомъ паки возвратиться въ первобытное свое состояніе.

Онъ еще не оставилъ прибавить, сколь нужны были бы къ благоденствію народовъ такіе Цари, какихъ онъ начерталъ, представляя себя образцомъ ихъ. *Въ такомъ обществѣ*, говоритъ онъ, то есть въ обществѣ, въ коемъ бы

бы оные Цари владычествовали, полагая безъ сомнѣнія и себя въ то же число, *видили бы мы повсюду порядокъ и дѣятельность*... Такъ какъ бы въ нынѣшнихъ Правленіяхъ члены общества находились въ недѣятельности и безпорядкѣ! *Видѣли бы мы, что и для самыхъ тѣлесныхъ скорьбей находили бы они себѣ облегченіе*.... Но кто ему сказалъ, что въ настоящихъ Правленіяхъ никто не находитъ облегченія? Не уже ли ему не извѣстно, что нѣкоторыя искуснѣйшія хирургическія операціи избавляютъ многихъ жертвъ отъ смерти, похитить ихъ устремляющейся; возвращаютъ лишившимся какого либо чувства, паки употребленіе онаго; возобновляютъ живность органовъ, не исполняющихъ больше дѣйствія своего? Такъ же не можно отрицать, чтобъ и Врачебная Наука не часто служила къ облегченію одержимыхъ недугами.... *Ибо, какъ я по-*

казалъ, свѣтъ, управляющій зачатіемъ общества, разливался бы и объималъ всѣ его части. Тогда среди тѣлесныхъ вещей представился бы величественнѣйшій образъ и справедливѣйшая идея совершенства... Сіе совершенство среди тѣлесныхъ вещей, представляется дѣйствіемъ и существомъ своимъ каждому, кто взирать на оное желаетъ, лучше и справедливѣе мнимаго совершенства, мечтающагося въ мысляхъ его; ибо просвѣщеніе и трудолюбіе нынѣшняго времени всѣ тѣлесныя вещи привело до послѣдняго совершенства, и никто кромѣ его не видитъ, что въ настоящихъ Правленіяхъ члены общества находятся въ недѣйствительности и безпорядкѣ, и никто не сдѣлавшись врагомъ сущей справедливости, оклеветанія сего на всѣ общества возложить не можетъ.

Попомъ онъ увѣщеваетъ, что бы *страшливыя Прасленія*, не

тре-

тревожились его мнѣніями и не опасались бы, что онъ открываетъ недостаточество ихъ; ибо ему кажется, что сіе не уничтожаетъ должнаго къ нимъ почтенія; и притомъ напоминаетъ о своемъ почитаніи *къ особѣ Государей, равно какъ и къ сану ихъ....* Послѣ опорочиванія Правительствъ, подъ которыми общества находятся въ безпорядкѣ и недѣятельности, сіе увѣщеваніе необходимо нужно; такъ какъ и послѣ охужденія Государей, и опредѣленія на мѣсто ихъ другихъ, предохранившихъ себя отъ камней претыканія и приближившихся къ первобытному состоянію человѣка, довольно благоразумно сказать имъ сію учтивость. *Полагаю всѣмъ подданнымъ за непреложный долгъ повиноваться Начальникамъ, и что обвиняю безъ изъятія всякое непокорство и противленіе.* Сіе оправданіе его ученія, противуположнаго нынѣшнимъ Правленіямъ, онъ

конечно приносить по правилам противудѣйствія стражательной силы; ибо оно весьма противодѣйствуетъ и отражаетъ прежнія его предложенія, которыми онъ утверждаетъ, что человѣкъ не имѣетъ права подчинять себя начальной власти, что онъ не долженъ повиноваться другимъ законамъ, кромѣ какъ собственному своему, что начальная власть его обманываетъ, что онъ своими качествами можетъ пріобрѣсть право рабства надъ подобными себѣ. Хотя онъ и говоритъ, что непокоретво и противленіе противны тѣмъ правиламъ, которыя онъ утвердить намѣренъ; однако предлагаемыя нами здѣсь его правила, какъ видимо есть, не обвиняютъ непокоретво и противленіе; но напротивъ того поощряютъ и побуждаютъ къ непокоретву, когда онѣ содержатъ ученіе, что человѣкъ не имѣетъ права обязать себя подчиненностію начальной власти, что такое обя-

зательство есть ничтожно. Произнесенїе однихъ словъ, что онъ обвиняетъ непокорство и противленїе, для уменьшенїя преступленїя его противъ начальной власти, не можетъ ни перетворить его ученїе, ни извинить его въ ономъ.

Онъ внутренне призваваяся, сколь много онъ погрѣшаетъ противъ политическихъ установленїй и законной власти, старается подать привиламъ своимъ видъ менѣе его осуждающїй и прибавляетъ: *не подданной учредилъ себѣ законы политическїя и Начальниковъ, такъ не его дѣло и опровергать ихъ.* Но что можетъ больше опровергать законы политическїе, какъ ученїе, что человѣкъ не имѣетъ права обязать себя подчиненностїю начальной власти, и что сїе обязательство ничтожно и обманчиво!

Наконецъ естьли находит-

ся недостатокъ и въ Начальникѣ и въ Правительствѣ и въ подданномъ, въ такомъ случаѣ не должно у меня спрашивать; ибо сіе не будетъ уже Государственное Правленіе, но разбойничество, а для разбойничества нѣтъ законовъ.

Послѣ сего приличнаго названія разбойничества Государственнымъ Правленіемъ, онъ говоритъ: *И такъ надѣюсь, что сіе мое признаніе можетъ удостовѣрить Государей въ безопасности принятыхъ мною во основаніе положеній; не найдутъ они въ нихъ ничего, кромѣ ненарушимой привязанности къ ихъ особѣ и глубочайшаго почитанія къ священному ихъ сану.....* Всѣ Государи и безъ него удостовѣрены, что пустословныя и безразсудныя его положенія, столько же мало могутъ поколебать ихъ власть; сколько глубочайшее почи-

та-

таніе, ненарушимость, привязанность и проч. сего новаго противоборника Правленій, могутъ служить къ укрѣпленію оной.

Ежели станутъ когда читать сію книгу Владыки земные, то уповаю, не возумаютъ, чтобъ я предписаніемъ сея покорности къ нимъ увеличивалъ какъ нибудь ихъ власть, и самихъ ихъ освобождалъ отъ сей обязанности, по которой они, какъ человѣки, должны подвергнуть свои поступки правилу общему, которому должно бы было руководствовать всѣми нами. Но какое правило и для чего, когда ему должно было, сіе правило должность свою не исполнило, того онъ не объявляетъ. Кажется, что онъ раскаиваешся въ своей покорности земнымъ Владыкамъ и для того прибавляетъ: *давать имъ право отступать отъ него*, отъ выше упомянутаго правила, *есть*

есть благопріятствовать обману и оскорблять даже самое имя, для котораго ихъ чтимъ. Такой наставнической тонъ, который онъ съ Владыками земными брать осмѣливается, дѣлаетъ его въ одно время и смѣха и жалости достойнымъ; ибо развлеченный его разсудокъ заставляетъ его заботиться, чтобъ не давать имъ права отступать отъ правила долженствующаго ими руководствовать. Но мы съ нашей стороны увѣщеваемъ его, чтобъ онъ пребывалъ въ покоѣ; понеже Владыки земные и безъ него знаютъ обязанность свою, не требуютъ отъ него, чтобъ онъ благопріятствовалъ обману; и потому избавляютъ его отъ опасенія оскорблять имя ихъ, для котораго онъ токмо ихъ и чтитъ, хотя обыкновенно бываетъ, что дѣла великія, человѣколюбіе и добродѣтель, болѣе привлекаютъ почтенія, нежели одно имя, лишенное преимуществъ, могущихъ прославить оное.

Онъ

Онъ говоритъ, что онъ почелъ за нужное сдѣлать сіе объявленіе, дабы *слокойно слѣдовать намѣренію его*, намѣренію охулять Правленія, *и что его стремленіе и желаніе клонятся къ тому, дабы дать имъ возчувствовать тѣ единственныя средства, которыя очевидно служатъ къ ихъ благу и совершенству.* Не можно дать возчувствовать средствъ, служащихъ къ благу, представляя вмѣсто оныхъ однѣ токмо химеры, которыя тѣмъ больше ничтожны, чѣмъ меньше вразумительны, и чѣмъ больше мнимыхъ таинствъ заключать въ себѣ предполагаютъ. Благо человѣковъ чувствительно токмо бываетъ отъ премудрыхъ и человѣколюбивыхъ законовъ; а не отъ проповѣдника, достигшаго мнимаго свѣта обольщающаго мечтательное его воображеніе. Онъ думаетъ, что помощію сего объявленія можетъ спокойно порицать страшливыя Правленія и опредѣлять Началь-

чальниковъ надъ оными тѣхъ, которые, такъ какъ и онъ самъ, приближились къ первобытному состоянію человѣка, и предводительствуемы дѣйствующею причиною, подчиненною первой причинѣ.

По увѣренію его, истинный законъ, на которомъ долженствуютъ основываться Государства, *по естеству своему имѣетъ силу живую и непобѣдимую, но которой худо извѣстенъ былъ при зачатіи уломянутыхъ Правленій, или по установленіи ихъ въ послѣдующее время пренебреженъ; понеже въ противномъ случаѣ они бы еще стояли.* Какимъ злощастіемъ могло воспослѣдовать, что законъ, имѣющій силу живую и непобѣдимую, оставался въ неисполненіи и пренебреженіи? Слѣдственно онъ не имѣлъ приписываемой ему силы, но мертвую и побѣдимую; понеже неисполненіе и пренебреженіе пропитны суть дѣйствію

ствїю силы живой и непобѣдимой. И что за законъ, которой никому не извѣстенъ! Ибо законы, не только такимъ началомъ поставленные, отъ какого онъ пренебреженной законъ производитъ, но и тѣ, которые отъ Начальствующихъ въ Государствахъ происходятъ, издаются не для того, чтобъ они были неизвѣстны, или пренебрежены, но для того, что бы они каждаго обязывали къ исполненїю ими опредѣляемаго.

Вотъ еще одно противорѣчїе, относящееся къ неосновательности ученїя его о существѣ тѣлъ! Ибо онъ разсуждая о томъ утверждалъ, что оныя изчезаютъ, и въ ничто превращаются; однако теперь извяняется въ противность первому разсужденїю: *да и подлинно сїе не противорѣчитъ*, что законъ, имѣя силу живую и непобѣдимую, остался пренебреженъ, *той идеи, какую мы въ себѣ имѣемъ о постоянности содѣйствїя сего зако-*

закона, по тѣмъ понятїямъ, какїя есть въ человѣкѣ о истинѣ, что есть, то не проходитъ, и пребыванїе есть для насъ доказательство существенности вещей..... Стало, вещество не изчезаетъ, когда что есть, то не проходитъ, и пребыванїе есть доказательство существенности вещей. Поистиннѣ сказать, мрачный нашъ проповѣдникъ въ противорѣчїяхъ своихъ можетъ быть извичителенъ; ибо слѣдуя плодовитому своему воображенїю, рождающему столь великое множество мечтанїй, на которыхъ заблуждающїя его разсужденїя основаны, не можно ему было не впадать въ частыя замѣшательства и не противорѣчить самому себѣ.

Не почитаю за излишнее, говоритъ онъ, *увѣрить подобныхъ мнѣ, что есть Праелентїя, которыя стоятъ съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ есть на землѣ, и*

кото-

которыя будутъ до скончанія времени.... Естьлибъ человѣкъ, пробудившійся отъ сна, сталъ утверждать, что юродливое его сновидѣніе совершенно существуетъ; о такомъ человѣкѣ не безъ основанія заключить было бы можно, что сновидѣніе его сильнымъ своимъ впечатлѣніемъ повредило его разумъ: такое же заставляетъ имѣть мнѣніе о себѣ и нашъ мечтающій проповѣдникъ, который отъ устремленія мыслей своихъ на безтѣлесность и безпредѣльное желаніе пріобрѣсть право рабства надъ подобными себѣ, столько разстроилъ способности разсужденія, что мнитъ увѣрить о бытіи призраковъ, воображеніемъ ему представляемыхъ, могущихъ творить благо человѣческое, и что будто всѣ мечты, на коихъ онъ основываетъ науку свою, ему открыты нѣкоимъ существомъ, называемымъ имъ, причиною дѣйствующею и разумною; а потому и позволяетъ себѣ предлагать читателямъ всѣ

странности, какї ятолько ему вздумаются. Напримѣръ, такъ какъ сїи, что Правленїя, которыя стоятъ отъ начала перьваго человѣка, и кои продолженїе свое имѣютъ будутъ до конца времени, что всѣ сокровенности естественнаго дѣянїя ему извѣстны, что онъ видитъ существа, не подверженныя чувствамъ человѣка и наконецъ, что ему извѣстны всѣ произшествїя въ невещественныхъ предѣлахъ. Выдавая такїя нелѣпости онъ гордится ими и почитаетъ себя справедливымъ проповѣдникомъ причины дѣйствующей, а потому иприобрѣвшимъ право рабства и подданничества надъ подобными себѣ.

Онъ выхваляетъ воинское состоянїе и паки опорочиваетъ оное; ибо онъ включаетъ въ мысленныя свои доказательства, о незаконности общественныхъ установленїй и то, что политическїя тѣла и начальники ихъ въ заблужденїи своемъ имѣютъ

имѣютъ слабость думать, будто враги ихъ человѣки. Одобряя воинское состоянїе и осуждая людей, что они подобныхъ себѣ почитаютъ врагами, онъ ощутительно самъ себѣ противорѣчитъ: ибо не когда бы человѣкъ не почиталъ другихъ человѣковъ себѣ врагами; тогда воинское состоянїе было бы не нужно и учрежденїе его не существовалобъ. *По силѣ закона естества человѣка*, говоритъ онъ, *воистинну нѣчего ему отъ другаго человѣка опасаться*.... по воистинну метафизическій нашъ проповѣдникъ, пріобрѣтшій право рабства надъ подобными себѣ, употребляетъ во зло право сіе, принуждая вѣрить по его только одному слову тому, что противно свойству человѣковъ, и чему безпрестанныя ихъ дѣянїя, и объ оныхъ всѣхъ временъ повѣствованїя противорѣчутъ.

Воистинну нѣчего было Амери-

канцамъ опасаться Гишпанцовъ, которые 12 миллионовъ побили оныхъ; и, по его увѣренію, намъ должно думать, что всѣ побіенія не только въ войнахъ, но и въ заумышленіяхъ учинились, не отъ вражды другъ къ другу, но отъ благопріятства; и когда люди, такъ какъ онъ утверждаетъ, не могутъ быть другъ другу врагами; то Силла и Марій, Августъ и Антоній принесли, нѣсколько тысячь лучшихъ сограждан своихъ, на жертву тщеславію и корыстолюбію своему; не потому, чтобъ они были враги ихъ, но токмо по благосклонности своей къ нимъ. И отъ такого же источника произошли всѣ безчеловѣчныя побіенія, напримѣръ: во враждахъ Иконоборцовъ, въ коихъ убито 60,000 человѣкъ; Манихейцовъ, 120,000; самаго умѣреннаго щета въ распряхъ Епископскихъ за престолъ Папскій 20,000; въ набѣгахъ духовныхъ Кавалеровъ, называемыхъ Меченосцами, по брегамъ Балтійскаго моря 100,000.

По-

Потомъ изъ дружелюбія Иванъ Гусъ и Іеремій Пражскіе, сожжены были въ городѣ Констанціи, что причинило войну, въ которой погибло 150,000; и послѣдствію такого же другъ къ другу снисхожденія въ безчеловѣчныхъ убійствахъ, сотворенныхъ отъ временъ Папы Льва X, до папы Климента IX, почти во всей Европѣ, то есть, въ Нидерландахъ, Голландіи, Германіи, Франціи и Англіи, въ коихъ свирѣпое междуусобіе вооружило воспламенѣнныхъ ревностію Религіи, смертоноснымъ мечемъ, другъ друга истребляющимъ, погибло больше двухъ милліоновъ человѣкъ. Убійства Еврейскаго народа, какъ междуусобныя, такъ и тѣ, кои они учинили надъ жалостными жителями областей, ими завоеванныхъ; убійства происшедшія въ Азіи, въ Японіи, въ Африкѣ на брегахъ снабждающихъ Европейцовъ черными невольниками, и во всѣхъ концахъ обиталища нещастнаго рода человѣческаго, безъ сомнѣнія про-

тираются до многихъ милліоновъ. Присовокупимъ еще къ сему, частныя убійства и общественныя другъ друга пришѣствія, злость, гнусную клевету, ненависть, всякаго рода коварства, лицепріятіе; надмѣнность и презрѣнія, попирающія добродѣтель и достоинство: то и будемъ имѣть живое изображеніе взаимнаго благопріятства, владычествующаго между людьми, и найдемъ въ ономъ достаточное доказательство, что люди не суть враги другъ другу.

Сверхъ сего мы замѣтимъ еще, что не весьма согласно съ человѣколюбивою и кроткою Философіею, давать преимущество установленію воинскому, предъ установленіями гражданскими. Справедливая Философія не возносится гордостію, не спѣшитъ себѣ, будучи пищеславіемъ побуждаема, неестественнаго и превосходнаго предъ другими познанія, и не желая сокрушенія рода человѣческаго

каго, не поощряетъ людей хвалами состоянія воинскаго къ сраженіямъ и къ взаимному другъ друга истребленію: она старается вкоренить въ жителей глобуса сего, которые уже и безъ того подвержены многимъ естественнымъ припадкамъ, жизнь ихъ сокращающимъ, смиреніе, человѣколюбіе, снисхожденіе и всѣ добродѣтели, могущія облегчить бремя земнаго ихъ пребыванія.

Онъ часто упоминаетъ, что недостатки Правленій произошли отъ того, что общежительства составлены человѣческою рукою и безъ помощи закона, *долженствовавшаго дать имъ постановительное утвержденіе*. Весьма странно, что законъ, который долженствовалъ дать постановительное утвержденіе всѣмъ обществамъ и ихъ Правленіямъ, пренебрегалъ въ толь важномъ дѣлѣ исполнить опредѣленіе свое, и ожидалъ тѣкмо пришествія

въ свѣтъ высокомысленнаго проповѣдника, чтобъ начать исполненіе своего долга! И возможно ли премудрости Божіей, создать для пользы человѣковъ законъ, который бы столь долгое время пребывалъ безполезенъ! Но видно, что такая бѣдственная сего закона безпечность произошла только для того, что бы прославить угодника онаго, или дѣйствующей причины, пріобрѣтшаго право работства надъ подобными себѣ, и готовящагося низпосланнымъ ему отъ нея свѣтомъ управлять обществами, недостаточными въ своихъ законоположеніяхъ и удалившимися отъ свѣтильника, къ коему онъ такъ близко приближился.

Но всего чуднѣе, что послѣ охуленія всѣхъ Правленій, и утвержденія, что Царямъ надлежитъ быть только тѣмъ, которые менѣе удалились первобытнаго своего состоянія, онъ колеблется въ смѣло-

смѣлости своей и съ нѣкоторымъ видомъ робости, ходатайствующей извиненіе ему, говоритъ, что *Правленіе одной особы не подлежитъ къ сему моему мнѣнію.*

Какъ можно согласить сіе противорѣчіе и другія подобныя, коими онъ ищетъ предъ самодержавною властію оправдиться, съ сими словами, въ точности изражаемыми: *когда прочіе люди не употребили тѣхъ же стараній, и не имѣютъ ни тѣхъ же успѣховъ, ни тѣхъ же даровъ; то явствуетъ, что тотъ, который имѣетъ предъ ними всѣ сіи преимущества, долженъ быть выше ихъ и управлять ими.* По томъ на той же страницѣ 272 такъ изъясняется: *ежели сіе затемнѣніе* (способностей) *въ человѣкѣ дойдетъ до развратности; то тотъ, кто предохранилъ себя и отъ того и отъ другаго, становится его Владыкою не только по самому дѣлу*

и необходимости, но и по долгу. Не явствуетъ ли какъ изъ сего, такъ и изъ прежнихъ его предложеній, отрицающихъ право человѣка подчинять себя верьховной власти, что ученіе его подлежитъ болѣе къ Правленію одной особы, нежели къ Правленіямъ другаго рода, и что лучь въ немъ здраваго разсудка противоборствуетъ тщеславію и гордости его, и что желая сохранить первьой и удовлетворить послѣднимъ, онъ только обнаруживаетъ лживыя свои сокровенности и старается для воображаемыхъ выгодъ себѣ, наложить *покровъ* повиновенія и покорности на ученіе, которое открытно повиновенію противорѣчитъ.

Потомъ онъ мысля, что достаточно оправдился предъ самодержавною властію и другими Правленіями, продолжаетъ политическія свои разсужденія, съ Метафизикою сопряженныя, и говоритъ:.. *Дабы удостовѣриться намъ о ихъ правилиости,*

вости, то есть, о правдивости законовъ Правоправленія, *надлежитъ разсмотрѣть, проистекаютъ ли сіи законы прямо отъ истиннаго начала, или они учреждены человѣкомъ только однимъ, и притомъ лишеннымъ своего путеводца?*

Послушаемъ, какимъ средствомъ должно узнать о правдивости сихъ законовъ.

Спрашиваю здѣсь: когда подданный присягнулъ, или почитается присягнувшимъ въ вѣрности Государю: то Государь имѣетъ ли право освободить его отъ присяги, какія бы ни произошли изъ того выгоды для Государства? Обычай Государей не требовать согласія жителей мѣняемыхъ странъ не доказываетъ ли, что прежняя присяга не была свободна, что и новая такова же будетъ? Сей посту-

поступокъ можетъ ли быть когда нибудь сходственъ съ тѣми понятіями, которыя хотятъ намъ дать сами законодатели о правленіи законовъ? Здѣсь кажется, что онъ паки ободрился и думаетъ, что принесеннымъ извиненіемъ Государямъ, онъ пріобрѣлъ право имъ дѣлать вопросы. Но къ большей ясности сего разсмотрѣнія и удостовѣренія, что законы сотворены человѣкомъ, лишеннымъ своего путеводца, то есть дѣйствующей причины, онъ такъ разсуждаетъ:

Въ томъ Правленіи, котораго истинну и нерушимое существованіе я возвѣстилъ, сіи перемѣны такъ же въ употребленіи, съ принятыхъ Правленіяхъ чинимыя, суть точно изображенія оныхъ; потому что человѣкъ не можетъ ничего изобрѣтать: но происхожденія въ сныхъ суть отмѣнны, и происходятъ отъ

такихъ

такихъ побудительныхъ причинъ, которыя учиняютъ праведными всѣ о томъ приговоры, то есть, что промѣнъ здѣсь свободной и добродѣтельной съ сѣихъ сторонъ, люди не почитаются привязанными къ землѣ, и какъ бы состасляющими часть владѣнія; словомъ: сущность ихъ не смѣшивается съ сущностію временныхъ владѣній. Вотъ какими убѣдительными доказательствами, онъ старается изобличить Государей, въ присвоиваніи власти себѣ не принадлежащей!

Потомъ онъ опорочиваетъ гражданскіе законы, въ коихъ находитъ главнѣйшее неудобство то, когда оными опредѣляется разводить браки, не за прелюбодѣяніе, но ради иныхъ причинъ. О чѣмъ онъ такъ изъясняется: *прелюбодѣяніе есть единственная причина, по которой могутъ быть законно разведены*

ведены супруги... Онъ ни во что считаетъ неисходные нравовъ и мыслей, неустройство домашнее безплодіе за собою влекущее, отвращеніе, ненависть, бывающую иногда источникомъ жесточайшихъ преступленій; но прелюбодѣяніе въ случаѣ неравенства, происходящаго, или отъ сложенія, или отъ лѣтъ не бываетъ причиною злодѣйскихъ умышленій, развѣ только въ случаѣ превосходной страсти къ другому предлогу; что рѣдко бываетъ. И тогда могущее произойти отъ оной преступленіе должествуетъ отчестись къ вышеупомянаемымъ бѣдственнымъ чувствіямъ, рождающимся отъ несчастнаго бракосочетанія; слѣдственно, хотя прелюбодѣяніе и достаточно къ опредѣленію развода тамъ, гдѣ разводъ въ употребленіи; однако меньше имѣетъ сильныхъ причинъ къ оному, нежели изъясняемыя нами несогласности, какъ въ нравственномъ, такъ и въ натуральномъ сношеніи супруговъ.

И

И такъ когда гражданской законъ послѣдуетъ другимъ разсужденіямъ; тогда не сомнительно возвѣщаетъ, что онъ не имѣетъ перед идеи обязательства.

Никакой другой идеи имѣть о брачномъ сочетаніи гражданскій законъ не одолжается, какъ ту, которая представляетъ благодѣтельныя сочетавшихся, и отъ того пользу издивающуюся на цѣлое общество; слѣдственно надлежитъ ему опредѣлять разводъ для тѣхъ токмо причинъ, которыя больше къ сему препятствуютъ, а не для какихъ другихъ вымышленныхъ поврежденнымъ воображеніемъ.

Онъ говоритъ, *что супружество не долженствуетъ быть дѣло рукъ человѣка, равно какъ прочія его дѣла; понеже какъ человѣкъ сей не долженъ самъ собою заключать союза; то не имѣ-*

имѣетъ права разорвать оной; понеже наконецъ предаваться прелюбодѣянію, есть самовластно отвергать волю причины всеобщей временной, которая почитается заключившею обязательство, и послушаться такой воль, которую она не одобрила.... Здѣсь надобно замѣтить важнѣйшее его противорѣчіе; ибо онъ сими словами, что дѣла человѣка не долженствуютъ быть рукъ его, отнимая у него волю, которую онъ ему прежде приписывалъ, дѣлаетъ человѣка страдательною махиною, и хочетъ, чтобъ оною дѣйствовала мнимая его временная причина. Но кто не видитъ, что изъ послѣдованія такому ученію, послѣдовало бы разрушеніе общественнаго союза и нравственныхъ добродѣтелей; понеже всякой наклонной къ порокамъ, находилъ бы оправданіе дѣяніямъ своимъ, противнымъ общественному благу въ томъ, что не самъ онъ дѣйствуетъ; но причина временная;

ибо

ибо всѣ дѣянїя человѣческїя не отъ его рукъ, но отъ нея происходятъ. Какимъ образомъ супружество не; долженствуетъ быть дѣло рукъ человѣческихъ; то сїе, будучи подъ тѣмъ же покровомъ, которымъ онъ покрываетъ всѣ свои мечтанїя, столько же невразумительно, какъ сїи послѣднїя ничтожны. Ибо нельзя понять, когда молодой человѣкъ почувствуя страсть къ пріятному предлогу, и влекомъ врожденнымъ во всѣхъ тварехъ естественнымъ побужденїемъ къ сочетанїю обоихъ половъ, захочетъ исполнить цѣль и намѣренїе натуры, какъ онъ тогда не долженъ ничего дѣлать; а ожидать, чтобъ совокупленїе сїе учинила дѣйствующая причина, для того, что супружество не есть дѣло рукъ его. *И такъ логика*, продолжаетъ онъ, *воля человѣка всегда предшествуетъ дѣяніямъ его, то не можетъ забыть себя въ тѣлесныхъ дѣлахъ своихъ безъ того, чтобъ не забыть*

себя прежде въ своемъ хотѣніи; почему, вдаваясь нынѣ прелюбодѣянію плотскому, онъ содѣлываетъ вмѣсто одного, два беззаконія.

Когда всѣ дѣянія человѣка отъ воли причины мнимой временной зависятъ; то уже воля сей причины, а не его, предшествуетъ дѣяніямъ его. *Не можетъ забыть себя въ тѣлесныхъ дѣлахъ своихъ безъ того, чтобъ не забыть себя прежде въ своемъ хотѣніи* ... Послѣднее предложеніе никакого смысла не представляетъ; понеже всякой человѣкъ имѣетъ хотѣніе, чтобъ пользоваться удовлетвореніемъ оному, которое хотѣніе бываетъ мертво, коль скоро изчезаетъ надежда къ удовлетворенію: для того никто безъ сей надежды хотѣнія имѣть не будетъ; почему и доказательно, что желаніе человѣка относится къ самому себѣ и съ нимъ соединено; но всякой человѣкъ

вѣкъ имѣетъ желаніе для себя, и дабы пользоваться имъ; слѣдственно не возможно ему въ хотѣніи позабыть самаго себя, когда хотѣніе рождается для самаго себя.

Что жъ принадлежитъ до плотскаго прелюбодѣянія, которымъ человѣкъ содѣлываетъ два беззаконія; сіе значитъ, что первый человѣкъ прежде еще, нежели имѣлъ жену, отступилъ отъ даннаго ему закона и тѣмъ содѣлалъ прелюбодѣяніе, а послѣ плотское его прелюбодѣяніе, было другое такъ, что сіе послѣднее не имѣетъ мѣста, когда не предшествуетъ ему первое.

Ежели читающій сіе одаренъ разумѣніемъ, легко можетъ разлагнать въ плотскомъ прелюбодѣяніи нѣкоторые яснѣйшіе знаки прелюбодѣянія, содѣланнаго человѣкомъ прежде его покоренія закону стихій....

Всякой читатель одаренный благоразумiемъ, легко можетъ распознать изъ половинсекрытыхъ и мечнателныхъ разсуждений нелѣпыя бредни, коими гоневипся протiвникъ временной причины владычествовать надъ подобными себѣ. *Но сколько желаю, чтобъ всякой достигъ сего разумѣнiя; столько обязанности мои запрещаютъ мнѣ, дасать малѣйшее о семъ объясненiе....* Обязанности наши принуждаютъ чувствительными, а не мыслеными доказательствами разрушать химеры его, на которыхъ онъ основываетъ гордость и тщеславiе свое. *Сверьхъ того для моего собственнаго блага желаю, лучше стыдиться беззаконiя человѣческаго, нежели говорить объ ономъ...* Для собственнаго его блага мы желаемъ, чтобъ онъ устыдясь бредней своихъ не провозглашалъ оныя, столь утвердительнымъ и смѣха достойнымъ образомъ.

Каза-

Казалось бы, что послѣ увѣренія, что обязанности его запрещаютъ ему давать малѣйшее изъясненіе о прелюбодѣяніи, и что онъ желаетъ лучше стыдиться, нежели говорить объ ономъ, онъ наложитъ на него покровъ молчанія; а не тотъ, которымъ онъ мнимыя тайны свои покрываетъ: однако обязанности свои въ семъ случаѣ онъ худо сохранилъ, можетъ быть для того, что онъ вступилъ въ оныя безъ причины дѣйствующей и временной; а какъ уже мы видѣли, что человѣкъ не имѣетъ никакого права вступать въ обязательства безъ ея руководства: то онъ, не почитая за законное дѣло хранить обязанность, не давать ни малѣйшаго объясненія о прелюбодѣяніи, на другой страницѣ говоритъ: *Возвѣщу ясственно, что первое прелюбодѣяніе было причиною лишенія и невѣжества, въ которыхъ человѣкъ еще погруженъ; и что симъ то состояніе свѣ-*

та и сіянія преремѣнилось въ состояніе тьмы и безчестія. Симъ нарушеніемъ обязанностей своихъ онъ хочетъ показать, что онъ поступаетъ сходственно съ ученіемъ своимъ, и что онъ въ одно время подаетъ примѣръ и наставленіе.

Въ ономъ же тѣлесномъ прелюбодѣяніи человѣкъ легко можетъ сдѣлать себѣ понятіе о тѣхъ нещастіяхъ, которыя уготовляетъ онъ плоду своихъ беззаконій, когда разсудитъ, что сія временная всеобщая причина, или сія вышняя воля, не присудствуетъ въ состаленіяхъ не одобренныхъ ею, а еще менѣе въ тѣхъ, которыя осуждены отъ нея; что ежели присудствіе ея необходимо нужно всякому бытію, существующему во времени, чувственному ли, разумному ли; то человѣкъ лишаетъ

потом-

потомство свое ея поллоры, когда рождаетъ по незаконному изволенію..... Когда онъ прежде безпрестанно утверждалъ, что во времени не можетъ ничего ни сотвориться, ни существовать безъ сея причины временной и дѣйствующей; какимъ же образомъ можетъ быть на свѣтъ произведено и существовать то, что она не одобрила и что сотворилось безъ присудствія и безъ подпоры ея? Слѣдственно утверждать, что она не присудствуетъ въ составленіяхъ не одобренныхъ ею, и что человѣкъ рождается пропивъ соизволенія ея, есть странное пропивурѣчіе предложеніямъ, изъясняющимъ, что сія причина *опредѣляетъ дѣйстсіе начала врожденнаго въ зародышахъ .....* Что *безъ содѣйствія третьяго начала*, то есть ея, *не можно быть совершенному дѣлу....* Кажется, что такимъ упорствующимъ и пропивнымъ одно другому разсу-

деніямъ, не только въ пророкѣ предводительствуемомъ сверхъ естественнымъ вдохновеніемъ; но и въ послѣднемъ школьникѣ, не утвердившемся въ ученіи правильнаго разсужденія, явиться было бы не возможно.

Когда человѣкъ, говоритъ онъ, *можетъ нынѣ содѣлать прелюбодѣяніе съ женою, тѣмъ паче можетъ еще, какъ и въ началѣ, учинить оное безъ жены, то есть, прелюбодѣяніе умственное; потому что воля человѣческая, послѣ первой причины временной, сильнѣе всего со времени; и потому, что она и тогда, когда не чиста и беззаконна, имѣетъ могущество подобно началу учинившемуся злымъ.* Людямъ, не имѣющимъ благодати откровенія, не извѣстно, какъ дѣлается умственное прелюбодѣяніе: но тому, который познакомился съ причиною дѣйству-

ствующею, вселилъ начала безтѣлесныя во всѣ вещественные образы, нашелъ важное открытіе отражательной силы находящейся въ пищѣ, изгналъ воздухъ изъ стихій и претращаетъ тѣлесное вещество въ ничто, не мудрено знать себъ оном. Такому угоднику и чудодѣйцу, не трудно и человѣческую волю учинить первымъ могуществомъ послѣ дѣйствующей причины, хотя мы видимъ ее иногда совсемъ безсильну; ибо, что воля заставляетъ предпринимать какое либо дѣйствіе, или рождаетъ желанія, то сіе не значитъ въ ней силу, но токмо причину дѣяніямъ или желаніямъ; а потому и явственно, что волѣ человѣческой, не сила должна быть присвоена, но только одно направленіе къ тѣлеснымъ и душевнымъ дѣйствіямъ.

Не могу я не наруша скромности говорить о семъ болѣе; глубокія истинны не всякому

зрѣнїю сходны..... Нѣтъ нескромности въ объявленїи вещей полезныхъ; а наипаче такихъ, отъ коихъ можетъ произойти не только польза, но и благо рода человѣческаго. Скромность присоединяется къ тому, что можетъ быть постыдно, вредно, огорчительно или что причинятъ неудовольствїе одному или многимъ; въ такихъ случаяхъ наблюденїе скромности есть добродѣтель, и столько же похвально, сколько въ прежде упоминаемыхъ обстоятельствахъ предосудительно. Глубокїя истинны токмо одному его зрѣнїю сходны для того, дабы пріобрѣсть право подданничества надъ подобными себѣ, и мы не можемъ его охуждать, что онъ ихъ не представляетъ зрѣнїямъ, коимъ онѣ не сходны; ибо такая нескромность могла бы его лишить онаго безцѣннаго права, пріобрѣтеннаго отличными дарованїями и качествами его. *Но хотя и не объявляю людямъ первой причины*

чины всѣхъ законовъ премудрости, тѣмъ не менѣе они обязаны исполнять ихъ, понеже они чувствительные; а человѣкъ все чувственное можетъ понимать. Сего откровенія люди отъ него не требуютъ; они и безъ него знаютъ, что первая причина всѣхъ законовъ есть Всевышній Создатель всего творенія. Но тутъ примѣтить надобно смѣшное его самолюбіе, заключающееся въ сихъ словахъ: *не объявляю людямъ....* Какъ будто подлинно премудрость первой причины ему извѣстна! *Человѣкъ все чувственное можетъ познавать...* Здѣсь онъ хочетъ внушить о себѣ, что онъ все чувственное знаетъ; но тому, который свѣдущъ и о томъ, что внѣ чувственнаго происходитъ, не трудно знать все чувственное; а людямъ, не достигшимъ до первобытнаго состоянія человѣка, не можно познать все, что есть чувственное: ибо много еще находится въ

естествѣ дѣяній и существъ неизвѣстныхъ, такъ какъ и въ извѣстныхъ множество остается сношеній, по сіе время невѣдомыхъ.

Намѣряясь разсуждать о законахъ уголовныхъ и полицейскихъ, онъ такъ предваряетъ читателей. *Но въ разсматриваніи семъ (оныхъ законовъ) разположеніе мое будетъ то же, какое было и во всемъ сочиненіи: вездѣ я буду искать, сходны ли вещи съ ихъ началомъ, дабы всякъ изъ того выводилъ слѣдствія, и научался бы паче самъ собою, нежели бы слѣдовалъ моимъ разсужденіямъ.* Естьли бы расположеніе его сочиненія, или бы самое сочиненіе было внятно и основано не на мнимыхъ знаніяхъ, но на разсужденіяхъ правильныхъ и съ благоразуміемъ не враждующихъ: тогда было бы позволительно ему говорить съ такимъ одобряющимъ себя самохвальствомъ, и заставлять изъ оныхъ

выво-

выводить слѣдствія, сопровождающія къ познанію преподаваемаго ученія. Но когда, вмѣсто ясныхъ и разумительныхъ предложеній, во всемъ его сочиненіи представляется непостижимость и химеры, съ которыми разсудку читателя безпрестанно сражаться должно; тогда тщеславное повелѣніе пророка временной причины, научаться въ бредняхъ его, ни мало ему не приличествуетъ.

Когда есть начало вышшее, говоритъ онъ, *единственное и всегда и вездѣ благое, какъ то я всѣми силами и старался вездѣ доказывать; когда есть начало злое, котораго бытіе я такъ же доказалъ.....* Конечно есть начало всесущное и благое, ни отъ кого не поставленное и ни кѣмъ не созданное; однако не о семъ началѣ онъ всѣми силами доказывать старался, коего бытіе все твореніе вѣщаетъ, но о мнимой временной причинѣ, имъ вымышленной для управле-

равленія вселенною. Доказательствомъ почитается то, когда служащіе къ оному доводы, испытаніями оправдаемые, столь ощутительны и видимы, что отъемлятъ всякое сомнѣніе о предлогѣ доказуемомъ; но разсужденія лживыя, темныя, не имѣющія другаго основанія, какъ однѣ химеры, составленныя разсудкомъ мечтаніями поколебленнымъ, не могутъ быть почитаемы доказательствами.

Романъ, откровенный ему причиною временною о первобытномъ состояніи человѣка, не можетъ служить доказательствомъ блуждающихъ его мнѣній по мысленнымъ обиталищамъ. Онъ повѣствуетъ, что *человѣкъ въ первобытномъ своемъ происхожденіи былъ торжественно облеченъ властію наказывать; въ чемъ и состояло его подобіе съ началомъ его; и по силѣ сего же подобія, правосудіе его было вѣрно и безошибочно;*

бочно ; права его были существенны и ясно видимы, и никогда бы не измѣнились , естьли бы захотѣлъ онъ соблюдать ихъ , то есть , естьли бы онъ не содѣлалъ мысленнаго прелюбодѣянїя и прежде существованїя жены предшествовавшаго естественному. *Тогда то , говорю , имѣлъ онъ воистинну право на жизнь и смерть злодѣевъ области его.* Воистинну мудрецъ нашъ мало имѣетъ уваженїя къ чинапіелямъ своимъ , когда онъ имъ такїя нелѣпыя басни предлагаетъ за истинны. При чемъ замѣтимъ мимоходомъ, что нашъ мечтолюбъ склоненъ къ суровости, которую онъ во многихъ мѣстахъ книги своей обнаруживаетъ, и ему весьма нравится опредѣлять власть наказывать, и право отнимать жизнь у мнимыхъ подданныхъ и злодѣевъ своихъ.

Послѣ сего предваритпельнаго разсуж-

разсужденія о уголовныхъ законахъ, отъ утвержденія, что они должны существовать происходящіе отъ временной причины; но какъ она есть выше чувственныхъ вещей; *то потребны ей*, говоритъ онъ, *средства чувственныя для возвѣщенія ея приговоровъ, равно какъ и для исполненія судовъ ея.*

Къ сему дѣлу употребляетъ она гласъ человѣка, когда оно покажется онъ того достойнымъ; ему поручаетъ она возвѣщать правду подобнымъ ему, и принуждать ихъ хранить оную... Сколько противнаго здравому смыслу находится, въ такомъ странномъ предложеніи о правосудіи сей мнимой причины! Сіяло, правосудіе ея зависитъ отъ угожденія или неугожденія ей судящаго; естьли онъ ей угодилъ, то она поручаетъ ему возвѣщать правду; естьли же онъ ей не угодилъ, то правосудіе ея остается безъ

дѣй-

дѣйствія и правда сокрытою. По такову ученію о правосудіи, участь судимыхъ должна зависѣть не отъ одной справедливости, но отъ расположенія и способностей судящихъ, угождать причинѣ отправляющей правосудіе; и естьли судья не есть угодникъ ея, то не смотря на долгъ свой воздавать каждому правосудіе, дѣйствующая причина ни о судѣ, ни о приговорѣ, ни о правдѣ совсемъ никому не возвѣщаетъ, и дѣло рѣшится справедливо или несправедливо и безъ нея. Слѣдственно не можно сказать, что сія причина употребляетъ средства чувственныя для возвѣщенія приговоровъ и исполненія судовъ ея, когда она того не дѣлаетъ и правосудіе, для коего она поставлена, только тогда является, когда судья удостоенъ ея откровеніемъ, чего, какъ всѣмъ извѣстно, кромѣ мечтающаго проповѣдника, ни съ кѣмъ не случилось

Естьли сія причина, такъ какъ онъ увѣренъ, опредѣлена *установить порядокъ во вселенной между всѣми существами двухъ натуръ*.... то для чего же она по сіе время его не только не установила, но и главнѣйшаго онаго должна, исправлять правосудіе, не исполняетъ; ибо мы находимъ въ исторіи многихъ народовъ нѣкоторыя безаконныя и пристрастныя рѣшенія по дѣламъ уголовныхъ, погубившія невинныхъ. Потому правосудіе такой причины, которая была бы опредѣлена для всеобщаго правосудія, являющагося только для однихъ любимцовъ ея, было бы совершенное неправосудіе и вредное безаконіе: слѣдственно естьли есть причина поставленная, по увѣренію проповѣдника нашего, для исправленія человѣческаго правосудія; то надлежитъ, чтобъ всѣ рѣшенія и приговоры судебныхъ мѣстъ были справедливы; естьли же мы видимъ, что оныя не всѣ справедливы, то

пред-

предполагать постановленїе такой причины безразсудно: ибо она не содѣйствовала бы цѣли опредѣленїя ея.

Желаетъ ли кто, говоритъ онъ, *еще лучше судить о непричастности ломянутаго права*, то есть, права человѣку отправлять правосудїе; *тотъ лусть помыслитъ токмо о древнихъ правахъ его*.... О сихъ правахъ надобно мыслить токмо тому, кто ихъ знаетъ; а не тѣмъ, кои только пожелаютъ судить о нихъ; ибо не всякому причина преченная открыла свѣденїе объ оныхъ: а потому нельзя о томъ ни мыслить, ни судить, о чемъ мы ни малѣйшей идеи не имѣемъ. *Во время власы его имѣлъ онъ полное право на жизнь и смерть безтѣлесную; понеже, наслаждаясь тогда самъ жизнїю, могъ онъ по изволенїю сообщать ее своимъ подданнымъ, или отнимать ее у*

нихъ, когда благоразумїе его находило сїе нужнымъ; и какъ они присутствїемъ его только и могли жить, то имѣлъ онъ силу, единственно отлучась отъ нихъ, умертвить ихъ. Не всякому понятно, какъ могутъ существа безтѣлесныя претерпѣвать смерть! Ибо слово, смерть, значитъ прекращенїе въ животныхъ дѣятельности тѣлесной: то же сказать, что вещь не вещественная, тѣло не тѣлесное, чего кромѣ мечтающаго проповѣдника, или кого нибудь, имѣющаго подобное ему въ разсудкѣ недугованїе, никто ни сказать, ни представить мыслями себѣ не можетъ. Что принадлежитъ до того, какъ человѣкъ *отлучась отъ своихъ подданныхъ, могъ умертвлять ихъ по своему благоразумїю*; то такое сумасбродство не заслуживаетъ никакого вниманїя, и мы оное отсылаемъ для помѣщенїя въ тысячу одну ночь, или въ другїя вздорныя

и не имѣющія никакого благоразумія басни, коихъ разказываніе употребляется для дѣтскаго усыпленія.

Продолжая разсужденіе свое о уголовныхъ законахъ, онъ говоритъ, что должно *искать преступленія наказанія въ самой той вещи и въ томъ чинѣ вещей, которыя имъ повреждены; а не брать ихъ изъ инаго отдѣленія вещей, которое не имѣя никакого отношенія съ подлежащимъ преступленіемъ, будетъ такъ же повреждено, а преступленіе отъ того не загладится.* О семъ лучше, вразумительнѣе и обстоятельнѣе изъяснили законодавцы, не мечтательное блаженство людямъ обѣщающіе, но ощутительнымъ образомъ благоразумнѣйшими и человѣколюбивѣйшими установленіями оное творящіе; и естьли онъ прочелъ Наказъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ВСЕРОССІЙСКОЙ

СКОЙ МОНАРХИНИ, ВЕЛИКІЯ ЕКАТЕРИНЫ, дачной Коммисіи о сочиненіи проекта новаго уложенія; то нашелъ бы въ 9 главѣ, что [illegible] разсужденіе и польза происходящая отъ онаго въ совершенствѣ исполкована.

Преступленія же наказываются не для того, что бы очѣ заглаживались; ибо никакая сила не можетъ содѣланное учинить не содѣланнымъ; но для того, чтобъ воспрепятствовать другимъ покушаться на оныя.

Уголовные законы писанные, говоритъ онъ, *суть величайшій недостатокъ Государствъ*..... Какимъ же должно законамъ быть, что не писаннымъ? Ожиданіе приговоровъ и судовъ причины дѣйствующей было бы весьма тщетно, и правосудіе только тогда бы исполнялось, когда бы судящій удостоился откровенія ея; а между тѣмъ удержать теченіе пра-

правосудія, кому оно подобаетъ, было бы разрушеніемъ устройства и благоденствія въ обществахъ живущихъ. *Потому что сіи законы мертвы и остаются всегда одинаковы, а преступленіе возрастаетъ и обновляется ежеминутно....* Язвительность законовъ состоитъ не въ томъ, что они мертвы или живы, и мы оставимъ ему сіе различіе, согласующееся съ его мнимыми таинствами; но замѣтимъ только, что не правда то, чтобъ преступленія возрастали; ибо, по мѣрѣ распространенія просвѣщенія, распространяется человѣколюбіе и добродѣтель; а гнусные пороки, преступленія рождающія исчезаютъ; о чемъ достовѣрно свидѣтельствуютъ происшествія тѣхъ вѣковъ, которые больше мрачностію невѣжества покрывались.

Онъ изъявляетъ сѣтованіе свое, что законодатели *опредѣляютъ смертныя казни преступле-*

нїямъ, лаящимъ точно на чувственное и временное... Какъ будто бы можно было опредѣлять смертныя казни за то, что не существуетъ ни въ чувственномъ, ни во времени! Притомъ онъ удивляется, для чего законодатели не опредѣляютъ такой же казни угражняющимся, по мнѣнїю его, въ ученїяхъ развратныхъ и системахъ заразительныхъ, то есть, въ ученїяхъ, противныхъ его мечтательной системѣ. Видно, что много и пустоглаголивой проповѣдникъ не только жестокосердъ, такъ какъ мы выше упоминали, но еще и непрїятель кроткаго позволенїя, каждому воспрїять и слѣдовать мнѣнїямъ о существахъ, слабому разсудку человѣческому непостижимыхъ, по убѣжденїю разума и совѣсти своей! Лживые пророки и метафизичные учители всегда были гонители на трудящихся въ прїобрѣтенїи познанїя о истинныхъ, утвержденныхъ на благоразумїи и

дока-

доказательствахъ несомнѣнныхъ. Но естьли какое ученіе заслуживаетъ наказаніе, то конечно не то, которое посредствомъ испытанія сопровождаетъ къ познанію естественныхъ вещей, пользу обществу или и самому Правительству принесть могущихъ; но то, въ которомъ ласкаютъ человѣка, что онъ можетъ своими *трудами, дарованіями и качествами пріобрѣсть лучшаго работника и подданническаго подобными себѣ*; то, въ коемъ преподаютъ наставленіе, что *человѣкъ не имѣетъ права подчинить себя другому человѣку*; и наконецъ то, въ коемъ утверждаютъ, что *всѣ обязательства человѣка не законны, ничтожны* и что онъ самъ собою никакихъ обязательствъ заключить не можетъ. Всякой легко можетъ видѣть, сколь вредныя дѣйствія изъ такого дерзкаго и безумнаго ученія для Правленій и обществъ произтечь могутъ.

После приведенія въ безгласность правосудія воздаваемаго судьями, дабы оно было ожидаемо отъ причины дѣйствующей, онъ такимъ же образомъ уничтожаетъ Врачебную науку съ ея искусниками и заставляетъ Владыкъ вѣчныхъ быть самихъ врачами; вымышляетъ для нихъ другую науку врачеванія, основанную на такихъ же началахъ, на какихъ основано все его мрачное ученіе; не смотря на то, что въ сей наукѣ никакія мечтанія, никакія спорныя системы, кромѣ опытнаго примѣчанія дѣйствія ощутительнаго вещей тѣлесныхъ, не способствуютъ къ изцѣленію скорбей человѣческихъ. Но какъ понятія его въ Физикѣ, а наипаче въ Физіологіи и въ Медицинѣ весьма тѣсными предѣлами окружаются, и разсужденія его какъ въ первой, такъ и въ послѣднихъ больше жалости, нежели вниманія достойны; то мы предложимъ вкратце состроенную имъ систему врачеванія.

По

По мнѣнію его, болѣзни происходятъ отъ прехъ стихій, оставшихся по изключеніи воздуха изъ числа онныхъ, когда *начала ихъ устремляются преодолѣвать другъ друга, или разлѣляются между собою*... Здѣсь онъ великодушно снабжаетъ стихіи началами, состоящими въ сѣрѣ, соли и меркуріи, несмотря на то, что онѣ сами начала всѣхъ тѣлъ. Ему конечно открыто о сихъ стихійныхъ началахъ отъ причины дѣйствующей; ибо по нынѣ, такъ какъ мы выше упоминали, еще никакими испытаніями не могли достигнуть до раздробленія ихъ, и познанія въ нихъ другихъ началъ. *То тотчасъ и безошибочно увидитъ* (земный Владыка) *средство къ возстановленію порядка.*

И сего ради, присовокупляетъ онъ, *Врачебная наука заключается должна въ семъ простомъ, единственномъ, а слѣдова-*

вательно и всеобщемъ правилѣ: собирать, что раздѣлено, и раздѣлять, что сорощно .... Сіе правило не къ Медицинѣ принадлежитъ, но къ Хирургіи, которая трудится соединять сверьхъ естественное раздѣленіе твердыхъ частей человѣческаго тѣла, и раздѣлять таковое же очыхъ частей соединеніе. Потому онъ и разсуждаетъ, что когда суть только три стихіи, то надобно, чтобъ было только и три болѣзни, которыя относятся *къ главнымъ системамъ, состовляющимъ животное тѣло, то есть, къ крови, кости и къ плоти, которыя всѣ три части относительны каждая къ одной изъ стихій, отъ которой происходятъ.*

И потому онъ ищѣляетъ плоть солью, кровь сѣрою, а кости меркуріемъ; слѣдственно по сему преисходному его врачебному искуству надлежитъ, когда инфламмація въ крови,

или

или жаръ приводитъ оную во вредное волненіе, давать больному сѣру; когда на кожѣ бываютъ чирьи и другіе припадки, источникъ свой въ поврежденной крови имѣющіе, тогда натирать кожу солью; а когда будутъ кости болѣть, то давать меркуріальныя Фрикціи.

И таковая вся премудрость должна быть только тому открыта, который больше приближился къ первобытному свѣту и удостоился имѣть откровеніе отъ причины временной.

Напримѣръ извѣстно, разсуждаетъ онъ, *что болѣзни плоти и кожи происходятъ отъ сгущенія и порчи соляныхъ отѣдковъ въ волокнистыхъ сосудахъ, гдѣ они могутъ сдѣлаться недвижными отъ быстраго и внезапнаго дѣйствія воздуха, равно какъ и отъ весьма слабаго дѣйствія въ крови*... Врачамъ не извѣстно, какъ

болѣз

болѣзни кожи и плоти происходятъ отъ соляныхъ отѣдковъ, спустившихся въ волокнистыхъ сосудахъ, которыхъ отѣдковъ въ анатомическомъ разсматриваніи тѣлъ еще не примѣчено. Они только знаютъ, что припадки случающіеся на кожѣ и плоти, какъ напримѣръ: чирьи, апостемы, разныхъ родовъ заповердѣлости, раки, фистулы и проч. не отъ того происходятъ, что на поверьхности кожи, подъ епидермію или перепонкою въ волокнистыхъ сосудахъ, испещряющихъ въ неисчисленномъ множествѣ всю кожу, могутъ спустишься отѣдки соляные; но отъ поврежденной крови и другихъ внутреннихъ жидкостей, въ сіи сосуды изливающихся. Волокнистые сосуды суть, какъ всѣмъ Физіологамъ извѣстно, каналы нечувствительной испарины, которая такъ изобильна, что больше половины человѣческой пищи чрезъ оную выходитъ, и отъ пресѣченія которой случаются скорьби не на ко-

жѣ,

жѣ, но во всѣхъ частяхъ тѣла; ибо препятствіе къ исхожденію сей испарины, обращаетъ оную во внутренность, отъ чего приключаются опаснѣйшія и смертельныя болѣзни.

Однако же онъ, видя нелѣпость сольныхъ своихъ лѣкарствъ, излѣчающихъ сольные отекѣдки, говоритъ: *должно признаться, что сія соль еще не извѣстна человѣческой Врачебной наукѣ*... Она извѣстна только Врачебной наукѣ временной причины и ечу, такъ какъ уходнику ея; *и для того то сія такъ мало и успѣла въ изліченіи упомянутаго рода болѣзней.* И для того мы сей вздоръ причислимъ къ таковымъ же прочимъ, хранящимся подъ его таинственнымъ покровомъ.

Во вторыхъ въ болѣзняхъ костей, меркурій долженъ быть употребляемъ съ великою умѣрен-

ренностію; потому что онъ сильно связываетъ и стѣсняетъ прочія два начала, поукрѣпляющія жизнь всѣхъ тѣлъ, и потому что онъ, связывая преимущественно сѣру, бываетъ разрушителемъ всякаго возрастанія какъ земнаго, такъ и животнаго.... Мы не будемъ съ нимъ спорить о семъ мысленномъ меркуріи, называемомъ Алхимиками меркуріемъ философическимъ, и о коемъ они разныя понятія имѣютъ; ибо мы показали выше, что нѣтъ врожденнаго меркурія, ни въ человѣческомъ тѣлѣ ни, въ другихъ существахъ; но замѣтимъ только, что меркурій извѣстной и отъ чувствъ не убѣгающій, ничего не связываетъ и ни къ чему не присоединяется, кромѣ металловъ: почему и не помѣщается въ классѣ лѣкарствъ называемыхъ астрингенсъ, то есть, сжимающихъ или вяжущихъ.

Мы

Мы оставимъ его бредить о трехъ всеобщихъ болѣзняхъ, о трехъ стихіяхъ, о трехъ всеобщихъ лѣкарствахъ; но только не можемъ пройти безъ замѣчанія маленькаго поученія, которое онъ дѣлаетъ Государямъ, при окончаніи пятаго отдѣленія своей книги.

И такъ я надѣюсь, говоритъ онъ, *что Государи, какія бы заключенія не выводили, изъ представленнаго имъ отъ меня начертанія; не должны однако никакъ почитать мои начальныя положенія противными власти ихъ, когда я ничего болѣе не желаю, какъ увѣрить ихъ, что они могутъ пріобрѣсть власть непобѣдимую и не поколебимую.* Сіе желаніе въ нашемъ проповѣдникѣ, сказать его изреченіемъ, есть противудѣйствіе желанію, которое онъ во всей своей книгѣ изъявляетъ, тому желанію, чтобъ утвердить и распространить уче-

нїе совсемъ не согласное съ теперешнимъ его желанїемъ. Ибо нельзя не почитать положенїя противными власти Государей, когда сїи безумныя положенїя приглашаютъ, не однихъ Государей, но каждаго пріобрѣсти право рабства надъ другими, трудами и дарованїями своими могущими всякаго приближить, такъ какъ и сего мнимаго пророка къ первобытному свѣту, дабы почерпнуть въ ономъ право владычествовать надъ подобными себѣ. Здѣсь примѣтить надобно надмѣнность его; понеже онъ, не смотря на неустройное для общества и противоборствующее первенствующему начальству ученїе, повелѣваетъ, чтобъ Государи не почитали противными власти ихъ развратныя его положенїя. Не достаетъ только того, чтобъ онъ къ сему прибавилъ: *ибо такое наше соизволенїе по пріобрѣтенному дарованїями и качествами нашими праву под-*

полганичества и рабства надъ подобными намъ.

Послѣ таковыхъ благоразумныхъ поученій правителямъ Государствъ, онъ переходитъ къ наставленію новой Математики, основанной на тѣхъ же метафизичныхъ началахъ, на которыхъ вся странная его система мнимой премудрости основана. *Понеже мѣра находится*, говоритъ онъ, *всегда въ томъ началѣ, отъ котораго чувственное произведеніе получило бытіе; то какъ можно сему произведенію чувственному и страдательному быть самому себѣ мѣрою и доказательствомъ?*.... То есть, что по его мнѣнію мѣра не можетъ быть мѣрою сама себѣ; и слѣдственно чтобъ узнать, что два аршина протяженія точно ли суть два аршина, не надлежитъ ихъ мѣрить опредѣленною къ тому мѣрою, но надобно искать мысленнаго и невещественнаго начала, откуда

сіе протяженіе бытіе свое получило. *И есть ли такія существа кромѣ не созданныхъ, или кромѣ существъ истинныхъ, которыя бы могли сами себя доказывать?* Существо не созданное почитается единое все сотворшее. Предложеніе многихъ существъ не созданныхъ, могло помѣстишься только въ странное воображеніе естественную и сверьхъ естественную премудрость себѣ приписующаго. По его математическому наставленію умственная Математика столько же ясна и неизмѣняема, сколько чувственная темна и ограничена. Не всѣмъ Математикамъ покажется вразумительно, какъ умственная Математика можетъ быть яснѣе чувственной, и почему сія послѣдняя темна, когда она изъ трехъ равныхъ линѣй представляетъ равносторонной треугольникъ, а изъ четырехъ такожьихъ же, равнобочной четвероугольникъ.

Онъ

Онъ утверждаетъ, что прямая линѣя имѣетъ сношеніе съ правильностію нравственною; а круговая линѣя съ безпорядкомъ нравственнымъ. *Однако же*, прибавляетъ онъ, *я предупреждаю, что сіи истинны не всѣмъ людямъ будутъ ясны....* Мы его увѣряемъ, что сіи не истинны, но суесловіе и пустомысліе, не только не всѣмъ людямъ, но и никому, имѣющему правильной разсудокъ не будутъ ясны. *А еще менѣе тѣмъ, которые слѣдовали ложнымъ началомъ мною опровергаемымъ...* Въ какомъ жалостномъ былъ заблужденіи весь родъ человѣческій, что слѣдовалъ другимъ, а не его началамъ! *Чтобъ понимать слова мои, надлежитъ поставить себѣ за первое дѣло, изъискивать вещи въ самомъ ихъ источникѣ, а не въ представленіяхъ ума составленныхъ воображеніемъ и скоролостижными разсужденіями.* Симъ изображеніемъ,

ечЪ, *чтобЪ понимать слова мои*, онЪ открываетЪ безпредѣльное свое честолюбіе и желаніе показать себя учителемЪ требующимЪ повиновенія отЪ подобныхЪ себѣ; ибо онЪ для того заставляетЪ стараться понимать слова его, представляющія многосложныя его мечтанія, коихЪ онЪ самЪ ни распутать ни изъяснить не можетЪ, чтобЪ думали, что имЪ самимЪ истолкованіе оныхЪ есть ниже его, и что онЪ не почитаетЪ такого снисхожденія читателей своихЪ достойными. Нѣсколько забавно, что тотЪ, который наполнилЪ цѣлую книгу всякаго рода нелѣпостями, произшедшими отЪ воображенія преисполненнаго заблужденіями и химерами, запрещаетЪ полагаться на разсужденія составленныя воображеніемЪ.

Но я знаю, сколь мало есть людей способныхЪ къ сему отважному предпріятію... Къ

тому,

тому, чтобъ для понятія премудрыхъ словъ его искали вещей въ самыхъ ихъ источникахъ, то есть, въ источникахъ безпѣлесныхъ. *Да хотя бы и много такихъ было, я долженъ предполагать, что весьма немногіе изъ нихъ получатъ совершенный успѣхъ...* Сіе увѣдомленіе онъ очень благоразумно почѣстилъ; дабы тѣ, которые захотятъ искать безпѣлесныхъ источниковъ и не нашедъ ихъ, не ссылали бы на него въ разсужденіи его предсказанія о не полученіи ими успѣховъ. Однако сіе осторожное предвареніе было излишне; ибо весьма мало найдется такихъ, которые пожелали бы терять время свое, чтобъ понимать его слова, которыя кромѣ гордости и мечимыхъ сокровенностей, ничего удовлетворительнаго для разсудка, утверждающагося на явственныхъ и неоспоримыхъ доказательствахъ не содержатъ.

Напримѣръ: можетъ ли здравомыслящій читатель принять за истинну отношеніе его прямой линѣи къ Божеству? Ибо онъ такимъ образомъ хочетъ утвердить безобразное свое мнѣніе: *какое дѣло есть прямой линѣи? не то ли, чтобъ продолжать до безконечности произведенія той точки, изъ которой она истекаетъ? А яко перпендикулярной линѣи не то ли, чтобъ уставлять и уравнивать основаніе всѣхъ существъ и каждому изъ нихъ начертывать свои законы?* Не есть ли совершенное отступленіе отъ разсудка, чтобъ думать и вѣрить, что перпендикулярная линѣя уставляетъ основаніе существъ, и каждому изъ нихъ начертываетъ свои законы! Въ какое развращенное воображеніе можетъ такая мысль водвориться, и можетъ ли такое подобіе достойно быть Творителя всего? Что прямая линѣя изъ точки продолжается до безконечно-

нечности, а перпендикулярная, служитъ къ уравненію прямости вещей возвышающихся отъ земли, потому сіи линѣи имѣютъ свойства Божественныя! Не можно человѣку, разсматривающему и оцѣняющему вѣ его пустомысленныя и мнимыя тайны возвѣщающія предложенія, читать и не находиться въ нѣкоемъ непріятномъ положеніи ума, видя новаго мудреца кичущагося толь невѣроятными заблужденіями.

Онъ увѣряетъ, что круговая линѣя есть врагъ прямой линѣи, и потому онъ *безбоязненно* утверждаетъ, *что число ихъ есть различно. Не обинуясь скажу*, прибавляетъ онъ, *что прямая линѣя имѣетъ на себѣ число четыре, а круговая линѣя число девять; и смѣло увѣряю, что нѣтъ иного кромѣ сего средства достигнуть къ познанію ихъ* .... Мы очень вѣримъ ему, что онъ никогда не обинуется,

смѣлъ, безбоязненъ въ сотвореніи чудовищныхъ мечтаній и дерзокъ въ разсужденіяхъ своихъ на оныхъ опирающихся; ибо почти всѣ предложенія книги его, знаменующіяся противуразсудными особливостями, не дозволяютъ въ томъ сомнѣваться: но тому не можемъ повѣрить, чтобъ круговая линѣя была врагъ прямой линѣи и стремилась бы разрушать ея; ибо мы разумѣемъ о прямой и круговой линѣи такъ, какъ здравой разсудокъ разумѣть о нихъ научаетъ, не дозволяя въ нихъ подозрѣвать химирическихъ существъ, которыхъ онъ намъ въ оныхъ представляетъ.

Знаю, что можетъ сіе казаться невразумительнымъ; столь много вещество овладѣло разумомъ подобныхъ мнѣ!.... Знаютъ подобные ему читающіе книгу его, сколь много пустомысліе имъ овладѣло.

Онъ

Онъ укоряетъ несмысленностію Геометровъ, что они приписываютъ движеніе протяженію или веществу; ибо онъ увѣряетъ, что движеніе не въ веществѣ находится, но въ началахъ безтѣлесныхъ. И потому, теченіе какой либо рѣки не есть движеніе тѣлесности воды, но движеніе безтѣлесныхъ началъ, которыя несутъ воду по ея стремленію; когда ядро выстрѣленное изъ пушки лѣтитъ къ цѣли своей, то сіе дѣлается не отъ того, что ядро отъ силы пороха получило движеніе свое, но отъ того, что безтѣлесныя начала мчатъ его туды, куда оно выстрѣлено; естьли съ какой либо высоты тѣло лѣтитъ на землю по законамъ тягости къ центру земли, то равнымъ образомъ начала безтѣлесныя сему движенію суть причиною.

По томъ онъ говоритъ, что *натура вещественная, имѣющая протяженіе, не можетъ составлена*

лена быть, какъ только изъ линѣй не прямыхъ, или что всѣ равно, нѣтъ въ натурѣ ни одной прямой линѣи. По сему его предложенїю, прямая линѣя, имѣющая число четыре, не находится въ натурѣ; и для того онъ не рѣдко повторяетъ, что онъ не надѣется, чтобъ его понимали, что сїе можетъ казаться невразумительнымъ; но когда онъ не надѣется, чтобъ его понимали, на что же обременять другихъ чтенїемъ непонятнымъ, и потому скучнымъ и безполезнымъ. Естьли онъ находилъ удовольствїе въ мечтанїяхъ; то нельзя было ему предполагать, что съ такимъ же удовольствїемъ было можно читать оныя.

Знаю, что сего не довольно, что изключилъ я изъ натуры прямую линѣю; надлежитъ предложить и причины побудившїя меня къ тому... Сїи причины суть, что огнь не былъ нача-

началомъ тѣлъ, но токмо внѣшнею причиною помогающею растущему началу, что всякая жидкость есть собраніе шаровидныхъ частицъ; и что между данныхъ двухъ точекъ разстояніе наполнено меркуріальными воздушными частичками. *И такъ, разсуждаетъ онъ, поелику нѣтъ въ тѣлахъ непрерывности, а все въ нихъ составное и прерывное, то не возможно никоимъ образомъ полагать въ нихъ прямыхъ линѣй.*

Не правда, что бы въ тѣлахъ была прерывность; всякое тѣло потому есть тѣло, что всѣ части онаго прикосновенныя другъ къ другу составляютъ одно цѣлое и непрерывное. Смѣшно представить себѣ какое либо животное, имѣющее прерывность въ тѣлѣ своемъ его не повреждающую. Вообразимъ человѣка съ сею прерывностію; какое бы странное замѣшательство въ общежитіи отъ того произойти могло! Напри-

Напримѣръ : въ какомъ нибудь многолюдномъ собранїи, сколькобъ рукъ и ногъ было перемѣшанныхъ! И какая бы трудность была всякому находить ему принадлежащїя, могущїе по прерывности своей смѣшаться съ прочими, по такой же причинѣ отдѣлившимися отъ тѣлъ своихъ! Но какъ по мнѣнїю нѣкоторыхъ, не бываетъ худа безъ добра, такъ какъ и по ученїю нашего мудреца, добро и зло владычествуютъ и отъ недѣйствїя ихъ произошло бы безплодїе въ дѣлахъ ихъ; потому изъ сей прерывности могла бы произойти нѣкоторая полезность для частныхъ людей. Ибо въ такомъ положенїи тѣлъ, можно было бы снабжать другъ друга потребною частїю тѣла, напримѣръ: имѣющему глупую голову можно было бы занять на нужной случай умную; имѣющему неискусныя руки, тяжелыя ноги, такъ же удобно было бы пріятельское вспоможенїе. Въ видѣ такого изображенїе

женія можно согласиться, съ мечтающимъ проповѣдникомъ, что истины его были бы не безполезны роду человѣческому.

Сіи премудрыя причины къ изключенію изъ естества прямой линѣи суть ясныя доказательства, что она не существуетъ въ ономъ; и потому естьли мы видимъ какое либо протяженіе прямое, то надобно мыслить, что оно не прямое; а кривое, потому что въ немъ есть неравность зрѣнію не ощутительная. Напримѣръ: естьли мы видимъ гладкой и чистой мраморъ, представляющій горизонтальную или вертикальную линѣю, то не надлежитъ думать, что оной намъ представляетъ прямую линѣю, но кривую; поелику все въ немъ составное и прерывное. Однако главнѣйшая причина къ уничтоженію прямой линѣи въ натурѣ, состоитъ въ томъ, что *прямая линѣя есть емблема безконечности и непрерывно-*

рывности произведенїй той точки, изъ которой она изходитъ.

Но прейдемъ отъ сего вздора, на которомъ мы больше остановились, нежели было надобно, къ числу превыспренняго Метафизика четыремъ и девяти; первое принадлежитъ, не только къ умственной прямой линѣи, но еще къ движенїю и востоку; а число девять не къ одной круговой линѣи, но и къ протяженїю; сложные же сихъ чиселъ тринацать значитъ число натуры; ибо онъ говоритъ: *востокъ, который числомъ четыре можетъ одинъ обнять все пространство, понеже соединясь съ числомъ девять, или съ числомъ протяженїя, то есть, соединя дѣйствующее со страдательнымъ, составляетъ онъ число тринатцать, которое есть число натуры.* Четыре значатъ первую причину, а девять вещество, соединенїе

ненїе четырехъ съ девятью разумѣется, что оная причина послала управлять веществомъ и безтѣлесными существами въ ономъ обитаемыми, вторую дѣйствующую причину; и какъ четыре и девять составляютъ число 13, то выходитъ изъ того натура, то есть, всѣ его причины, безтѣлесныя существа и вещество.

Но сего еще не довольно; ОРЪ число четыре прилагаетъ солнцу, а девять лунѣ; однако по обыкновенїю своему когда съ лишкомъ запутается въ своихъ бредняхъ, тогда имѣетъ прибѣжище къ скромности, невозможности изъясняться, къ обязательству и проч. Такимъ образомъ и тутъ говоритъ: *для чего не могу я распространиться болѣе о семъ девятерномъ числѣ, которое прилисываю лунѣ и слѣдственно и землѣ, коея она есть слутница? Чрезъ число сея земли показалъ бы я, какое дѣло ея и званїе во вселенной; а*

сіе могло бы намъ открыть знаки истиннаго образа, ею носимаго, и еще болѣе объяснить нынѣшнюю систему, по которой она не есть неподвижна, а обтекаетъ весьма великій кругъ. Что принадлежитъ до дѣла и званія земли, мы оставляемъ его произносить жалобныя восклицанія, для чего онъ не можетъ распространиться о девятерномъ числѣ, хотя онъ послѣ и довольно обширно распространяется; но касательно до образа и движенія земли, то совсемъ другіе Физики и Астрономы, нежели проповѣдникъ мнимой временной причины истолковали, какъ образъ, такъ и движенія ея, не таинственными выраженіями и не девятернымъ числомъ, но доказательствами утвержденными долговременными примѣчаніями и вѣрнѣйшими изчисленіями. Послѣ Коперника, Галилея, Невтона, Мопертюя, Бюфона, мы не совѣтуемъ ему разсуждать, ни объ образѣ, ни

о дви-

о движеніи земли, развѣ по обыкновенію своему невнятными и неразумительными изреченіями, словомъ: развѣ такимъ же вздоромъ, каково есть слѣдующее его разсужденіе.

Ибо Астрономы можетъ быть излишно торопливы были въ своихъ разсужденіяхъ; прежде, нежели положиться на свои наблюденія, надлежало бы имъ изслѣдовать, которое изъ тѣлесныхъ существъ долженствуетъ дѣйствовать болѣе, то ли, отъ котораго противительное дѣйствіе исходитъ, или то, которое пріемлетъ оное; не быстрѣйшая стіхія огонь, и кровь ли, не скородвижнѣе ли тѣхъ тѣлъ, въ которыхъ она протекаетъ? надлежало бы имъ подумать, что земля, хотя и не занимаетъ центра круговыхъ путей звѣздъ, однако можетъ служить имъ пріятелищемъ, и потому должна принимать и о-

жидать отъ нихъ вліяній, не будучи однако принуждена прибавлять второе тѣлесное дѣйствіе къ дѣйствію растительному, свойственному ей, котораго сіи звѣзды лишены.

Быстрѣйшая стихія огнь, скородвижная и вдругъ явившаяся въ Астрономическихъ предложеніяхъ кровь! Земля служитъ пріятелицемъ звѣздамъ! Всѣ сіе безобразное и здравой разсудокъ оскорбляющее пустословіе, признаться должно, мы думаемъ, что не можетъ произойти, какъ отъ человѣка бредящаго отъ поврежденія разума своего, или отъ совершенно наглаго шарлатана повинующагося тщеславію имъ управляющему, чтобъ только пустозвучнымъ вздоромъ ослѣпить читателей своихъ. И прилично ли такому толкователю круговыхъ путей звѣздъ, и пріятелица земнаго, охуждать Астрономическія наблюденія

учи-

учиненныя со всевозможною точностїю, и порицать Астрономовъ, что они на оныхъ полагаются; онъ конечно мыслитъ, что имъ надлежитъ полагаться на его четверномъ и девятерномъ числѣ.

Наконецъ самые простые опыты надъ конусомъ показали бы имъ истинный образъ земли, и мы могли бы имъ открыть въ самомъ прелопредѣленїи ея, въ чинѣ, какой она занимаетъ между сотворенными существами, и въ свойствахъ перпендикулярной, или прямой линѣи непреоломимыя затрудненїя, которыхъ системы ихъ рѣшить не могутъ.

Нашъ скромный учитель требуетъ, что бы всѣмъ его самохвальствамъ вѣрили по его одному слову. Но естьли нѣкогда безпредѣльную довѣренность славный Философъ Пивагоръ имѣлъ отъ учениковъ сво-

ихъ, вѣровавшихъ всѣмъ мнѣніямъ его, и которые въ разсужденіяхъ своихъ инаго доказательства не предлагали, какъ сказавъ: учитель такъ повѣдалъ; тогда Физическія познанія не были освѣщены испытаніями великихъ мужей, какъ въ нынѣшнія времена, и Пиѳагоръ не былъ пророкъ мнимой дѣйствующей причины; но имѣлъ превосходной и здравой разсудокъ. Онъ изобрѣлъ не въ мысленной Математикѣ, но въ дѣятельной и чувственной, доказательства четвероугольника и гипотенузы. При томъ должно ли ему сказать, что лучшіе Астрономы, не на системахъ утверждаются, но вѣрнѣйшими съ помощію инструментовъ примѣчаніями и вычисленіями опредѣляютъ шествія планетъ, и движеніе въ точности небесныхъ тѣлъ.

Тутъ паки повторяетъ онъ сожалѣніе свое, что всего того, что бы онъ могъ, сказать не можетъ.

жетъ. *Для чего не могу показать отношенїй, находящихся между сею землею и тѣломъ человѣка, который составленъ изъ той же сущности, понеже изъ нея произшелъ? естьли бы расположенїе моея книги позволяло, вывелъ бы я и въ неосторожность о ихъ сходства, свидѣтельство единообразности законовъ ихъ и размѣровъ, изъ чего легко можно бы усмотрѣть, что обоимъ та же цѣль предлежитъ.* Расположенїе всякой книги долженствуетъ быть такое, что бы оно было внятно и вразумительно; потому никакое расположенїе книги не можетъ препятствовать, къ ясности и вразумѣнїю въ ней содержащагося; наблюдать иное правило въ сочиненїи, было бы пищетно и безполезно.

Къ сему онъ еще прибавляетъ: *открылось бы такъ же и то, что сїя земля должна быть,*

для него почтена, какъ мать его, и лошадку послѣ причины разумной и послѣ человѣка, она есть мощнѣйшее существо временной натуры, то сама она есть и доказательство, что нѣтъ тѣлесныхъ мѣровъ, кромѣ сего видимаго. Вотъ что называется, сильнымъ образомъ разсуждать! Однако онъ еще подкрѣпляетъ толь неоспоримое доказательство о небытіи другихъ мѣровъ, не меньше убѣдительнымъ разсужденіемъ. Понеже человѣкъ захотѣлъ все разлучить, все отсѣчь, то и полагаетъ онъ множество иныхъ мѣровъ, у которыхъ звѣзды суть ихъ солнцы, и которые между собою не болѣе имѣютъ сношенія, какъ и съ мѣромъ обитаемымъ нами, какъ будто таковое отдѣленное существованіе можно согласить съ тою идѣею, какую мы имѣемъ о единицѣ, и будто человѣкъ, яко существо умное, ежели

мни-

мнимые сіи мїры существуютъ, не имѣлъ бы о нихъ свѣденія. Мы не будемъ оспоривать нашему пророку, яко существу бредящему, свѣденіе о несуществованіи другихъ мїровъ; ибо имѣя столь тѣсное знакомство съ безтѣлесными существами, можетъ быть онъ съ нѣкоторыми изъ нихъ, дѣлавъ путешествіе по безконечному и не измѣримому пространству, въ которомъ неизчетное множество небесныхъ тѣлъ обращается освѣдомился, что нѣтъ другихъ мїровъ; и мы не осмѣлимся нашими мїрскими умствованіями отрицать такое благоразумное его утвержденіе.

Вотъ еще безстыднѣйшее самохвальство, какое только можетъ, не писатель, но отважнѣйшій шарлатанъ употребить самъ о себѣ. *Что-жъ бы было*, говоритъ онъ, послѣ недавно вышеупоминаемыхъ вздоровъ, *когда бы я осмѣлился говорить о началѣ, ко-*

торое оглушевляетъ ее (землю)?.. Чрезъ сіе, *что-жъ бы было*, онъ хочетъ сказать, что онъ то, есть превосходнѣйшій въ свѣтѣ всѣхъ мудрецъ и учитель, и что онъ то, подлинно просвѣтилъ бы всѣхъ и открылъ бы великія истины, естьли бы осмѣлился говорить. Но мы скажемъ на сіе, *что же бы было*, что бы были такія же бредни, какими онъ щедро книгу свою обогатилъ, наскучивъ тѣмъ читателямъ, которые почитаютъ за совершенную и безразсудную пустоту всѣ его мнѣнія и нелѣпое ученіе.

Потомъ онъ послѣ скромнаго своего вопрошенія, *что же бы было*, говоритъ: *но можетъ я и такъ излишне сказалъ, и ежели поступлю далѣе, страшусь нарушить права не принадлежащія мнѣ*... Мы ему совѣтуемъ, чтобъ онъ страшился только надмѣнныхъ и безразсудныхъ своихъ самохвальствъ, а не того, что бы онъ могъ въ самомъ

момъ дѣлѣ представить что полезное человѣкамъ.

Наконецъ онъ не смотря на страшливость и упорность свою, открыть тайну о четверномъ и девятерномъ числѣ, и почему сіе послѣднее значитъ вещество, поднимаетъ часть покрова, коего въ поднятіи онъ столько колебался, и изъясняетъ, что окружность представляется нулемъ, а центръ можетъ быть принятъ за единицу, которая будучи совокуплена съ нулемъ составляетъ десять 10, когдажъ отнимется отъ десятка единица, тогда останется въ числѣ 9, а въ фигурѣ нуль, или круговая линѣя. *Теперь видишь*, говоритъ онъ, съ тщеславнымъ удовольствіемъ, и съ особливымъ себя одобреніемъ, какъ бы онъ подлинно полезное таинство для человѣчества открылъ, *видишь, не сходны ли другъ съ другомъ число девять и окружность, и не справедливо ли при-*

прилисано мною число девять всему протяженію. Онъ мыслитъ, что симъ каббалистическимъ враньемъ неоспоримое сдѣлалъ доказательство, что вещество соединено съ числами девятью, а сіе число съ веществомъ. Но какое изліяніе надъ благополучіемъ человѣческимъ подобіе нуля съ круговое линѣею имѣетъ! И не весьма ли сожалѣтельно видѣть, что многіе читатели принимаютъ такой пышной вздоръ съ важностію?

Онъ изъясняетъ превосходство числа четвернаго, которое будучи сопряжено съ прямою линѣею, по его увѣренію, есть источникъ и органъ *всего тѣлеснаго и чувственнаго*, то есть, означаетъ первую причину; а не по таинственному изрѣченію всевышняго Создателя. Истолкованіе его о семъ числѣ есть обширнѣе, нежели о девятерномъ; но мы потщимся предложить оное сократительнѣе въ томъ же смыслѣ, въ какомъ пред-

ста-

ставляетъ новый Каббалистъ оное.

Естественный кругъ растетъ вдругъ во всѣ стороны, и центръ его мещетъ изъ себя безсчетное и неисточимое множество лучей, каждый лучь почитается прямою линѣею, то по сей прямизнѣ и по способности его продолжаться до безконечности, онъ есть истинный образъ начала родителя, которой непрестанно производитъ изъ себя, и никогда не отступаетъ отъ своего закона. И какъ кругъ есть собраніе треугольниковъ, и дѣйствія начала родителя, то есть, центра, котораго *лучь есть образъ*, открывается чрезъ тройственное произведеніе; то, прибавя только единичное число центра къ тройственному числу произведенія его, и будетъ четверное число приписуемое прямой линѣѣ.... *что поелику всѣ вещи чувственныя*, прибавляетъ онъ, *происходятъ отъ него*, отъ четвернаго числа, *то и должны имѣть*

имѣть ощутительной знакъ четвернаго своего происхожденія; но какъ сіе четверное число есть единственное, начало родитель чувственныхъ вещей, яко единственное число, которому произволительное качество существенно принадлежитъ, то неотмѣнно надобно быть и одной фигурѣ въ чувственныхъ вещахъ, которая бы его назнаменовала, а сія фигура, какъ сказано, есть квадратъ.

Не можно довольно надивиться въ какое сумазбродное заблужденіе, развращенное воображеніе вовлечь его могло; ибо можно ли не отступя совершенно отъ всякаго разсудка, называть все Сотвореніе квадратомъ и приписывать ему какую либо намъ извѣстную фигуру.

Потомъ онъ, объясняя о радикѣ умственнаго своего квадрата, говоритъ: *но я могу засвидѣтельство-*

стоватъ всѣмъ людямъ, да и они могутъ то узнать, какъ и я, что одно только есть число, которое въ четверо больше своего родикса. Уверяюсь я сколько могу, показать имъ его положительно, какъ для того, что легко его найти, такъ и для того, что есть такія истинны, которыя съ сожалѣніемъ я предлагаю. Не объ истинныхъ предлагаемыхъ жалѣть надобно; ибо полезныя истинны довольно скоро ни предложены, ни разглашены быть не могутъ; но о таковомъ безумномъ и нейсповомъ ученіи, кое составляетъ божество, изъ чиселъ и изъ фигуръ Геометрическихъ, сожелѣть надлежитъ. Не тѣ ли еще истинны, онъ съ сожалѣніемъ предлагаетъ, что сей божественный квадратъ объемлетъ Востокъ, Западъ, Сѣверъ, Югъ, что одна изъ сихъ страна, управляетъ, другая принимаетъ, а двѣ противудѣйствуютъ. *Страшныя перемѣны,* прибавляетъ онъ, кото-

которыхъ слѣды повсемѣстно видны на землѣ, принадлежатъ необходимо дѣйствію двухъ дѣйствующихъ странъ противныхъ, то есть той, въ которой владычествуетъ огнь, и той, гдѣ владычествуетъ вода... Сколько Географы, должны быть ему обязаны за такое важное открытіе. Ибо они думали по сіе время, что вода окружаетъ всѣ страны, а не въ одной пребываетъ. — Тогда не сталъ бы (человѣкъ) видимыхъ имъ ежелнсно слѣдствій, приписывать одной стихіи, кажущейся быть причиною оныхъ, потому что узналъ бы онъ, что сіи переобращенія суть слѣдствія непрестаннаго сраженія сихъ двухъ враговъ, въ которомъ, иногда тотъ, иногда другой преодолѣваетъ; но въ которомъ такъ же не бываетъ побѣдитель безъ того, чтобъ то мѣсто земли, гдѣ было сраженіе не потерпѣло соразмѣрно

съ

съ нимъ и не получило поврежденія и перемѣнъ.

Но онъ тутъ позабылъ про свою дѣйствующую временную причину, безъ которой въ веществѣ ничто не совершается. Какимъ образомъ два друзь другу врага, огонь и вода, находящіяся въ двухъ разныхъ сторонахъ, творитъ сраженіемъ своимъ страшныя перемѣны по всей землѣ, безъ вѣдома и безъ позволенія сей причины, которая такъ нерачительно управляетъ, что два врага не смотря на власть и начальство ея, производятъ на землѣ вредъ и перемѣну?

Однако онъ скоро вспомнивъ нимую привительницу, которую онъ было въ нуляхъ при такихъ важныхъ произшествіяхъ оставилъ, говоритъ: *но еще менѣе удивительными покажутся всѣ сіи явленія, когда приломнимъ, что сіи двѣ противоположныя*

стихіи; сіи двѣ силы, или сей двойственный знакъ всеобщій въ веществѣ, всегда находятся въ зависимости причины дѣйствующей разумной, которая есть ихъ центръ и союзъ, и которая можетъ по изволенію приводить въ дѣйство ту, или другую силу, и даже прелагать ихъ дѣйствію низьому и злому.

Когда огнь и вода находятся въ зависимости сея причины; слѣдственно они не по враждѣ производятъ страшныя преображенія, но по повелѣнію ея, которой они токмо суть орудія. Съ другой стороны какъ же согласить, что причина поставленная для порядка и устройства, нарушаетъ до того сіе устройство, что допускаетъ двухъ враговъ разорять глобусъ земной, и предаетъ несчастное порученное въ надзираніе ея вещество, дѣйствію злаго начала.

По

По мнѣнію его міръ начался осенью, и кончился лѣтомъ. Но когда міръ начался, тогда еще не было ни осени, ни зимы, ни весны, ни лѣта; какъ можно думать, что была осень, когда лѣто еще не существовало? Доказательство, которое онъ сему дѣлаетъ, столько же правильно и премудро, какъ и всѣ другія нами уже изслѣдованныя. *Въ самомъ дѣлѣ*, говоритъ онъ, *когда существа лишаются теплоты солнца, когда сіе свѣтило удаляется отъ нихъ, тогда сближаются они взаимно и соединяются, дабы замѣнить его отсутствіе взаимнымъ сообщеніемъ собственной теплоты...*

Не правда, что бы существа сближались тогда, когда онѣ лишаются теплоты солнца; не правда, что бы сіе свѣтило удаленіемъ отъ земныхъ существъ лишало ихъ теплоты своей. Удивительно, что такой великой мудрецъ, удостоенной

откровенїемъ причины дѣйствующей и разумной, не знаетъ, что зима бываетъ, не отъ удаленїя отъ земли солнца, но отъ приближенїя; ибо въ семъ положенїи солнца съ землею, кратковременное его пребываніе на Горизонтѣ и пологость лучей, не могутъ сообщать столько теплоты, сколько тогда, когда оно бываетъ далѣе отъ земли, и когда прямое удареніе лучей его, и болѣе времени пребыванїя на Горизонтѣ, нежели зимою, сниспосылаютъ на землю благотворительную теплоту возбровляющую и производящую существа, и тотъ жаръ, которой иногда съ лишкомъ ощутителенъ бываетъ. Притомъ, всѣмъ извѣстно, что существа не тогда сходятся, когда солнце лишаетъ ихъ своей теплоты, но тогда, когда теплота онаго становится чувствительнѣе; понеже обитатели воздушные начинаютъ любовные свои союзы весною, насѣкомыя осенью, однако не тогда, когда онѣ уже солнечной

теп-

теплоты лишились; многія животныя ищутъ сближенія своего лѣтомъ; да и самъ человѣкъ къ удовлетворенію естественнаго побужденія, не ожидаетъ отсутствія теплоты солнца.

Изъ сего разсужденія его, что существа сближаются, когда удаляется отъ нихъ солнце, онъ заключаетъ, что міръ получитъ лѣтомъ совершеніе своего всеобщаго теченія; потомъ прибавляетъ: *я не забылъ, что видимое наше солнце рождено, какъ и всѣ тѣла и со всѣми тѣлами смѣстъ; но я знаю такъ же, что есть и другое солнце весьма физическое, котораго сіе только есть начертаніе и подъ надзираніемъ котораго всѣ дѣла рожденія и созданія натуры производились, подобно какъ дневное и годовое обращеніе существъ частныхъ происходится въ надзираніи и по законамъ нашего солнца тѣ*

лесного и чувственнаго. Тутъ причина временная, которая всемъ управляетъ, и безъ которой ничто не сотворяется, паки отъ должности своея отрѣшается, и заступаетъ мѣсто ея видимое и тѣлесное солнце, по законамъ котораго существа производятся: а подъ невидимымъ Физическимъ солнцемъ, коего наше есть начертаніе, онъ разумѣетъ тотъ центръ, который испущаетъ изъ себя лучи неисточимые.

О семъ солнцѣ учитель нашего мнимаго пророка, прославившійся призраками и мысленными своими странствованіями въ небесахъ и въ адѣ, но почитаемыми имъ существенными, въ одномъ сочиненіи своемъ такъ говоритъ: „что солнце есть „въ свѣтѣ безтѣлесномъ, въ томъ „я увѣрить могу, понеже я его ви„дѣлъ. Оно кажется быть подо„бнымъ такому же огненному ша„ру, какъ наше солнце, и поч„ти такой же величины; оно уда-

„лено

„лено отъ ангеловъ, такъ какъ „наше удалено отъ человековъ: ово „не восходитъ и не заходитъ какъ „наше, но пребываетъ неподвижно, „между Зенитомъ и Горизонтомъ; „почему ангели и наслаждающея „вѣчнымъ свѣтомъ и безпрерывною „весною.

Онъ по обыкновенію своему, для извиненія себя въ частыхъ своихъ противурѣчіяхъ и въ безобразности своихъ предложеній не оставилъ прибавить: *и такъ, ради моимъ читателямъ, увѣщеваю ихъ быть осмотрительными и не судить меня, не поняв прежде моихъ мыслей; и ежели хотятъ они разумѣть меня, то надобно иногда взоръ свой простирать далѣе того, нежели что я говорю; ибо и по долгу и изъ осторожности я оставляю многое неизъясненнымъ.* Но мы увѣщеваемъ мнимаго обладателя откровенной премудрости по

долгу человѣколюбія, чтобъ онъ проспиралъ взоръ свой къ здравому разсудку, и прекратилъ бы свои бредни, какъ изъясняемыя, такъ и неизъясняемыя.

Весьма нужна была ему осмотрительность, чтобы не дѣлать Всевышнее существо квадратомъ, и потомъ не опредѣлять ему только одной части изъ онаго; ибо онъ говоритъ: *первый бокъ квадрата, яко база, основаніе, или корень прочихъ трехъ, есть изображеніе существа перваго, единаго, всеобщаго, которое явило себя во времени и во всѣхъ произведеніяхъ чувственныхъ, но которое будучи самаго себя причина и источникъ всякаго начала, имѣетъ свое жилище особо отъ чувственнаго и отъ времени....*

По долгу почтенія всякой твари къ сему существу, источнику всѣхъ началъ, онъ долженъ былъ удержаться называть оное бокомъ квад-

квадрата, и отсылать его въ особливое жилище. Естьли бы онъ самъ наблюдалъ осмотрительность, предписываемую имъ читателямъ; то бы онъ, такъ неискусно и дерзновенно о Всевышнемъ Существѣ не разсуждалъ.

Второй бокъ (квадрата) принадлежитъ сей причинѣ дѣйствующей и разумной...

Третій бокъ есть тотъ, которой означаетъ всѣ содѣйствія, какія бы они ни были, то есть, какъ тѣлесныя и чувственныя, такъ и невещественныя и которыя внѣ времени....

Чрезъ четвертой бокъ, говоритъ онъ, *должно разумѣть разныя начала, дѣйствующія во временномъ отдѣленіи; то есть какъ тѣ, которыя обладаютъ разумными способностями, такъ и тѣ, которыя чувстве-*

ныя токмо и тѣлесныя способности имѣютъ.....

Такая Богословія весьма приличествуетъ той Физикѣ, въ которой преподается, что началу міру сему было осенью, а разрушеніе и конецъ его вослѣдуетъ зимѣ. Она совершенно согласуется со всѣми нелѣпостями сего мечтателя; но не приличествуетъ величеству Всемогущаго Создателя! и безумная мысль, что онъ есть бокъ одного квадрата, противна есть почитанію, которое все твореніе воздавать ему должествуетъ.

И такъ, разсматривая прилѣжно четвертой бокъ сего квадрата, человѣкъ научится воистинну знать цѣну его и преимущество. Тутъ увидитъ онъ ясно заблужденія..... Тутъ воистинну увидитъ каждый благоразумный читатель, до какой степени юродства развращенное воображеніе достигнуть

гнуть можетъ.

Но извѣстно, присовокупляетъ онъ, *что человѣкъ не можетъ уже нынѣ взирать на сей квадратъ съ той стороны, съ какой могъ прежде, и что изъ четырехъ разныхъ отдѣленій, содержащихся въ немъ, занимаетъ нынѣ самое незнатное и мрачное, когда напротивъ въ первобытности своей занималъ первое и свѣтлѣйшее.* Какъ могъ человѣкъ занимать въ семъ квадратѣ мѣсто перьвое и свѣтлѣйшее, когда въ томъ же квадратѣ, по опредѣленію премудраго Богослова, занимаетъ перьвой бокъ, *перьвое существо источникъ всѣхъ началъ?* Хотя сей химерическій квадратъ не можетъ никому быть понятенъ; однако противорѣчіе, опредѣляющее человѣку перьвое и свѣтлѣйшее мѣсто тамъ, гдѣ перьвое существо присутствуетъ, ясно и внятно. Вотъ другое

проти-

противорѣчіе которое, еще яснѣе!

Нѣтъ у него (у человѣка) *болѣе сего преимущества драгоцѣннаго, которымъ онъ наслаждался во всемъ его пространствѣ, когда, имѣя мѣсто свое между квадратомъ временнымъ и между тѣмъ, который внѣ времени, могъ читать вдругъ и въ томъ и въ другомъ....* Естьли человѣкъ занималъ мѣсто между квадратомъ временнымъ и между тѣмъ, который внѣ времени, и когда онъ находясь между обоими квадратами, могъ читать вдругъ и въ томъ и въ другомъ; какимъ же образомъ онъ могъ занимать въ божественномъ или внѣ временномъ квадратѣ первое и свѣтлѣйшее мѣсто? Ибо всякому не лишенному разсудка извѣстно, что нераздѣлимое, или вещь не могущая претерпѣть раздѣленія безъ поврежденія, не можетъ быть въ одно время въ двухъ мѣстахъ отдѣленныхъ.

И такъ весьма то истинно, что не возможно нынѣ человѣку безъ вспоможенія достигнуть къ познаніямъ, содержащимся въ квадратѣ, о которомъ говоримъ; понеже онъ не является ему въ томъ видѣ, который одинъ можетъ сдѣлать ему его вразумительнымъ. И такъ совершенно истинна то, что не возможно никакому человѣку, кромѣ сего Каббалистико-Метафизическаго проповѣдника, такъ безумствовать какъ онъ. Хотя онъ и хочетъ сими словами показать, что безъ помощи сея причины дѣйствующей, которую онъ проповѣдуетъ, не можно понять сего мнимаго квадрата, и что онъ самый тотъ, который имѣлъ сіе воспоможеніе и достигъ до познанія онаго; однако мало найдется читателей, которые бы такому наглому увѣренію, тщеславіемъ и безмѣрнымъ самолюбіемъ произнесенному повѣрили; и мы можемъ утвердить,

не удаляясь отъ сущей справедливости, что всѣ его строчныя, и пустомысліе означающія изрѣченія, которыми онъ хочетъ подобныхъ себѣ научить мечтаніямъ своимъ, кромѣ гордости, самохвальства, поколебанія разсудка и шарлатанства ничего не означаютъ.

Конечно такъ же вторая причина открыла ему, что первая причина подвержена принадлежностямъ своимъ; ибо онъ о семъ такъ разсуждаетъ: *не покажется никакъ мечтательнымъ то, что я здѣсь утверждаю, когда разсудить, что и въ самомъ своемъ лишеніи человѣкъ имѣетъ еще способности желанія и воли; а имѣя способности, надобно имѣть и принадлежности для объявленія оныхъ; понеже и сама первая причина подвержена тому, какъ и все, что къ сущности ея принадлежитъ, что не можетъ ничего являть безъ помо-*

помощи своихъ принадлежностей. Послѣ заключенія первой причины въ квадратѣ и опредѣленія ея къ одному боку, нѣтъ уже никакой нелѣпой мысли, которая бы казалась безобразностію; однако мы почитаемъ за нужное замѣтить, что слово подверженіе, не можетъ относиться къ Творцу и Содержителю всего; ибо оно значитъ принужденіе и отнятіе свободы слѣдовать волѣ своей. Въ древнее время у язычниковъ Юпитеръ былъ подверженъ судьбѣ и не могъ преступить, что сею было опредѣлено: но Всемогущество Божіе, кое есть начало и источникъ всякаго бытія и всякой принадлежности, не можетъ быть подвержено никакимъ принадлежностямъ, надъ которыми власть и владычество его возносится.

Намъ осталось еще слѣлать нѣкоторыя замѣчанія на послѣднее опредѣленіе его книги, содержащее въ себя

въ себѣ разсужденія о единствѣ языка и о вольныхъ художествахъ; но и по симъ предлогамъ оныя тѣмъ же клеймомъ расудка управляемаго воображеніемъ мечтаніями поврежденнаго означаютъ. Хотя въ семъ отдѣленіи представляется не менѣе предложеній требующихъ странностію своею быть примѣчены; но мы опасаясь тѣхъ же повторѣній, коими нашъ Каббалистъ расширилъ свое сочиненіе, представимъ въ краткости изслѣдованіе наше о парадоксахъ его, или несобытныхъ предложеніяхъ.

Онъ полагаетъ въ человѣкѣ быть двумъ языкамъ: одинъ внутренній, а другой наружный, и потому проситъ изслѣдовать *свойства внутренняго и скрытнаго языка и увидѣть, есть ли онъ что иное, какъ не гласъ и израженіе начала, внѣ его сущаго, которое начертываетъ въ нихъ мысль свою, и которое дѣлаетъ сущнымъ*

нымъ то, что въ немъ происходитъ. Естьли бы сіе мимое начало начертывало мысль свою во всѣхъ человѣкахъ; то бы всѣ они имѣли мысли единакія и не находилось бы во мнѣніяхъ никакой разницы между всѣми людьми, населяющими шаръ земной; и потому всѣ живущіе какъ среди Европы, такъ и Камчадалы; Японцы, Гишпанцы и Гюроны имѣли бы мысль одинакую, начерпанную однимъ началомъ.

По силѣ принятаго нами понятія о семъ началѣ мы можемъ знать, что поелику всѣ люди должны быть имъ управляемы, то со всѣхъ ихъ надобно быть и единообразному направленію, единакой цѣли и единакому закону, не взирая на необъятное многоразличіе добрыхъ мыслей, какія могутъ быть имъ чрезъ сіе средство сообщаемы. Послѣ того

что начало начертываетъ въ людяхъ мысль свою и направляетъ ихъ къ единой цѣли, изрѣченіе *сообщаетъ имъ* разныя мысли, есть предложеніе противорѣчіе показующее: ибо не можетъ быть въ людяхъ единообразное направленіе, когда имъ сообщены разныя мысли, которыя должны направлять по разнымъ, свойственнымъ симъ мыслямъ, устремленіямъ.

Онъ паки повторяетъ, что естьли бы позволено ему было, то бы онъ показалъ, что *отъ начала міра былъ языкъ, который никогда не терялся и который не погибнетъ и послѣ кончины міра* ... Послѣ увѣренія его, что міръ окончится лѣтомъ, напрасно онъ мыслитъ, чтобъ ему не позволено было безумствовать о языкѣ, которой и послѣ сей лѣтней кончины міра не погибнетъ. Но о такомъ негибнущемъ языкѣ, который и тогда, когда міръ

мѣръ и люди исчезнутъ, хотя онъ для людей и былъ сдѣланъ, существовать не престаетъ, надлежало было сказать, что онъ не отъ зачатія, но прежде еще зачатія міра былъ, когда онъ и послѣ кончины онаго не погибнетъ. Вотъ еще сильнѣйшій доводъ о существѣ сего языка! Онъ увѣряетъ, что *разлученные вѣками и самые современники, хотя и въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, понимали одинъ другаго посредствомъ сего всеобщаго и негибнущаго языка.* Симъ вѣрнѣйшимъ доказательствомъ, онъ не только несомнѣнно утвердилъ бытіе сего языка, но еще и удостовѣрилъ, что онъ самъ тотъ, который можетъ разговаривать съ усопшими и съ тѣми, которые отъ него отдалены на нѣсколько тысячъ верстъ.

По сей премудрой способности разговаривать съ умершими или съ духами ихъ, и съ отсутствующими

ми, не можно сомнѣваться, что бъ Господинъ пророкъ Мартинъ всю глубокую свою науку, не почерпнулъ изъ писаній собесѣдника ангеловъ, и называвшагося посланникомъ Божіимъ Шведенбурга, который вправду безо всякаго покрова и безъ всякой Аллегоріи увѣряетъ, что онъ видалъ ангеловъ, съ ними говаривалъ, знаетъ ихъ жилище, ихъ обхожденіе, и который писалъ къ одному ученому, называемому Гартлебомъ, что онъ, кромѣ Шпокгольмской Академіи, не хотѣлъ ни къ какой другой быть причисленъ, для того, что онъ есть членъ собранія ангельскаго. Сей мечтовидецъ въ томъ же письмѣ такъ изъясняется: „какія бы „почести и какія бы выгоды не „долженствовали произойти изъ „того, о чемъ я вамъ выше упо„миналъ; но я мало оныя уважаю, когда ихъ сравниваю съ „славою священной должности, къ „которой самъ Богъ меня воз„звалъ: ему угодно было въ 1473

„году

„году явить себя лично мнѣ не-
„достойному рабу своему, дабы
„отверзнуть во мнѣ зрѣніе свѣ-
„та безплеснаго, и одарить
„меня способностію имѣть сооб-
„щеніе съ духами и ангелами.
А еще въ другомъ письмѣ къ Ланд-
графу Дармштатскому, онъ увѣдом-
ляетъ его, что онъ разговаривалъ
съ одною умершею дамою, а шесть
мѣсяцовъ прежде письма его къ
Ландграфу, съ покойнымъ Станисла-
вомъ Королемъ Польскимъ, по-
томъ съ послѣднимъ умершимъ Па-
пою Римскимъ, который будто
послѣ смерти своей, пробылъ съ нимъ
цѣлой день, совѣтовалъ его, дабы
присутствовать на собраніи Іезуи-
товъ, въ коемъ онъ предсѣдатель-
ствовалъ два мѣсяца. „Я видѣлъ,
прибавляетъ онъ, „какъ онъ возне-
„ся отъ нихъ, и тогда мнѣ
„позволено было собесѣдовать съ
„нимъ въ разныя времена; но не
„позволено было ничего сказывать

„объ образѣ его жизни и о его „состояніи.

Не льзя въ ученіи, такого всевышнею благодатію вдохновеннаго наставника, не пріобрѣсть дарованіе разговаривать съ мертвыми и съ отсутствующими!

Онъ истисляетъ всѣ преимущества сего языка; между прочими полезными отмѣнностями онаго, сказываетъ, что онъ можетъ показать силу сѣчера, дѣвственную землю, и что Полководцы средствомъ симъ имѣли успѣхи въ сраженіяхъ. И потомъ прибавляетъ: *но кромѣ того, что не льзя мнѣ здѣсь быть откровенну, не наруша моего обѣщанія и моихъ обязанностей, безполезно говорить о семъ яснѣе; ибо слова мои потеряны будутъ для тѣхъ, которые не обратили взора своего на сію сторону: а таковыхъ несчетное почти есть число.*

сда

Когда онъ при всякомъ умноженіи сумасбродства всѣми силами старается увѣрить, что ему всѣ таинства Божественныя и естественныя извѣстны, и не успѣетъ по скромности своей въ познаніи оныхъ показывать самохвальство; то и мы не должны уставать въ испроверженіи сея рѣдкаго тщеславія и изо всѣхъ силъ восклицать, что кромѣ легковѣрныхъ, никто ему въ мнимыхъ его таинствахъ не вѣритъ.

Онъ увѣдомляетъ, что онъ съ такою же осторожностію говорить долженъ, что сей истинный языкъ обнаруживается слухомъ и зрѣніемъ; слѣдственно разность между внутреннимъ и наружнымъ языкомъ, утвержденная имъ прежде исчезла, и теперь уже паки она смѣшалась вкупѣ. Здѣсь надобно замѣтить увертку его: когда онъ почувствуетъ, что онъ сказалъ нелѣпость, въ которой надобно ему извинитьсѧ;

тогда онъ дѣлаетъ другія предложенія запимѣвающія первыя, и подъ видомъ таинственнаго смысла присвоилъ себѣ право предлагать читателямъ всякое сумасбродство, какое у него въ воображеніи сочиняется. Ибо мы немного выше видѣли, что онъ увѣрдительно и безо всякаго покрова утвердилъ, что *разлученные вѣками и самые современники, хотя и въ дальномъ разстояніи другъ отъ друга, понимали одинъ другаго посредствомъ сего всеобщаго и неизмѣнящаго языка*, то есть посредствомъ того языка, который и послѣ кончины міра существовавши будетъ; но теперь онъ такъ изъясняется.

Какъ бы могъ онъ (человѣкъ) *разумѣть людей, которые или прежде его, или въ отдаленіи жили, естьли не помощію писанія? Однако напрасно согласиться и въ томъ, что сіи люди*

прож-

прежде бывшіе, или отдаленные, могутъ имѣть переводчиковъ, или толкователей, которые, равно съ ними обученны будучи истиннымъ правиламъ языка, о которомъ говоримъ, устраняютъ его въ разговорахъ, и такимъ образомъ сближаютъ времена и отдаленныя мѣста. Всѣ употребляемые языки какъ древніе, такъ и нынѣшніе имѣли и имѣютъ дѣйствіе сообщать человѣческія мысли однихъ другимъ, отдаленныхъ разстояніемъ времени и мѣста. Ибо въ нынѣшнемъ вѣкѣ читаютъ Гомера и Виргилія; средствомъ писанія живущіе въ Лиссабонѣ и Петербургѣ, въ Лондонѣ и въ Мадритѣ, въ Парижѣ и въ Пондишери, между собою разговаривать могутъ; слѣдственно сей истинный языкъ не имѣлъ бы никакого преимущества, естьли бы онъ намъ его въ семъ смыслѣ представлялъ. Но сіе простое изображеніе онаго, есть только покровъ, дабы легковѣрныхъ

увѣрить, что онъ точно знаетъ тотъ языкъ, которымъ можно съ умершими и съ отдаленными разговаривать; а предъ здравомыслящими оправдиться тѣмъ, что прежнее его предложеніе разумѣлось о языкѣ употребляемомъ. Какъ можно имѣть довѣренность къ писателю, который не только что мечтательныя разсужденія, но еще и двоякія, могущія быть уклонны на ту сторону, на которую нужда потребуетъ, съ пышностію называетъ истинными.

По преданности своей къ тройственному числу, находитъ онъ во всѣхъ языкахъ только *три коренныя части рѣчи: имя, или мѣстоименіе дѣйствительныя; глаголъ; имя, или мѣстоименіе страдательное....* Грамматисты въ семъ спорить будутъ; но не съ такимъ снисхожденіемъ дозволятъ они ему подобіе меркурія съ глаголомъ: ибо онъ

онъ говоритъ, *что глаголъ въ нашихъ способностяхъ умныхъ есть образъ дѣйствія, а въ началахъ тѣлесныхъ образъ меркурія.* Тутъ цѣломудренный нашъ учитель, представляетъ намъ еще новый примѣръ похвальной скромности своей, изъясняясь такимъ образомъ:

Теперь обрати мысль свою на сказанное мною о вѣсѣ, числѣ и мѣрѣ; разсмотри, не объемлютъ ли сіи законы во владычествѣ своемъ человѣка со всѣмъ, что въ немъ и отъ него происходитъ; вспомни еще и то, что я сказалъ о славномъ тройномъ числѣ, которое объявилъ я всеобщимъ; изслѣдуй, есть ли вещь, которой бы оно не объимало: и тогда научись имѣть благороднѣйшую идею, нежели какую до нынѣ имѣютъ о томъ существѣ, которо, не взирая на свое униженное состояніе, можетъ толь

высо-

высоко возволить взоръ свой, которое можетъ тайя познанія привлекать къ себѣ и понимать вдругъ толь великое цѣлое. То есть, что онъ заставляетъ людей почитать его благороднѣйшимъ существомъ для того, что онъ возвелъ взоръ свой на квадратъ, на дѣйствующую причину, и для того, что онъ имѣетъ сообщеніе съ безплотнымъ существомъ; а тѣмъ и хочетъ сказать, что родъ человѣческій ему много обязанъ, и долженъ на него съ почтеніемъ возводить взоръ свой, такъ какъ онъ повелѣвалъ прежде сіе чинить за то, что онъ пріобрѣлъ надъ нимъ право рабства; а теперь за то, что онъ возвожденіемъ своего взора въ превыспренніе и высокомечтательные предѣлы, пріобрѣлъ право человѣкамъ имѣть о себѣ благороднѣйшую идею.

Главное доказательство, что меркурій подобенъ глаголу, онъ

такъ

такъ предлагаетъ: .... *Наконецъ пусть разсмотрятъ примѣчатели, не чрезъ сей ли знакъ, называемый глаголомъ, являемо бываетъ въ насъ все, что ни есть умственнѣйшее и дѣйствительнѣйшее; не онъ ли одинъ способенъ подкрѣпить, или ослабить выраженіе; . . .* Хотя сія неправильность грамматическая всеобщею своею извѣстностію и не требуетъ возраженія; однако, дабы не подумали, что мы попущаемъ его дѣлать нападеніе на безвинную предъ нимъ Грамматику, и отнимать владычество у ней надъ тѣми частьми рѣчи, коими она издревле управлять обыкла, мы объявимъ сему новому учителю языка, посредствомъ коего онъ можетъ съ отдаленными и съ мертвыми говорить, что глаголъ не имѣетъ способности подкрѣпить, или ослабить выраженіе; къ сему дѣлу принадлежатъ вспомогательныя части слова; Ибо естьли кто,

желая изъяснить силу, или слабость какого дѣйствія самимъ имъ, или къ другимъ производимаго, приимеръ бы токмо одинъ глаголъ, напримѣръ: брежу, заврался; тотъ бы означилъ только простое дѣяніе безъ подкрѣпленія и безъ ослабленія онаго; но естьли изъясняющій сіи глаголы, изображающіе просто дѣянія, прибавитъ къ нимъ слова: очень, много, мало и проч; тогда чрезъ сія объяснится подкрѣпленіе, или ослабленіе глагола. Потому и нельзя приписать глаголу то свойство, коего онъ не имѣетъ, и которое принадлежитъ только прилагательнымъ именамъ: ибо изъ положительнаго, дѣлаются степени разсудительныя и превосходныя, напримѣръ: славенъ, славнѣе; мудрый, мудрѣе.

И такъ да увѣрятся Грамматисты, продолжаетъ съ обыкновеннымъ своимъ благоразуміемъ, *что поелику законы науки ихъ при-*

прилежатся начала, какъ и всѣ прочія, то могутъ съ сихъ открыть неизчерпаемый источникъ познаній и истинъ, о которыхъ едва ли имѣютъ малѣйшую идею.

Къ пріобрѣтенію сихъ истинъ онъ преподаетъ слѣдующій совѣтъ: *надлежитъ паче всего примѣчать, что прилагательное не можетъ само собою присоединиться къ существительному, равно какъ существительное одно безсильно произвесть прилагательное; и то и другое ожидаетъ вышняго дѣйствія, которое бы свело ихъ вмѣстѣ и связало по изволенію своему...* И такъ, естьли кто захочетъ сказать, или написать существительное съ прилагательнымъ, тому надлежитъ ожидать вышняго дѣйствія, которое бы ихъ вмѣстѣ связало по соизволенію своему! И послѣ сего можно ли искать паки смысла въ на-

такомъ ученіи, въ которомъ первымъ правиломъ поставляется, никогда не быть согласнымъ съ здравымъ разсудкомъ?

Онъ отвѣтствуетъ читателямъ, которые *любопытствуютъ знать какъ называется и какого рода есть сей языкъ, что въ разсужденіи имени, онъ не можетъ удовлетворить ихъ, потому что онъ объщался не именовать ничего; но что касается до роду его, то онъ признается, что его есть тотъ языкъ, который есть цѣль желаній всѣхъ народовъ земли, которой тайно рукоплещутъ людямъ во всѣхъ ихъ установленіяхъ, въ которомъ каждой изъ нихъ особливо и тщательно упражняется, не зная того самъ и которой стараются они изобразить во всѣхъ своихъ дѣлахъ; ибо онъ столь глубоко въ нихъ начертанъ, что не могутъ произвесть*

здесть никакого дѣла, на которомъ бы не было знаковъ его. И потомъ такъ глубоко забредилъ, что мы принуждены его оставить, наполнивъ нѣсколько страницъ предложеніями безсмысленными, одинъ звукъ только изрѣченій представляющими, и обратившися къ обѣщанію его ничего не именовать, относительно къ кому мы замѣтимъ, что не удобно именовать вещи постыдныя и пѣ, которыя могутъ оскорбить въ обществѣ нравственное согласіе; но обѣщаніе не именовать вещи, могущія просвѣтить человѣковъ, для коихъ писаніе предпринимается, есть дѣло противъ благоразумія и искренности, которая во всѣхъ писателяхъ, трудящихся для всеобщей пользы, должна быть первымъ достоинствомъ и ими предводительствовать.

Наконецъ онъ восклицаетъ: *Но умолкну, о святая истинна! я буду похититель твоихъ*

 правъ,

повѣ, ежели и темнымъ образомъ возвѣщу тайны твои.... Признаться должно, что мы внутренне давно желали, чтобъ онъ сіе благое намѣреніе принялъ; ибо всѣ его мрачныя разсужденія, ежеминутно разсудку и понятію человѣческому противорѣчествующія, отнимаютъ бодрость и охоту, не только къ изслѣдованію, но и къ единственному прочтенію оныхъ. Снисхождение же до повѣренности къ сіяющей ему тайности отъ истины; то сіе предложеніе имѣетъ на себѣ такой же знакъ правильности, какъ и всѣ его разсужденія. Ибо, естьли святая истина удостоила его сообщеніемъ ему тайностей своихъ съ тѣмъ, чтобъ онъ о нихъ не объявлялъ; то все пустословное его сочиненіе было бы въ противность столь величайшему ея къ нему снисхожденію: естьли же она выбрала его быть повѣреннымъ своимъ съ тѣмъ, чтобъ онъ просвѣщалъ родъ человѣческой, то

онъ

онъ поступаетъ вопреки ея намѣренїю, когда темнымъ образомъ и не ясненно возвѣщаетъ таинства ея; слѣдственно въ такомъ его воскликнаніи смысла никакого не находится. Сверьхъ сего мы еще повторимъ, естьли таинства благо человѣческое содержатъ, то не надобно возвѣщать ихъ темнымъ образомъ, но со всевозможною ясностїю: естьли же онѣ противныя свойства имѣютъ, въ такомъ случаѣ не надлежитъ ихъ возвѣщать, ни темнымъ, ни яснымъ образомъ.

И такъ имѣя вегла, прибавляетъ онъ, *руководителемъ моимъ благоразумїе, скажу далѣе*... Весьма странно видѣть превозносящагося благоразумїемъ того, который отъ него столько удалился, что уже больше не ступаетъ, какъ по стезямъ безумїя!

Но къ большому нашему сожалѣнїю, онъ однако же не сохранилъ

похвальнаго своего обѣщанія умолкнуть; но принуждаетъ насъ еще слѣдовать за собою въ разногласномъ съ разумомъ проповѣдываніи своемъ, и возвѣщая темнымъ образомъ тайны о неисчетной различности тѣлесъ, увѣряетъ, что *люди не могутъ ничего изобрѣтать.* Надобно ли ему напомнить, что полезныя изобрѣтенія въ наукахъ и въ художествахъ, напримѣръ: земледѣліе, мореплаваніе, магнитная стрѣла, тисненіе книгъ, увеличивающія и уменьшающія стекла, дѣланіе самаго стекла, фарфоръ, часы и многія вещи, служащія къ ежедневному употребленію въ жизни человѣческой открыты людьми. Бойль, Бюфонъ, Гартсекеръ, Спалланцини обогатили Физику своими изобрѣтеніями; Сенторій, Гарвей, Мальпигій, Левенгекъ, Физіологію; Ньютонъ, Картезій, Лейбницъ сдѣлали множество изобрѣтеній въ Математикѣ, въ Физикѣ и Астрономіи. Они ради пользы человѣческаго рода,

не покрывались мнимыхъ таинствъ покровами, и благоразуміе ихъ не позволяло имъ предлагать читателямъ безобразныя разсужденія, которыя бы тяжко отягощали пищеными и безплодными приложеніемъ къ понятію оныхъ, и отнимали бы у нихъ время, могущее быть употреблено съ успѣхомъ на другіе предметы пользу существенную, а не мнимую доставляющіе.

Въ доказательство, что люди ничего не изобрѣтаютъ, онъ подъ руководительствомъ своего благоразумія разсуждая о животныхъ, такъ говоритъ:

Однако чрезъ самую сію грубую живопись можемъ удостовѣриться совершенно въ сей неоспоримой истинѣ, объявленной выше сего, то есть, что люди не изобрѣтаютъ ничего... Надлежитъ привыкнуть уже намъ всѣ свои Орудія называть названіями... Не

съ тѣлесныхъ ли существъ они сочиняютъ свои картины? Да и могутъ ли съ чего инаго брать оныя? потому, что живопись есть наука для глазъ, то и не можетъ она заниматься, какъ токмо чувственнымъ, и находится, какъ токмо въ чувственномъ же. Однако недавно упоминаемыя нами изобрѣтенія, не въ живописи были учинены, но по другимъ предметамъ несравненно важнѣйшимъ; а потому и несправедливо, чтобъ люди ничего не изобрѣтали. Не изъискивая, можно ли найти въ живописи представленія не существующія въ натурѣ, мы замѣтимъ, что химеры съ полезными изобрѣтеніями, имѣютъ разницу безконечную.

Скажетъ кто, прибавляетъ онъ, *что живописецъ не только можетъ обойтися безъ чувственныхъ вещей, но еще возвысясь надъ ними, можетъ брать*

брать себѣ образцы въ воображеніи своемъ? Сіе возраженіе легко опровергнуть; ибо давимъ всю волю воображенію, позволимъ ему заблуждать, какъ хочетъ; спрашиваю, можетъ ли оно родить что нибудь, которое бы не въ натурѣ было, и можно ли когда сказать, чтобъ воображеніе сотворило что нибудь? ..... Симъ в прошеніемъ онъ разрушаетъ возраженіе свое, которое онъ самъ себѣ представилъ; ибо вся книга его свидѣтельствуетъ, что все то, что воображеніе его возродило въ оной, того конечно въ натурѣ нѣтъ и быть не можетъ: понеже слово натура, взятое, какъ извѣстно изъ Латинскаго языка, значитъ вещество вообще и бытіе всѣхъ возможныхъ существъ тѣлесныхъ, ихъ движеніе, сношеніе и дѣйствіе одного надъ другимъ. И потому двойственные его законы, отражательное дѣйствіе, безтѣлесныя начала, причина дѣй-

ствующая, квадратъ имѣющій божественныя дѣйствія и прочія всѣ нелѣпости, не могутъ быть что другое, какъ химеры развращеннаго его воображенія не существующія въ натурѣ.

Да избавитъ насъ обязанность наша отъ претрѣшенія, содѣваемаго нами обращеніемъ мысли нашей, на толь неистовыя и противныя премудрости Божіей положенія! Предпріятіе наше испровергнуть, поелику есть въ возможности нашей, дерзкое и безумное ученіе, превратитъ нашу обязанность со всемъ другаго рода, нежели его обязанность; ибо гордость и тщеславіе быть главою секты, принудило его вступить въ свою для вымышленія химеръ, коими онъ владычествовать надъ послѣдователями своими приготовляется: а наша состоитъ въ томъ, чтобъ разрушить оныя и прогнать ихъ паки въ мечтательные предѣлы, откуда блудящее воображе-

Браженїе лживаго пророка ихъ изтерзало.

Мы съ сожалѣнїемъ должны сдѣлать еще одно замѣчанїе на уподобленїе имъ Существа Всесовершеннаго, о коемъ всякой благоразумной твари не только говорить, но и мыслить подобаетъ съ почтеннымъ благоговѣнїемъ, на уподобленїе, говоримъ мы, сего Существа музыкальному согласїю называемому совершенному. Онъ предварительно такъ изъясняется: *прележитъ намъ еще изслѣдовать одно изъ произведенїй сего истиннаго языка, котораго лишенїе стараюсь возвратить людямъ*..... Сими словами онъ по обыкновенной и видно сродной ему скромности хочетъ сказать: *взирайте людїе съ признательностїю на мою къ вамъ благость; я хочу вамъ возвратить сей Божественный языкъ, которому меня научила причина дѣйствующая временная!*

Но по нещастію сіе самохвальство, не соотвѣтствуетъ старанію его возвратить мнимой сей языкъ; ибо все, что онъ о томъ ни говоритъ, столько же вразумительно, какъ и то, что уже мы видѣли.

Такимъ образомъ онъ къ возвращенію сего всеобщаго языка говоритъ: *волерныхъ, то, что извѣстно намъ въ Музыкѣ подъ именемъ совершеннаго строя, есть для насъ образъ сея первыя единицы, которая содержитъ въ себѣ все и отъ которой все происходитъ; потому что сей строй есть единственный, что онъ самъ въ себѣ полонъ, и не имѣетъ нужды въ помощи инаго тона, кромѣ своихъ собственныхъ; словомъ, потому что онъ неизмѣненъ во всей внутренней силѣ, какъ и единица....*

Естьлибъ можно было человѣку дѣлать такія сравненія не отступая отъ

отъ разсудка; то бы и въ такомъ случаѣ сравненіе сіе было столько же несправедливо, сколько и сравненіе Квадрата съ Всевышнимъ Творцомъ есть неизвѣстно. Ибо совершенное согласіе въ Музыкѣ, столько же резпектуетъ отъ единицы, сколько число 8 отлично отъ одного: потому что строй совершеннаго согласія составленъ изъ перваго или главнаго тона, изъ Терціи большой или меньшой, изъ Квинты и наконецъ изъ Октавы; то можно ли уподобить единицѣ разные тоны, означающіе разныя числа, но составляющіе одно согласіе? Притомъ не правда, что бы совершенный строй былъ единственный; понеже онныхъ въ Музыкѣ находится естественнымъ образомъ 24, половина называемыхъ Маіорныхъ, а другая Минорныхъ.

Извѣстно, что Октава не иное что есть, какъ повтореніе начальнаго тона, и что она содержится

жится въ главныхъ тонахъ, которые звонкія тѣла издаютъ выше перьваго тона, въ какомъ бы по строю ни было. Симъ изобрѣтеніемъ, что звонкое тѣло издаетъ, кромѣ перьваго тона Квинту и Октаву, Музыканты обязаны Тартинію славному Виртуозу, находившемуся въ городѣ Падуѣ, близъ Венеціи, и съ которымъ одинъ изъ нашихъ сотоварищей въ семъ изслѣдованіи, имѣлъ случай часто собесѣдовать. Сей искусный Музыкантъ, первый примѣтилъ, что басовая струна контръ баса издавала первой тонъ, называемый тонъ родитель, и надъ нимъ его Квинту и Октаву.

Мы здѣсь замѣтимъ, какое насильственное притяженіе онъ дѣлаетъ къ тѣмъ числамъ, которыя онъ избралъ себѣ кумирами. Ибо онъ говоритъ: *четверной промежутокъ есть главный дѣйствователь строя; онъ находится выше прочихъ двухъ промежутковъ трой-*

тройныхъ, дабы начальствовать и управлять всемъ дѣйствіемъ, подобно какъ сія причина дѣйствующая и разумная, которая, какъ мы видѣли, господствуетъ и правитъ двойственнымъ закономъ всѣхъ существъ, одѣянныхъ тѣлами. Онъ не можетъ, подобно ей, терпѣть никакого смѣшенія, и когда дѣйствуетъ одинъ, какъ сія всеобщая причина времени то вѣрно всѣ его содѣйствія правильны.

Ни одного слова тутъ нѣтъ, которое согласовалось бы съ малѣйшею справедливостію; понеже послѣ Терціи Маіоръ не бываетъ цѣлаго тона, но токмо половина тона; потому Кварта, не только не начальствуетъ, надъ согласіемъ, но еще и портитъ оное; а мѣсто сіе, которое онъ приписуетъ Кваргѣ, дабы являть мнимое могущество четвернаго числа занимаетъ Квинта; и ее справедливо почесть можно послѣ

Пер-

перьваго тона дѣйствователемъ совершеннаго строя; ибо она природнымъ образомъ находится въ перьвомъ тонѣ или тонѣ родителѣ, такъ какъ мы выше сего упоминали. Видно, что нашему Метафизику, не очень извѣстно употребленіе Кварты и Квинты въ музыкальныхъ сочиненіяхъ: но дабы устроить непонятную систему свою, онъ вооружился и противъ здраваго разсудка и противъ правды, въ чемъ ясно свидѣтельствуютъ приведенныя предъ симъ его предложенія.

Знаю однако, что сія Октава, будучи токмо повтореніе начальнаго тона, можетъ по строгости отнята быть и не входить въ счисленіе тоновъ, составляющихъ совершенный строй.... Можно отнять Октаву мысленно, но въ исполненіи совершеннаго согласія на инструментахъ отнять ее не можно; ибо названіе совершеннаго согласія не будетъ уже ему боль-

ше

ше приличествовать, понеже безъ Окшавы оно будетъ не совершенно... *Октава есть*, прибавляетъ онъ, *первый дѣйствователь или первый органъ, чрезъ который десять могли дойти до нашего осьменія.* Сіе смѣшнымъ образомъ таинственное израженіе, що же заключаетъ въ себѣ, что мы прежде о числѣ десяти видѣли, будто бы оно есть центръ, испускающій лучи безконечные: въ теперешнемъ же случаѣ число десять, значитъ ту же безконечность, шокмо безъ центра, по той причинѣ, что, есльли къ Окшавѣ приложить число два, то сіе составитъ новую Терцію; почему можно производить согласіе до безконечности, и потому Окшава есть первый органъ, который служилъ къ столь полезному понятію. И такую странномузыкальную науку, на разладѣ мыслей его, разстроеннымъ воображеніемъ сочиненную, благоразумный и скромный писатель, пріобрѣтшій право рабства

ства надъ подобными себѣ представляетъ съ важностію, яко благо человѣческое доставляющую!

Мы здѣсь представимъ еще образикъ премудраго его разсужденія, дабы читатели наши могли сами судить о благоразуміи его. Мы подражая ему, возмемъ число четыре; ибо сіе справедливо, что люди иногда не вѣдая и сами, берутъ примѣры съ тѣхъ, съ которыми они чаще въ обхожденіи бываютъ, возмемъ число четыре, говоримъ мы, и предложимъ четыре слѣдующіе параграфа, изъ вышеписаннаго его ученія; ибо разсужденія его, заключающіяся въ оныхъ, суть такой силы.

Мы видѣли, говоритъ онъ, *что кварта господствуетъ надъ двумя нижними терціями и что сіи двѣ нижнія терціи суть образъ двойственнаго закона, управляющаго существами стихійными*

ными. Не самая ли натура здѣсь показываетъ разность между тѣломъ и его началомъ, представляя намъ одно зависимымъ и покореннымъ, а другое яко начальника его и подкрѣпителя?

Сіи двѣ терціи въ самомъ дѣлѣ показываютъ намъ своею разностію состояніе тѣлесныхъ вещей натуры тѣлесной, которая стоитъ на соединеніи двухъ разныхъ частей; и послѣдній тонъ, составленный изъ единаго промежутка четверичнаго, есть еще изображеніе перваго начала; ибо онъ какъ числомъ своимъ, такъ и числомъ напоминаетъ намъ простоту, великость и неизмѣняемость.

Но сіе не потому, чтобъ сія кварта гармоничная была болѣе долговѣчна, нежели всѣ прочія сотворенныя вещи. Когда

она чувственная, то должна быть и прехолящая; однакожъ въ самомъ прехолящемъ своемъ дѣйствіи живописуетъ разумѣнію сущность и постоянность своего источника.

И такъ въ сочетаніи промежутковъ совершеннаго строя находимъ все, что есть страдательное, и все, что есть дѣйствительное, то есть все, что существуетъ и все, что человѣкъ можетъ вздумать.

И такъ сочетаніе, такого великаго множества бредней, причиняетъ всякому терпѣливому читателю довольно спражданія, и заставляетъ его роптать, что въ немъ дѣйствуетъ такое отмѣнное сумасбродство и существуетъ столько тщеславія, что заставило его вздумать такія нелѣпости. Послѣ чего лучше не можно ничего сдѣлать, какъ закрыть книгу соборища оныхъ

онымъ и никогда въ нее не заглядывать.

Однако мы не можемъ оставить безъ замѣчанія еще предложенія его особливою справностію означающагося, онъ говоритъ, *что зло родилось и явилось съ сего отъ того, что октава уничтожена стала, и на мѣсто ея оставленъ новый тонъ септимы, что и составляетъ новый строй септимы....*

Не правда, что бы октава уничтожена была; ибо ее такъ возможно уничтожить, какъ и всѣ прочіе; и строй септимы такъ же давно существуетъ, какъ и строй совершенный; а потому и не льзя его назвать новымъ.

И понеже натура не можетъ иначе держаться, какъ помощію двухъ дѣйствій противныхъ; отъ чего и происходятъ

примѣчаемыя нами, сраженїе и насилїе, смѣсь правильности и безпорядка, которыя въ точности изображаютъ намъ гармонїя чрезъ совокупленїе согласїй и разногласїй, изъ которыхъ составляются всѣ музыкальныя произведенїя.

Если-ли бы мы самимъ дѣломъ хотѣли возражать на такой Музыкальный вздоръ, уху и понятію противной; то бы мы поправедли-вости подвергнулись нарекацїю, что и мы столько же отступаемъ отъ здраваго разсудка, сколько самъ сочинитель, порабощенный надмѣнному предсказанію своему, принуждающему его употреблять всѣ силы свои, дабы умичножить оной. Правда, онъ почувствовавъ, что онъ не съискренно заградся, прибавляетъ: *безъ сомнѣнїя чувствуютъ они, (читатели) что я прелесталяю аллегорїю, когда говорю, что ежели бы совершенный*

строй

строй древнякъ въ истинномъ своемъ естествѣ, то зло еще бы не родилось; ибо, по силѣ выше утвержденнаго начальнаго положенія, невозможно порядку музыкальному въ своемъ частномъ зданѣ быть разнымъ съ вышнимъ порядкомъ, понеже онъ есть токмо изображеніе. По сими словами онъ утверждаетъ, что онъ не аллегорію предполагалъ, но дѣлалъ въ прямомъ смыслѣ словъ описаніе высшаго порядка изображеніемъ музыкальнаго порядка; почему, по увѣренію его, сей порядокъ есть изображеніе перьваго.

Послѣ такихъ благоразумныхъ разсужденій, онъ говоритъ: *но безъ удержатъ меня благоразуміе и лѣнь мой; ибо въ сихъ матеріяхъ единый шумъ ведетъ ко всѣмъ прочимъ; и естьли бы заслуженія, которыми науки человѣческія заражаютъ мой родъ, не принудили меня предпри-*

принять защищеніе его, не принялся бы я никакъ писать ни о которомъ изъ нихъ. Забавно кажется, видѣть человѣка въ одно время напоминать о своемъ благоразуміи, и предлагать разсужденія совсемъ оному противныя! И можетъ ли быть благоразуміе въ такомъ отвратительномъ самохвальствѣ, что онъ принужденъ предпринять защищеніе всего рода человѣческаго? И въ чемъ состоитъ сіе защищеніе? Въ сумасбродныхъ бредняхъ никому не понятныхъ! Онъ не размысля, что для истребленія заблужденій, или по его сказать, для защищенія отъ нихъ, надобно было писать вразумительно, печется только о удовлетвореніи честолюбія своего; и для того *безбоязненно* приписываетъ себѣ достоинство защитника рода человѣческаго, а чрезъ то, дабы по скромности своей, хотя безмолвнымъ образомъ объявить, что онъ сотворенъ для изведенія человѣковъ изъ заблуж-

заблужденій къ пагубѣ ихъ сопровождающихъ; по чему они будучи ему обязаны избавленіемъ своимъ, должны съ почтеніемъ на него возволить взоръ свой, такъ какъ онъ прежде уже сего и требовалъ. Прилично ли такому мрачному писателю возноситься защищеніемъ рода человѣческаго? Приписаніе себѣ такой славы, не простительно бы было и въ томъ, которой предлагая ученіе свое ясно и вразумительно, пренебрегъ бы совершенно родъ человѣческой. Но справедливое достоинство не надменно и не самохвально: оно не знаетъ пышныхъ изображеній, которыми мнитъ лживое обращать на себя удивленіе; оно старается быть полезнымъ, укрываясь подъ скромностію своею, а не подъ покровомъ гордости, ежечасно возвѣщающей о своей глубокой мудрости и сверьхъ естественномъ познаніи. Не науки заражаютъ родъ человѣческой, но невѣжество и лживыя разсужденія, возвышающія мечты на

жертвенникъ правды.

Вотъ еще одна изъ его истинъ, которая, хотя не столько важна, какъ та, что *Божество есть всюду*, *или человѣкъ не имѣетъ права получать себя начальной власти и вступать съ нею либо обязательство*; или какъ та истина, *что человѣкъ можетъ познаніями и качествами своими пріобрѣсть право себя надъ подобными себѣ*: однако странность ея требуетъ объясненія. Объ утвержденъ, что *сотрясенный строй все смиряетъ и приводитъ въ стройность*; то не льзя сомнѣваться, что и послѣ переворота стихій начала, бывшія съ ними въ сраженіи, должны обрѣсти прежнее свое спокойствіе; изъ чего, ежели отнести сіе къ человѣку, должны мы познать, сколько можетъ истинное познаніе Музыки предохранить его отъ страха смерти,

по-

потому что сія смерть есть ничто иное, какъ трель, которая оканчиваетъ разстроенное состоянїе человѣка и приводитъ его къ четыремъ согласіямъ.

Хотя его благоразумїе и не могло его удержать, отъ жестокосердаго прекращенія жизни рода человѣческаго смертоносною трелью; однако наше благоразумїе не позволяетъ намъ больше шествовать за сими новыми Орфеями, не воскрешающими, какъ древній, но умерщвляющими трелью подобныхъ себѣ; и для того при сей трели мы прекратимъ наше изслѣдованїе бредней его, пожелавъ ему больше здраваго разсудка, нежели сколько онъ его имѣетъ.

КОНЕЦЪ.

ТАБЛИЦА ПОКАЗУЮЩАЯ СТРАНИЦЫ ТЕКСТА И ИЗСЛѢДОВАНІЯ ОКАЛО.

Страницы Изслѣдованія.	Страницы Текста.	Страницы Изслѣдованія.	Страницы Текста.
7		30	
9 - -	3	31 - -	35
10 - -	4	32	
11 - -	6	33 - -	36
13 - -	11		
14 - -	12	34	
15 - -	13	35	37
16 - -	14	36	38
18 -	15	37	
21 - -	28		
22 - -	16	40 - -	43
23 - -	18		44
25 - -	22	41 - -	55
26 - -	25	42 - -	56
27 - -	26	43 - -	57
28		45 - -	58
29 - -	34		

Изслѣд:	Текста.
46 - -	68
	69
48 - -	71
52	
53 - -	73
54 - -	78
55 - -	79
56 - -	81
57	
58	
59	84
60	
	85
61 - -	88
64	
65 - -	86
67 - -	89
69	
70 - -	90
71 - -	92
77	
78 - -	95

Изслѣд:	Текста.
81 - -	98
82 - -	99
84	
85 - -	102
86	
87 - -	103
88 - -	108
89 - -	110
	113
91 - -	117
92 - -	120
93 - -	126
96 - -	121
98	
99	131
100	132
101	
102	
103	134
104	
106	135
107	
108	
109 - -	136

Изслѣд:	Текста.	Изслѣд:	Текста.
111		141	
116	140	142	161
117			
		143	
119		145	164
120	142		
121			
		146	168
125		147	168
126	143		
		148	172
128	146	152	176
129	147		
130	148	153	
131	151	154	184
132		155	185
133	152		
		156	175
134			176
135	154		
		157	125
137		158	126
138	158	159	129
139	162	160	197
		161	

Изслед:	Текста	Изслѣд:	Текста.
162 - -	220	194	250
168 - -	221	195	
169 - -	222	196	251
172 - -	202	197	
173 - -	205	198	252
174 - -	207	199	
		203	256
175			
176	208		
177		206 - -	257
178		207 - -	251
179	209		
180		208	
		210 - -	264
191 - -	225		
192 - -	226	211	
194 - -	213	212	265
186 - -	214	213	
188 - -	222	214	
189		215 - -	267
190			
191	244	218	
192		219	278
193		220	

Изслѣд:	Текста.	Изслѣд:	Текста.
221		243 - -	308
222 - -	279	247 - -	309
224 - -	284	249 - -	310
225			278
226 - -	286	250 - -	311
227 - -	289	251	
228		252 - -	312
229	291	253	
230		255	315
231 - -	292	256	
233	293	257	
234	294	258	
235	295	259	317
236	296	260	
237		261 - -	318
238	297		
239		262 - -	319
	298		
240 - -	299	264 - -	323

Изљед:	Текета.	Изљед:	Текета.
285		294	
286	324	292 --	301
287			
		293	
288 --	326	294 --	366
289	327	295	
290		296 --	307
291	323		
		297 --	363
292 --	330	298 --	360
294 --	331	299 --	315
		300 --	386
295 --	338	301 --	388
297 --	344	303 --	389
298 --	345	304 --	393
299 --	346		
283 --	350	305	
		306	
294 --	352	307	395
285		308	
287 --	353	311 --	398
288		312 --	399
		313	
289 --	358	314 --	400

Изслѣд:	Текста.	Изслѣд:	Текста.
315		334 --	446
316 --	402		
317		336	
318 --	412	337 --	451
319 --	413	338	
320 --	427	339 --	463
321		342 --	464
322 --	428		
323 --	433	344	
		345 --	466
325			
327 --	435	346 --	470
		347 --	471
328 --	436	349 --	475
	438	350	
329	440	351 --	478
	442		
		352 --	481
330 --	443		
331 --	444	353	
		355 --	493
332			
333 --	445	356 --	494

Изслѣдо:	Текста.	Изслѣдо:	Текста
357 - -	496	368 - -	506
358 - -	497	369 - -	507
359		370	
361 - -	502	371 - -	509
362 - -	503	372	
364		373 - -	512
365	60	276 - -	514
366			
367			

ПОГРѢШНОСТИ

стран.	стро.	*Напечатано.*	*Читай.*
1		свѣдѣчіе	свѣденіе *пред:*
22	6	екаралъ	екаралъ
23	21	упиверждаетъ	упиверждаетъ,
90	16	есть-	есть
		ли	ли
94	5	существами	существами,
101	7	простивъ	прстивъ
103	4	пророчность	прозрачность
107	24	сумозбродство	сумасбродство
109	19	*невреждаемъ*	*невреждаемымъ*
110	12	остающюаяся	остающаяся
112	25	ммъ	имъ
120	9	вображе́ніе	воображеніе
	18	*необходнмо*	*необходимо*
121	10	преподоваемая	преподаваемая
124	22	мнѣніемъ	мнѣніямъ
126	13	*начала растѣнія*	*начала ея растѣнія*
136	24	линѣй	линѣи
137	17	горизонталь-ные	горизонтальные
143	8	*истинное*	*есть истинное*

стр.	строк.	Напечатано.	Читай.
178	5	по мнѣнію, его	по мнѣнію его,
179	19	чувствуютъ люди.	чувствуютъ всѣ люди.
190	4	не можетъ быть.	не можетъ
196	2	не подаетъ	не подастъ
188	2	ero	его
190	8	которыя	которое
194	7	предлагалъ	преллагалъ
202	17	географическіе	географическія
203	6	Ъ причинѣ дѣйствующей	Ъ причинѣ физической, дѣйствующей
208	12	постухи	пастухи
211	14	установленіемъ	установленіямъ.
221	8	происхожденіе	происхожденіе
	6	владычество надъ подобными	владычества человѣка надъ подобными
22	3	чесло	число
234	25	глубачайшее	глубочайшее
239	2	идеи	идеѣ
240	3	не проходитъ	не прехолитъ

стра-ница:	стро:	Напечатано.	Читай.
242	1	какі ятолько	какія только
245	14	Реллигіи	религіи
249	17	бытъ	быть
251	23	свободна	свободная
252	5	законовъ	закономъ
	24	въ оныхъ	оныхъ
25	5	добродѣтельной	доброволной
255	5	обязательства	сего обязательстеа
267	4	чувствительные	чувственные
	5	лонимать	лознавать
269	15	везлѣ	доселѣ
275	23	самъ	самою
284	20	лроисходятъ	лроисходитъ
288	23	въ крови	крови
288	16	тѣлѣ ни ,	тѣлѣ, ни
290	2	Геметровъ	Геометровъ
0	3	всѣ равно	все равно
04	3	принадлѣжитъ	принадлежитъ
	10	линѣи	линѣѣ
	12	сложнніе	сложеніе
	16	числомъ четыре	числомй сеимъ четыре

страница:	строка:	*Напечатано.*	*Читай.*
307	17	*стїхїя*	*стихїя*
312	7	*нѣтъ тѣлесныхъ*	*нѣтъ иныхъ тѣлесныхъ*
314	18	*но можетъ*	*но можетъ*
	19	*и злишне*	*быть излишнее*
316	2	*всему простяженїю*	*всякому протяженїю*
	10	съ круговое	съ круговою
317	14	дѣйспвїя	дѣйспвїе
318	2	*четвертнаго*	*четернаго*
323	1	мрїъ	чїрь
327	2	человековъ,	человѣковъ;
	3	восходить	восходитъ
	23	*неизъясненнымъ*	*не изъясненнымъ*
336	4	расудка	разсудка.
352	21	*тогл*	*того*
356	22	Фізїолоїю	физїологїю
368	15	изъ высомысленнаго	изъ высокомысленнаго

Запасник
Библ.
486
1929

зала 18.
шкафъ 103.
полка 5. № 33.

ГПБ Русский фонд
18.103.533